

*Министерство образования и науки Российской Федерации
Южный федеральный университет
Институт социологии и регионоведения
Южнороссийский филиал
Института социологии Российской академии наук*

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИИ

*Материалы всероссийской конференции
(г. Ростов-на-Дону 14 апреля 2016 г.)*

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2016

ББК ТЗ (2Р) 64

Н-35

Н-35 Нациестроительство и модели национальной интеграции в России. Материалы всероссийской конференции. Часть 1. Ростов н/Д.: Изд-во Фонд науки и образования. 2016. –192 с.

ISBN 978-5-9908564-8-6

В сборник включены материалы лучших докладов и выступлений участников всероссийской научной конференции «Нациестроительство и модели национальной интеграции в России». В статьях раскрываются вопросы, межэтнических отношений, национальной политики, формирования общероссийской гражданской идентичности и комплексной безопасности.

Конференция организована в рамках реализации гранта РНФ № 15-18-10122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Сборник рекомендован всем, кто интересуется вопросами межэтнических проблем и национальной политики в России.

ISBN 978-5-9908564-8-6

© Авторы, 2016

© Оформление «Фонд науки и образования», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Аверьянов А.В.	
Потенциал этнической напряжённости на Юге России: курдский фактор	9
Арпентьева М.Р. Мультикультуральность и глобализация	15
Богданова О.В.	
Задачи региональной политической элиты по обеспечению межнационального согласия	27
Васьков М.А.	
Социокультурная и институциональная эффективность нациестроительства в России на основе гражданской идентичности	36
Викторин В.М., Бинеева Н.К.	
Межэтнические отношения в Астраханской области	45
Воденко К.Д.	
Специфика межрелигиозного взаимодействия на Юге России и зоны напряженности в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений в регионе	54
Войтенко В.П.	
Сравнительный анализ нормативно-правового регулирования межэтнических отношений в России, США и ФРГ как предмет отечественных научных исследований	61
Волков Ю.Г.	
Социологическая диагностика этнонациональных отношений в Южно-российском регионе	69
Гунаев Е.А.	
К вопросу о «коренных народах» в Российской Федерации: этнополитические и правовые аспекты	85
Денисова Г.С.	
Основные тенденции в сфере межэтнических взаимодействий на Юге России: по результатам этнологического мониторинга 2016 г.	93

Епифанцев С.Н., Самыгин С.И.	
Роль СМИ в формировании национальной идентичности и трансляции национальной культуры в России	102
Жаде З.А., Имгрунт С.И.	
Потенциал гражданской идентичности в регулировании этносоциальных процессов	107
Лубский А.В.	
Национальная идентичность: методологический конструкт междисциплинарного научного исследования	112
Микаелян А.М.	
Ребрендинг «многонациональности»	123
Намруева Л.В.	
Этнокультурные процессы в Республике Калмыкия: анализ 2015 года	128
Осипова О.В.	
Проблемы нациестроительства в национальном регионе	138
Сериков А.В.	
Образование как элемент ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США	151
Шапаров А.Е.	
Этнонациональная политика России в отношении коренных народов Севера: поиск стратегии	159
Шахбанова М.М.	
Состояние межнациональных отношений в Республике Дагестан (по результатам социологического опроса)	167
Щербакова Л.И., Лабадзе О.Е.	
Этническое предпринимательство в системе укрепления национального согласия	173
Щербина Е.А.	
Региональный уровень реализации государственной национальной политики (на примере субъектов РФ в СКФО)	179

ВВЕДЕНИЕ

В апреле 2016 г. в Южном федеральном университете прошла всероссийская конференция «Нациестроительство и модели национальной интеграции в России». Организаторами конференции выступили Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета и Институт социологии Российской академии наук.

Данная конференция была проведена в рамках реализации гранта Российского научного фонда N 15-18-10122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях» (руководитель – профессор Ю.Г. Волков).

Всероссийская конференция собрала представителей 46 научных и образовательных организации из 26 городов, в том числе из дальнего зарубежья.

Работа конференции проходила по четырем секциям:

«Национальная идентичность и национальная консолидация в России»;

«Национальная политика в России»;

«Межэтническая напряженность и межэтнические конфликты в России»;

«Актуальные проблемы глазами молодых ученых».

На пленарном заседании конференции выступил декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета Николай Генрихович Скворцов с докладом, посвященным проблемам формирования национальной идентичности в современной России. Научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета Юрий Григорьевич Волков освятил перспективы социологической диагностики этнонациональных отношений в Южно-российском ре-

гионе. Заведующий кафедрой социологии и социальной философии Крымского федерального университета Виктор Александрович Чигрин описал особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум. Владимир Алексеевич Трубицын, профессор Северо-Кавказского федерального университета, бывший федеральный инспектор по Республике Ингушетия посвятил свой доклад вопросам укреплению единства и межнациональных связей на Северном Кавказе. Директор Донского педагогического колледжа Олег Васильевич Степанов поделился своими соображениями по поводу зависимости проблем нациестроительства и образовательной политики в России. Завершил содержательную работу пленарного заседания заместитель директора Института социологии и регионоведения Южного федерального университета по научной работе и экспертной деятельности Антон Владимирович Сериков, он презентовал результаты социологического исследования «Протестные настроения и уровень межнациональной нетерпимости в Ростовской области в условиях кризиса».

В ходе работы конференции участниками не раз подчеркивалась актуальность ценностной политики, которая может иметь консолидирующее значение в переходе от институциональных практик к моделям интеграции в гражданское общество различных этнических групп, составляющих население региона. При этом ученые отмечают, что научно-исследовательские практики изучения данной проблематики зачастую становятся пространством противостояния идеологических оценочных суждений и производства идеологически-ангажированных моделей национальной идентичности. В результате предлагаемые проекты конструирования национальной идентичности не всегда соответствуют ментальным программам индивидов, составляющих такое воображаемое сообщество, как нация. Среди актуальных вопросов также отмечалась необходимость целенаправленной поддержки системного концептуального развертывания и реализации идеи единого политического и право-

вого гражданского пространства России, как многонационального общества с региональными базовыми ценностями.

В результате работы конференции было сделано несколько ключевых выводов. Во-первых, признавая роль формирования общероссийской идентичности, ее соотношения с этнической и национально-гражданской идентичностями, необходимо исходить из того, что политика культивирования этнокультурного разнообразия может способствовать расширению этнической дистанции, приводить к конструированию новых этнических различий, и, в этом смысле, требуется определить границы баланса между сохранением и развитием этнокультурного многообразия народов России и поддержкой, стимулированием тенденций к общегражданской интеграции.

Во-вторых, при формировании представления о том, что такое национальная идентичность, не стоит полностью опираться на разработки западной интеллектуальной традиции, которые создавались для изучения иной социальной реальности. При этом речь идет, разумеется, не о том, что при изучении национальной идентичности, например, в России нельзя использовать теоретические конструкты, разработанные в рамках западной интеллектуальной традиции, а о том, что их познавательный потенциал надо соизмерять с российской социокультурной спецификой.

В-третьих, социальная эффективность концепции гражданской нации выражается в уровне восприятия обществом гражданских политических ценностей, готовность руководствоваться ими в своей повседневной жизни. Эмпирическими индикаторами позволяющими измерить такую эффективность является с одной стороны, уровень удовлетворенности общества властью и качеством управления, хотя этот индикатор иногда может быть только косвенным. Другим индикатором является индекс напряженности и конфликтности в обществе, в отношении межнациональных отношений, политического экстремизма и практик их разрешения.

В-четвертых, гражданская идентичность, выражаемая в чувстве принадлежности России, является одной из наиболее важных для граждан России. И она уже напрямую не конкурирует с этничностью, и тем более не конфликтует с ней. Это говорит о том, что страна обладает довольно высоким консолидационным потенциалом, который при внимательной реализации Стратегии национальной политики РФ может быть развит в полной мере и использован для адаптации больших масс населения.

В предлагаемый сборник включены доклады пленарных выступлений и лучшие доклады, рекомендованные оргкомитетом. Также подготовлен электронный сборник материалов, включающий работы остальных участников конференции.

Потенциал этнической напряжённости на Юге России: курдский фактор

А.В.Аверьянов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Проблема интеграции курдов, начавших пребывать на территорию Краснодарского края и Республики Адыгеи в конце 1980-х гг., в российский социум на сегодняшний день представляется одной из ключевых в рамках межэтнических отношений в регионе. Регулярно фиксируемые случаи конфликтных ситуаций со старожильческим населением (русскими, адыгейцами, армянами) обуславливают формирование одного из очагов этносоциальной нестабильности на Юге РФ.

Рост актуальности курдского вопроса прямо пропорционален увеличению численности курдского населения, прежде всего, за счёт высоких показателей естественного воспроизводства. За период с 2002 г. по 2010 г. количество курдов в Краснодарском крае увеличилось с 5 тыс. до 5,9 тыс., а родственников им езидов – с 4,4 тыс. до 5 тыс. человек. [1,2]

Несмотря на то, что езиды Кубани принципиально отделяют себя от курдов-суннитов, для обеих этнорелигиозных групп присущи схожие проблемы. В том числе, трудности с получением гражданства, пропиской, регистрацией жилья, официальным трудоустройством и т.д.

Характер расселения курдов в регионе определяется компактностью их проживания. Подавляющее большинство курдов осело в сельской местности, лишь незначительное число в крупных городах, в том числе в Краснодаре. В Краснодарском крае курды в основной массе проживают в Кореновском, Усть-Лабинском, Калининском, Кавказском, Горяче-Ключевском районах.

Однако наиболее остро проблема интеграции курдов стоит в Республике Адыгея, численность которых за межпереписной пери-

од с 2002 по 2010 гг. увеличилась на 25% – с 3,6 тыс. до 4,5 тыс. человек. [1,2]

По неофициальным данным реальная численность курдов в Краснодарском крае и Адыгее значительно превышает официальные показатели и составляет порядка 12 тыс. и 7-8 тыс. человек соответственно. [3]

Рост актуальности курдской проблемы в республике отражён в серии публикаций, посвящённых сложностям социально-экономической адаптации курдов и взаимоотношений с местным старожильческим населением. В том числе, работы Жаде З.А. [4,5], Шадже А.Ю. [4,6], Соколовой Н.А. [7], Шовгенова Т.М. [8], Муляр А.Ю. [9] и др.

В настоящее время курды в Республике Адыгея компактно проживают в селах Красногвардейского района. В школах некоторых сельских поселений число учащихся-курдов достигает свыше половины от всего состава, в Бжедугхабльской и Преображенской школах – 88 % и 87 %. По данным 2010 года, курды составляли 56 % жителей села Верхненазаровского, 55 % жителей Преображенского, 43 % – села Садового, почти 40 % – в ауле Бжедугхабль. [3]

Для курдов характерен высокий уровень добровольной самоизоляции. Данный феномен обуславливается чрезвычайной устойчивостью традиционного уклада жизни курдов, в том числе делением на родоплеменные группы (ашираты), сохранением институтов наследственного лидерства (шейхи) и элементов обычного права.

Многими курдами в качестве наиболее авторитетных лидеров признаются не руководители их общественных объединений (например, Краснодарская краевая курдская национально-культурная автономия «Мидия» или общественная организация курдов Республики Адыгея «Агра»), а шейхи. К ним курдское население обращаются не только по вопросам религии и семейно-брачного права, но и с целью разрешения случающихся внутренних конфликтов, не прибегая к услугам полиции и не ставя в известность соответствующие органы. [10]

В отношениях между курдской общиной и представителями старожильческих этнических групп (русскими, адыгейцами, армянами) фиксируется чрезвычайно высокий уровень конфликтогенности. Что чаще всего проявляется в бытовых ссорах, хозяйственных спорах, массовых драках, прежде всего, в молодёжной среде.

Причинами конфликтов является высокая этническая конкуренция в экономической сфере, а также значительные культурные, бытовые, религиозные отличия между курдами и старожилками. Экономическая деятельность курдского населения характеризуется чрезвычайной активностью в областях их традиционной занятости, прежде всего, сельского хозяйства, торговли, а также сфере услуг. Например, в Красногвардейском районе Республики Адыгея курдам принадлежит несколько магазинов, кафе, действуют станции технического обслуживания автотранспортных средств. [8]

Экономическая активность курдов сопровождается вытеснением из местного бизнеса представителей коренного населения, что способствует оттоку его наиболее активной части в другие регионы. Эксперты отмечают, что экономическая роль курдской диаспоры в Красногвардейском районе за последние годы существенно возросла.

Значительная часть курдского бизнеса в регионе приходится на теневой сектор, следствием чего является сокрытие налогов и противозаконные способы ведения хозяйства. Большинство курдов официально не трудоустроено. Хотя уровень фактической безработицы среди них ниже, чем у коренного населения. Эксперты отмечают, что представители курдского этноса в большинстве ведут личные подсобные хозяйства, не платят никаких налогов (кроме налогов на транспортные средства), пользуясь в полной мере установленными государством льготами. Многие хозяйственные споры решаются вне российского правового поля с опорой на традиционные для курдов социальные институты, что обуславливает криминализацию бизнеса. [8]

Ситуация усугубляется вследствие неопределённости статуса значительной части курдского населения. Многие из них не имеют

российского гражданства, прописки и регистрации. У значительной части курдов, не имеющих регистрации по месту жительства, право собственности на недвижимое имущество не признается органами исполнительной власти. Нарушение значительной частью курдской общины правил пребывания на территории РФ, по мнению специалистов, способствует расширению нелегального рынка жилья, теневого бизнеса. [8]

Затрудняет процесс адаптации курдов низкий уровень образования, особенной у женщин. Многие представители курдской общины плохо владеют русским языком, что обуславливает дополнительные факторы изоляции от принимающей стороны.

Увеличение численности курдской общины вкупе с низкими темпами гражданской ассимиляции формирует угрозы и риски социально-политической нестабильности в стратегически важном для России Черноморском регионе. Среди них:

- отток коренного, прежде всего, русского населения из мест компактного проживания курдов;

- моноэтнизация некоторых районов и опасность формирования этнических анклавов, неподконтрольных местным властям и правоохранительным органам; как свидетельствует мировая, в том числе европейская, практика, при допущении образования замкнутых национальных общин власти могут потерять контроль над значительной частью экономических, социальных и политических процессов на собственной территории.

- увеличение масштабов теневой экономики, криминализация бизнеса и других сфер общественной жизни;

- рост нагрузки на социальную инфраструктуру региона и местные бюджеты;

- расширение зоны конфликта с коренным населением;

- рост политического и идеологического радикализма среди представителей курдской общины. Часть курдов резко противопоставляет себя другим народам Адыгеи, считая себя гражданами виртуального Курдистана. На фоне усиления курдского фактора на

Ближнем Востоке потеря контроля над этносоциальными процессами с участием курдского населения в ряде районов Адыгеи и Краснодарского края в перспективе может привести к формированию долговременных очагов нестабильности.

Для предупреждения межгрупповых конфликтов на этнической почве и недопущения формирования очага напряжённости в Краснодарском крае и Республике Адыгея представляется необходимым решение следующих задач:

- стабилизация и желательный рост численности старожильческого населения за счет улучшения демографической и социальной политики, стимулирующей рождаемость и снижающей смертность;
- сбалансированная миграционная политика;
- выработка эффективных механизмов взаимодействия с официальными и неформальными руководителями курдской общины;
- организация просветительской и разъяснительной работы среди коренного населения и курдов по ослаблению националистических настроений и их криминальных проявлений;
- усиление культурно-образовательного взаимодействия между коренным населением региона и курдами;
- скорейшее решение статуса незарегистрированных на территории РФ представителей курдской общины;
- вывод из тени и легализация бизнеса, принадлежащего членам курдской общины;
- внедрение обязательного школьного образования среди детей курдов.

Литература

1. Национальный состав населения по субъектам РФ // Федеральная служба государственной статистики : интернет-сайт. 2002. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения: 28.03.2016)

2. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной

статистики: интернет-сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.03.2016)

3. Курдская разница // РИА «ФедералПресс»: интернет-сайт. 2013. 4 марта. URL: http://fedpress.ru/news/society/news_society/1362411502-kurdskaia-raznitsa (дата обращения: 25.03.2016)

4. *Жаде З.А., Шадже А.Ю.* Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея: социологический дискурс // Теория и практика общественного развития. 2012. №10

5. *Жаде З.А.* Специфика проявления межэтнической напряженности в местах компактного поселения курдов в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ. 2013. Вып. 3.

6. *Шадже А.Ю.* Этногруппа курдов Адыгеи в парадигме «адаптация-интеграция» // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С.285–296.

7. *Соколова А.Н.* Этнокультурные ценности курдов Адыгеи // Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2012.

8. *Шовгенов Т.М.* Экономические аспекты адаптации курдов в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. Майкоп: Изд-во АГУ. 2011. ып. 4. // http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1636/shovgenov2012_1.pdf (дата обращения: 25.03.2016)

9. *Муляр А.Ю.* Этнические меньшинства в социокультурном пространстве Республики Адыгея: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ю.А. Муляр. Майкоп, 2009

10. *Жаде З.А.* Причины и условия переселения курдов в Республику Адыгея // Кубанский казачий хор : интернет-сайт. Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.)». Краснодар, ноябрь-декабрь 2013 г. URL: <http://kkx.ru/lib/nd/vserossiiskaia/konferenciya/r-3-11/> (дата обращения: 25.03.2016)

Мультикультуральность и глобализация

М.Р. Арпентьева

Калужский государственный университет

им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Глобализация и мультикультуральность – два отчасти противоречивых, отчасти пересекающихся феномена современного национализма. Смещение народов как результат политики глобализации и универсализации привело к тому, что на место «этнического затишья» середины XX века пришло «этническое возрождение»: люди оказались не согласными потерять этническую идентичность ради выгод «всеобщего порядка», универсализации. Более того, началось «нацистроительство», ярким примером которого является современный Израиль, «нациевосстановление», примером которого являются попытки русинов обладать если не территориальной, как израильтяне, то хотя бы признанной национально-культурной «автономией», самобытием. Однако, благодаря противостоянию этих двух тенденция – глобализации и этнического «возрождения» мультикультуральность стала почти повсеместной характеристикой современности, человеческих сообществ разного типа и объема: от рабочих коллективов до целых стран. При этом современная эпоха характеризуется обострением многих процессов, включая процессы миграции, последствия такого взаимодействия выходят далеко за рамки индивидуальных. Как показывает анализ отечественных и зарубежных исследований проблем миграции и кросскультурных взаимоотношений, в современном человечестве культуре миграционные потоки достигли критического значения [5; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 15; 16; 20]. Проблема этнокультурного и кросскультурного взаимодействия и воспитания становится одной из центральных. Они начали задавать проблемы и определять формы и качество отношений людей, побуждая практиков и теоретиков рассматривать разные страны и сообщества в качестве принимающих и отправляющих, общества большинства и меньшинства, «западных»

и «восточных», «северных» и «южных», «цивилизованных» и «примитивных», «христианских» и «мусульманских» и т.д. При этом в современной науке и практике весьма распространен мультикультурный подход. Мультикультурализм исходит из того, что культурное многообразие выступает центральной характеристикой современной цивилизации. В современном мире только 10% стран могут рассматриваться в качестве культурно однородных, монокультурных. И хотя в разных странах «титупное население» более или менее продолжает сохранять статус группы большинства или хотя бы «титупной нации», перечни этнических групп «меньшинства» довольно объемны и иногда способны «потеснить» «большинство» в одно из «меньшинств». Как пример этого явления можно рассмотреть экспансию мигрантов в современной Европе, непрекращающиеся скрытые и явные конфликты между представителями разных рас в США, состояние взаимоотношений людей в приграничных зонах многих больших государств (например, России и Китая). В ситуации массовых миграций эти соотношения, как и сами отношения между группами и внутри групп, постоянно меняются: так, в некоторых случаях до 30% населения страны может жить за границей, а порядка 15-20% населения страны могут представлять не только представители «нетитупных» наций, но и просто – иностранные граждане, а сами потоки иммиграции и эмиграции могут быть как резко асимметричными, особенно в кризисные моменты, так и отчасти уравновешивать друг друга, внося вклад в изменение взаимоотношений между разными этническими группами. В этой ситуации можно говорить о мультикультуральности цивилизации и о том, что многие цивилизованные страны, стоит перед вопросами внедрения политики мультикультурализма или поиска иной, более оптимальной модели [1; 2; 3; 10; 29]. Поэтому, например, современная концепция транснационализма обращает особое внимание на взаимовлиянии и трансформациях, происходящих в культурах стран приема и стран исхода в связи с массовыми миграциями. Эта концепция предполагает, что мигранты и диаспоры связывают разные

общества, они являются «трансмигрантами»: существуя в разных местах и сообществах, в своих действиях они опираются на множественные рамки референций. Мультикультурный контекст предполагает формирование у представителей и у тех, и других групп / диаспор множественную и неоднородную, гетерогенную и полиморфную репрезентацию культурной идентичности: формы понимания себя и мира, возникающие на полях и в центре доминирующей и подчиненной культур, могут использоваться для «пересмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие. Глобализация, побуждающая искать «общее» сталкивается с культурной спецификой понимания себя и мира, связанной с принадлежностью – воспитание и обучением, жизнью в определенной культуре. «Принадлежность мигранта расщеплена между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы» [14, С.1]. Представители разных культур меньшинства и большинства так или иначе признают свою собственную этническую гибридность как данность, иницирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего этнического сообщества в культурно значимый, действующий слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения или ассимиляции, которая идет параллельно с процессом рождения нового, «гибридного». Субъект мультикультурного контакта, обладающий переходной двойственной или «гибридизированной» идентичностью, расположенной «где-то между», «над схваткой», отражает диалектику бинарной оппозиции «общности – необщности», «принадлежности – непринадлежности» к той или иной нации [1; 5, С.84; 4; 6; 7]. Особенно трудно этот процесс протекает там, где нация длительное время подвергалась масштабному игнорированию: существуя, например, как русины, относящиеся по данным разных источников не то к русским, не то к украинцам, не то к самостоятельной ветви славянских народов, скорее как «инобытие», чем «самобытие». Отрицание бытия нации – один из самых разрушительных аспектов ее отношения к себе и миру: негативная идентичность не только уни-

чтожает игнорируемую другими национальными группами нацию, но и сами эти группы: игнорирование разрушает диахроническую и синхроническую целостность нации, ее культурно-исторический потенциал. Еще одна тяжелая ситуация – ситуация геноцида: например, продолжающийся геноцид коренного населения Америки, при котором нация не столько игнорируется, сколько целенаправленно уничтожается, формирует особую идентичность и особую группу психических нарушений «по обе стороны» сражающихся. Это идентичность «лоскутная», лишенная нравственных опор, живущая ощущением тотального преследования. При этом, как показывает, например, опыт Украины и Польши, переживания преследования могут быть не просто далекими от реальности, но и просто фантомными: украинский «голодомор», подаваемый как направленный геноцид этнической группы и «волынская резня» в Польше, «очистившая» ее довольно большую часть от поляков и русинов, подаваемая как акт «местного значения».

В ходе анализа проблемы кросс-культурных (транскультурных) отношений, можно выделить ряд теоретических и практических моделей разрешения дилеммы «глобализация» (универсализация) – «мультикультуральность» (индивидуализация). Все эти модели реализуются не только как исследовательские подходы, но и как конкретные практики и политики: в характере повседневных отношений, особенностях научных исследований культур и миграций, государственных и региональных программах по работе с мигрантами и т.д.. Эти модели отражают старый спор между «либералами» и «коммунитаристами» о приоритетности и соотношении личной свободы и социальной принадлежности [12; 14; 18; 26; 27]. Либералы полагают, что индивид может свободно определять свое собственное понимание жизни: принцип примата личности над общиной предполагает, что если индивиды не видят необходимости сохранять существующие культурные традиции и практики, то община не обладает правом препятствовать модификации или отказу от них. Коммунитаристы полагают, что личность «встроена»

(embedded) в систему социальных отношений: человек наследует тот или иной образ жизни, он – результат социальных практик. А приоритет личной свободы ведет к разрушению общества. В любом случае, оба этих потока присутствуют и отражаются в диалектике «глобализации» – «мультикультурализма» [11; 13; 15; 16; 17; 18; 22; 23; 24; 29; 33; 35].

1. Первой моделью решения вопроса «глобализация – мультикультурность» является ассимиляция: поглощение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. В таких странах мультикультурная политика представляется опасной, поскольку способна привести к фрагментации общества на множество культурно специфичных этнических и религиозных сообществ.

2. Вторая модель решения вопроса «глобализация – мультикультурность» основана на интеграции – сохранении каждой этнокультурной общностью своей идентичности в рамках частной жизни (Германия выступала за «мультикультурную демократию», опираясь на идеи Ж.-Ж. Руссо.). Культурные, этнические, религиозные и другие аспекты – частное дело отдельного человека.

3. Мультикультурализм стал третьей влиятельной моделью решения проблем, связанных с культурной, расовой и этнической разнородностью государств и тенденцией к глобализации. Мультикультурализм обычно противопоставляется первой концепции – названной также моделью унификации или «плавильного котла» (meltingpot), который предполагает слияние всех культур в одну. Однако, более точной и этически корректной признана четвертая концепция – «салатницы», ее акцентом о важности как на транскультурных, так и специфических для каждой культуры аспектов.

Все эти концепции решения вопроса «глобализация – мультикультурность» отражают реальные процессы в сфере отношения между культурами, в сфере миграции и нациестроительства. Так, в соответствии с предложенной У. Бекон «контейнерной теорией общества» (the container theory of society), общества, называемые

«национальными», основаны на государственном контроле над занимаемыми этнокультурной группой «большинства» территориями. Внутренняя однородность обществ – результат такого государственного контроля: всевозможные социальные практики тиражируются и стандартизируются государством, которое идентифицирует их как «национальные», превращая территорию в «накопитель» (container), внутри которого систематически фиксируются различные статистические показатели: категории государственного учета, бюрократии, становятся категориями науки [16; 21; 22; 31]. Однако, этому представлению нанесен существенный урон: с середины XX века наблюдается, по выражению Э. Смита, «этническое возрождение» (ethnic revival), или подъем этнонационализма как деколонизации, борьбы с экономической, социальной и политической дискриминацией мигрантов и на рубеже веков – утверждение нациями собственного существования и культуры, вопреки тенденциям глобализации, декларация «нестираемых различий» и требование их публичного признания странами и миром в целом. В борьбе наций за признание смешались три больших тенденции: стремление к разнообразию и борьба против дискриминации или неравенства, саморефлексия и индивидуализация, признание ценности и желание реабилитировать негативную идентичность, эгалитаризм и властные амбиции народов [21; 25; 26; 29; 30; 33]. Поэтому С. Бенхабиб обозначила ситуацию культурного плюрализма термином радикальный, или мозаичный, «лоскутный», мультикультурализм, понимая под последним наличие в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Мозаичный или «лоскутный» мультикультурализм предполагает набор механизмов, обеспечивающих долгосрочное функционирование: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации [2, С. 9, 35]. Это особенно важно потому что современные виды миграции, как вынужденной, так и добровольной, могут рассматриваться как территориальная экспансия: 1)

государство оказывает поддержку родственным себе этнокультурным или конфессиональным группам, находящимся на территории другого государства, которые, существуя в виде локальных гомогенизированных групп или диаспор, не всегда «вливаются» в общий культурный контекст; 2) миграция больших этнических групп на территории стран с резко отличными культурами приводит к интенсивным деформациям культур и более или менее обширным «захватам» территорий мигрантами, начинающими насаждать свою культуру. Миграционные потоки и взаимодействия культур, размывая этническую и религиозную однородность того или иного государства, формируют в пределах его территории очаги различных культур: происходит «колонизация наоборот» [18; 21]. Глобализация «затихает» под давлением мультикультуральности. Этот процесс весьма неоднозначен: подчас даже мелкие диаспоры часто разбиты на множество иных подгрупп, нередко имеющие не только особенности культур и языковых традиций, но и верований, не только отличных и имеющих сложные отношения с другими народностями. Что касается мультикультурализма как комплекса идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д., в России он практически не практикуется [1; 41 16; 21; 23; 25]. Вместе с тем, практики и теоретики рассуждают о его необходимости, а также о том, что в России и странах СНГ «поток мигрантов неоднороден: для одних категорий достаточно простейшей первичной адаптации, другие нуждаются в максимальной интеграции, поэтому политика мультикультурализма должна быть дифференцированной по отношению к различным категориям», – пишет Л.В. Русских [11, С.85]. Она описывает мультикультурную политику как «балансирование между полюсами «исключения» и «включения» иммигрантов в культур-

ный контекст». Такой, несколько смягченный вариант адаптации иммигрантов в форме «сдержанной интеграции», подразумевает заботу о сохранении культуры «большинства» наряду с принятием новых культур – групп «меньшинств» в рамках формирования и укрепления общей гражданской идентичности, препятствующей размыванию границ и традиций национальной культуры государства [11, С.85]. Однако, невнимание к мультикультуральности в России не случайно: как сам мультикультурализм, так и его последствия противоречивы и неоднозначны: отрицание культурного универсализма, отказ от сколько-нибудь существенной интеграции и тем более ассимиляции – его опасности, существующие наряду с признанием важности культур и поддержкой развития самобытных культур и их представителей. Противоречивы и последствия глобализации как «вестернизации»: проникновения и насаждения культуры «вестернов» США в мировую культуру в качестве «образцовой». В дополнение к этому Россия как государство фактически не уделяет внимания проблемам этнических отношений вплоть до момента, когда эти отношения перерастают в открытые и массовые столкновения и/или не связаны с группами, традиционно ведущими активную национальную политику. На многих территориях России, однако, такие «этнические всплески» мало типичны и люди уживаются, поскольку потенциал «дружбы народов», сформированные веками, включая годы СССР, остается неисчерпанным. Однако, невнимание к культурам и национальным структурам все же сказывается: недовольство игнорированием культур, отсутствием диалога культур, нарастает.

Вместе с тем, благодаря выгодам мультикультурализма, меньшинства могут начать отделять себя от этнического большинства: политика мультикультурализма не должна создавать систему специфических групповых прав, затрудняющих гражданскую консолидацию («реактивный мультикультурализм» (differentialmulticulturalism) как самоизоляция, самогеттоизация, подобные американским) [1; 2; 5; 6; 11; 16; 21; 23; 27; 31; 32]. Поэтому «предостав-

ление преимуществ» должно только выровнять права («программа поддерживающих действий»), а не создать преимущества («программа предоставления преимуществ»). Правильно организованная психосоциальная помощь беженцам и вынужденным переселенцам, как отмечают исследователи, может смягчить возникающие сложности интеграции мигрантов, но для этого она должна быть направлена на активизацию внутренних ресурсов вынужденных мигрантов, овладение эффективными способами самопомощи, преодоление кризисной жизненной ситуации, симптомов посттравматического стресса, возникших в силу жизненных обстоятельств тенденций социального иждивенчества и инфантилизма.

В целом, к наиболее крупным областям мультикультурных исследований в сфере организации и подготовки специалистов к мультикультурным контактам, относятся:

а) теоретико-эмпирические исследования культурных особенностей и культурного многообразия ценностных установок, способов осмысления человеком себя и мира, поведенческих реакций и моделей общения индивидуальных и групповых субъектов – представителей разных культур, анализ особенностей межкультурного консультирования;

б) проблемы кросс-культурной компетентности и кросс-культурной сензитивности специалиста (психолога, педагога, социального работника), его способности понять клиентов иных групп, разработка принципов и процедур мультикультурного консультативного взаимодействия, позволяющих сделать понимание психологом клиента и клиентом психолога точным;

в) проблемы подготовки (обучения) и организации кросс-культурного взаимодействия, разработки методик и программ диагностики и развития кросс-культурной компетентности личности, расширения поведенческого, когнитивного, эмоционального и ценностного «репертуаров» человека.

Важным компонентом профессионализма и антидискриминационного поведения человека как специалиста и гражданина, его подготовки в области культуры в содержательном плане являются:

1) культурологическая самооценка – исследование собственной этнокультурной идентичности и особенностей структуры культуры в целом;

2) адаптация к культурному многообразию – способность и особенности процессов культурной ассимиляции, процессы культурного переноса и миграций;

3) оценка культурного разнообразия той или иной этнокультурной общности, к которой принадлежит мигрант и т.п.

При этом ученые отмечают необходимость учета особенностей стран и их роль в существовании и развитии наций, С. Шварц, Р. Инглхарт и К. Вельцель и иные отмечают важность исправления позиции невнимания к внутристрановым ценностным и иным культурным и психологическим различиям людей: такие размерности как «традиционализм – современность, самовыражение – выживание» и иные «межстрановые различия намного превышают внутристрановые» [36, С. 553]. Ориентация страны и сообщества на тот или иной путь – модель решения проблем мультикультуральности – предполагает смещение ориентаций граждан и мигрантов, формирование не вполне очевидных «латентных классов» ориентаций [28; 29; 30; 34; 36].

Литература

1. *Арпентьева М.Р.* Проблемы взаимопонимания в мультикультурном консультировании // Представительная власть – XXI век. 2014. № 7-8 (134–135). С. 59–65.

2. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. М.: Логос, 2003..

3. *Головкина О.В.* Канадский мультикультурализм как основа национальной идентичности Канады // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4, История. Регионовед. Междун. отнош.. 2004. №9. С.44–54.

4. *Гукаленко О.В.* Теоретико-методологические основы педагогической поддержки и защиты учащихся-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве: Дисс. ... докт. пед. наук. Ростов на Дону: РГОУ, 2000. 404 с.

5. *Касавин И.Т.* «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии, 1997, № 2.
6. *Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова, М., 2002. С. 48–60.
7. *Малахов В.* Скромное обаяние расизма и др. статьи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
8. *Минигалиева М.Р.* Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи. Калуга: Манускрипт, 2002. 190 с.
9. *Минигалиева М.Р.* Толерантность и мультикультурализм. - Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. 332 с.
10. *Мионов В. В.* Глобальное коммуникативное пространство и кризис культуры // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
11. *Русских Л. В.* Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. Соц.-гуман. науки. 2014. №2. С.85–89.
12. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Шайгерова Л.А.* Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. №2. С.60–79.
13. *Глостанова М.В.* Мультикультурализма и литература США конца XX века: дисс.... доктора филол. наук. М.: ИМЛ РАН, 2000. 353 с.
14. *Толкачев С.П.* Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // ИГП «Знание. Понимание. Умение». 2013. №1.
15. *Цатурян С.А., Филимонов Г. Ю.* Мультикультурализм в США и Европе // Политика и общество, № 2, 2012. С.62–71 .
16. *Beck Ul.* What is Globalization? Cambridge (UK), Polity Press, 2000.
17. *Berry J.W., Pleasants M.* Ethnic Tolerance in Plural Societies // International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, 1984.
18. *Brislin R.W.* Cross- cultural encounters. New York, 1981. 372 p.
19. *Hughes R.* Culture of Complaint. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1993.
20. *Hutnik N.* Ethnic minority identity: A Social Psychological perspective. Oxford: Clarendon Press and New Delhi OUP, 1991.
21. *Kymlicka W.* Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. Oxford : Oxford University Press, 2007. 374 p.
22. *Le Coadic R.* Multiculturalism // Débats sur l'identité et le multiculturalisme / Отв. ред. Е. Филиппова и Р. ЛеКоадик. М.: ИЭА РАН, Наука, 2005.

23. *Lentin Al.* Racism: a beginner's guide. Oxford: Oneworld. 2008.
24. *Mendus S.* Toleration // Encyclopedia of Ethics. New York -London, 1992.
25. *Modood T.* Multiculturalism. Cambridge: Polity, 2007.
26. *Moghaddam P.M.* Individualistic and collective integration strategies among immigrants // Ethnic Psychology: research and practice with immigrants, refugees, native peoples, ethnic groups and sojourners. Amsterdam: Lisse: Swets&Zeitlinger, 1998. P. 69 –77.
27. *Radtke F.-O.* Multikulturalismus // Fliuchtpunkt Europa. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.,1998, S.138–157.
28. *Schmidt P., Magun V., Rudnev M.* Basic Values of Russians and Other Europeans // Problems of Economic Transition. 2012. Vol. 54. No. 10. P. 31–64.
29. *Schwartz S.* Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World // Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective / H. Vinken, J. Soeters, and P. Ester (eds.). Leiden, Netherlands: Brill, 2004. P.43–73
30. *Schwartz S.* Cultural Value Orientations: Nature and Implications of National Differences. State University – Higher School of Economics Press, Moscow, 2008. P. 12–16.
31. *Sharma S.* Multicultural encounters – Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006.
32. *Smith A. D.* The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 240 p.
33. *Smith A. D.* Chosen Peoples.Sacred Sources of National Identity. Oxford: OxfordUniversityPress, 2004. 350 p.
34. *Vermunt J.K., Magidson J.* Latent class models for clustering: A comparison with K-means // Canadian Journal of Marketing. 2002. Vol.20, №. 1. P. 37–44.
35. *Weldon S.* Images of nationhood and tolerance of ethnic minorities. Irvine: University of California, 2003. P. 143–150.
36. *Welzel Ch., Inglehart R.* Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8, №2. P. 551–567.

Задачи региональной политической элиты по обеспечению межнационального согласия

О.В. Богданова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

На протяжении всей истории российской государственности одной из важнейших проблем организации государственного и общественного устройства страны остается проблема межнациональных отношений. Для многонационального Российского государства на всех этапах развития оставались важными отношения, складывающиеся между национальностями и этническими группами, населяющими его территорию. От успешного разрешения межнациональных противоречий всегда зависела политическая и социальная стабильность страны. Северный Кавказ является тем самым регионом, который наиболее подвержен рискам возникновения межэтнической напряженности. Важно отметить, что от руководителей местных органов управления напрямую зависит регулирование данной сферы отношений.

Готовность республик Юга России к межкультурной коммуникации и межэтническому диалогу постепенно возрастает, о чем свидетельствуют расширение сотрудничества между национальными республиками, проведение совместных культурно-массовых мероприятий. В то же время сохраняется значительный спектр проблем, без решения которых уровень межнациональной напряженности в регионе будет оставаться стабильно высоким. Крайне серьезной проблемой, в частности, является постепенный отток русского и русскоязычного населения из северокавказских республик, что негативно отражается на русско-кавказском диалоге. Длительную историю имеют территориальные споры между республиками, уходящие своими корнями в первые десятилетия советской власти, когда формировалось существующее административно-территориальное деление Северного Кавказа. Наконец, не следует игнорировать факторы коррупции и клановости, представляющие

собой серьезную угрозу социальной и политической стабильности республик Северного Кавказа.

Юг России отличается от остальных российских регионов тем, что он стал ареной выяснения геополитических взаимоотношений между ведущими странами мира, этносоциальные проблемы здесь переросли в межнациональные, а политические спекуляции нацелены на разъединение братства народов Юга России. Именно поэтому научные силы страны и самого региона, определяя пути инновационного развития Юга России, пытаются оценить, насколько эффективны используемые методы при исследовании этносоциальных процессов, насколько отражают принимаемые политические решения интересы народов региона. Ответы на эти и другие вопросы обусловлены во многом этническим фактором, который актуализирован не только в рассматриваемом регионе, но и в России и мире. В первую очередь, это связано с распадом СССР, массовыми миграциями, ростом этнонационализма, конфликтами и т.д.

Анализируя развитие регионального сообщества в контексте социальных процессов России, считаем необходимым остановиться на методах изучения этносоциальных вопросов. Известно, что классическая методология была нацелена на собирательно-описательное объяснение этнических и социальных проблем региона, что позволяло раскрыть признаки и характеристики полиэтноконфессионального социума.

В рамках неклассической методологии этнические культуры на Юге России рассматривались как системообразующие формирования. Исследовательские методы способствовали постижению культурных ценностей северокавказских этносов и этнокультурных идентичностей, восстановлению смысла повседневного социального опыта, его коммуникативной и символической природы, определению основы взаимодействия этнических и социальных процессов.

Современная, постнеклассическая парадигма – синергетическая – позволила нам глубже раскрыть и понять сложившуюся в регионе социальную и межэтническую реальность: выявить географию

ческую, политическую, идеологическую, ментальную детерминанты российской гражданской и этнокультурной идентичности в регионе и степень их воздействия на этносоциальные процессы. Представляется, что междисциплинарный подход, а именно подобранные социологические, социально-психологические и психофизиологические индикаторы оценки межэтнической напряженности и этнической идентичности позволят определить способы регулирующего на Юге России.

Выбранный инструментарий является, безусловно, инновационным, не используется в мировом кавказоведении и в россиеведении, и к анализу региона такая методология применяется впервые. Воздействие на региональные этносоциальные процессы.

Сложность структуры исследуемой системы – многоэтноконфессиональность – нуждается в оптимальном соотношении механизма самоорганизации и управления, то есть в мягком управлении / направлении, способном вскрыть, объединить и подчинить конструктивные силы устойчивому коэволюционному развитию российского региона. Как воздействовать на этносоциальные процессы? Управлять или направлять их взаимодействие? Прежде всего, решение представленной проблемы связано с необходимостью разработки политики управления, основанной на методах современной науки, в частности теории самоорганизующихся систем, а эти методы и новые управленческие принципы должны лечь в основу современного «искусства жить вместе».

Рассматривая регион как сложную систему, нами установлено, что необходимым условием успешного функционирования такой сложно-эволюционирующей системы как Юг России, является оптимальное взаимодействие этнокультурной, региональной, российской национальной идентичностей, «стягивание» в одну точку различных ветвящихся структур. Для этого принципиально важно наличие общей цели, которая выступает своего рода аттрактором, подчиняющим себе поведение частных, ветвящихся структур.

Характеризуя регион, мы неоднократно отмечали, что ему присущи все синергетические признаки: принцип открытости, самоорганизации, нелинейности развития, неединственности будущего, положение об управляемом развитии и другие. Более того, общие параметры порядка дополняются этническим компонентом, который выступает как главный параметр порядка в полиэтническом регионе.

С учетом этих особенностей принципиально важно остановиться на следующих положениях. Во-первых, силовое вмешательство в сложную систему недопустимо: оно разрушает самоорганизацию социальных процессов на любом уровне. Главное здесь – не сила управляющего воздействия, а его согласованность с собственными тенденциями самоструктурирования нелинейной среды, т.е. правильная топология (пространственная и временная симметрия) этого воздействия. Из этого вытекает второе положение, связанное с синергетическим пониманием сущности самоорганизующейся системы, – это умение увидеть богатые и разнообразные формы, скрытые силы системы. Именно поэтому естественные процессы самоорганизации такой сложной социальной системы, как регион, важно искусственно не сдерживать и не ускорять, а поддерживать. «Не управляемое, а направляемое развитие».

Для понимания процессов самоорганизации и управления сложными этносоциальными системами необходима смена парадигм мышления, что означает переход от линейного мышления к нелинейному. Это означает поиск достижения согласия и гармоничного сосуществования, например, в обществе с помощью диалога и признания разнообразия интересов разных социальных групп, толерантности друг к другу. Именно такое познание взаимосвязи управления и направления, и такое понимание управленческого воздействия на этносоциальные процессы позволит решить актуальные задачи разработки стратегии инновационного развития южнороссийского региона.

Между тем следует отметить, что содержание рассматриваемого понятия – «Юг России» - изменилось в последнее время. Данное понятие употребляли в науке применительно к Северному Кавказу. Однако современной реальности соответствует другое содержание и понимание, которое связано с возвращением Крыма и Севастополя в Россию. Говоря об управленческом воздействии на этносоциальные процессы Юга России, мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой исключается управление регионом «со стороны», т. е. с привлечением управленческих кадров «извне». Вспомним выступление Президента России В. Путина 17 августа 2015 года в Крыму, аргументировавшего тезис о том, что «никто не может опровергнуть тезис о братстве и единстве народов России и Украины». Президент выразил уверенность, что Украина будет развиваться позитивно, отойдя от позорной практики постановки страны под внешнее управление с занятием иностранцами ключевых позиций в правительстве и в регионах. Однако предпринимающиеся попытки в решении этих вопросов со стороны украинских политиков создают опасную ситуацию, разжигают межэтнические отношения, способствуют превращению межэтнической напряженности в вооруженный конфликт/войну. Здесь важно знать историю двух народов и стран, важно понимать смысл национальных и региональных этносоциальных процессов «изнутри»; важно исходить из патриотических чувств.

Политика межнационального взаимодействия должна строиться как на федеральном, так и на региональном уровне. Особенности развития и регулирования этнических конфликтов на современном этапе обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, этнические конфликты как особая разновидность социальных конфликтов обладают специфическими особенностями. К ним относятся: эмоционально-иррациональный характер протекания конфликта [1], формирование участников по принципу противопоставления «МЫ – ОНИ» [2]; наличие глубоких исторических корней, противоречивость природы этнических конфликтов и многообразие форм их

проявления [3]; возникновение существенных различий в протекании этнических столкновений в одном и том же регионе [4]; отсутствие типовых средств урегулирования этнических конфликтов [5]. Кроме того, этнические конфликты, обладая большим потенциалом эскалации, могут приобретать хронический характер, обусловленный подвижностью межэтнических отношений. В ходе развития конфликтов особое значение приобретает культурная специфика конфликтующих групп, негативные факты в истории взаимоотношений отдельных народов, наличие в обществе этнических стереотипов и предубеждений. Во-вторых, комплексный характер этнических конфликтов. В качестве основания возникновения данного вида конфликтов могут выступать социально-экономические, политико-правовые противоречия, культурно-языковые, территориальные претензии, этнодемографические и миграционные процессы и др. Более того, в основе конфликта может лежать целый комплекс противоречий, причем основания, его вызывающие, могут изменяться, особенно в процессе затяжной эскалации. Так,

В.А. Авксеньев указывает на возможность трансформации конфликта, в основе которого на ранних этапах преобладали экономические, социальные или другие противоречия, в этнический конфликт [6]. Данные обстоятельства значительно осложняют процедуру анализа и разрешения этнических конфликтов. Кроме того, в современной конфликтологической практике широко распространен тезис, согласно которому конфликты легче предупреждать, чем разрешать. Данный принцип находит свое отражение и в нормативно-правовых документах, регламентирующих деятельность органов государственной власти по реализации национальной политики в Российской Федерации.

Однако риску возникновения межэтнических столкновений подвержены многие территории (как отдельные регионы, так и целые государства). Как справедливо отмечает А.Г. Здравомыслов, в любом национально-этническом сообществе со сложной внутренней структурой и перспективами перераспределения «групп влия-

ния» будет возникать этническая напряженность с тенденцией перерастания ее при определенных условиях в межнациональный конфликт [7]. Поэтому предпосылки этнических конфликтов присутствуют в любом полиэтничном обществе. Именно этот факт обуславливает необходимость изучения состояния межэтнических отношений и раннего выявления конфликтных ситуаций.

В настоящее время деятельность органов государственной власти в сфере регулирования межэтнических отношений определяет целый ряд федеральных нормативно-правовых документов. Наиболее значимыми среди них являются Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.), федеральный план мероприятий по реализации в 2013-2015 гг. Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. и др., закрепляющие основные принципы и направления деятельности в сфере межэтнических отношений [8-10]. В целом данные документы, на наш взгляд, содержат ряд важных направлений, учитывающих узловые проблемы современного российского общества, например, такие, как адаптация и интеграция мигрантов. Включение данного направления в качестве приоритетного в области национальной политики свидетельствует о том, что успешная миграционная политика государства в настоящее время является важным условием обеспечения межнациональной стабильности в обществе. Предпринимается также ряд мер, направленных на совершенствование государственного управления в области национальной политики, в частности развитие взаимодействия с институтами гражданского общества, о необходимости которого длительное время велся широкий дискурс в научном сообществе.

Результаты проведенного опроса, проведенного в Ростовской области показывают, что опрошенное население несколько ниже оценивает деятельность по формированию в обществе толерантного

отношения к представителям других конфессий и национальностей: реализацию мер на среднем уровне отмечают 64,3% опрошенных, 22,3% – считают, что данная деятельность осуществляется на низком уровне и только 13,4% оценивают ее как достаточно эффективную.

Тревожным является факт существования у населения региона неприязни к представителям отдельных национальностей. Среди таких национальностей народы Средней Азии: таджики, узбеки (20,6% случаев), народы Кавказа и Закавказья: чеченцы (24,1% случаев), азербайджанцы (17,7% случаев), грузины (19,9% случаев), армяне (21,3% случаев). Несколько реже респонденты испытывают неприязнь к китайцам (12,0% случаев), казахам (7,4%) и евреям (7,7% случаев). Неприязнь в отношении данных народов в большинстве случаев объясняется нежеланием данных народов соблюдать обычаи и нормы поведения, принятые в России (41,5%), опасением терроризма, угроза которого ассоциируется с представителями определенных народов (24,8%), а также антипатией к внешности и манерам поведения лиц другой национальности (12,3%).

Таким образом, результаты исследования общественного мнения свидетельствуют о существовании определенных стереотипов в массовом сознании и необходимости дальнейшей реализации мер, направленных на формирование и распространение в обществе идей толерантности и установление межкультурного диалога.

Литература

1. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д., 2000.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000.
3. Зеленков М.Ю. Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект). Воронеж, 2006.
4. Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов) / под ред. С.И. Замогильного. Саратов, 1998.
5. Основы национальных и федеративных отношений / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова. М., 2001.

6. *Авксентьев В.А.* Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. №12.

7. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999.

8. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. №52. Ст. 7477.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г №718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» // СЗ РФ. 2013. №35. Ст. 4509

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. №1226-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской

11. Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2013. №30. Ст. 4141.

12. *Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Варава В.В., Дубова Т.Г.* Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия Алт. гос. ун-та. 2010. №2/1.

13. *Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Черепанова М.И., Кайзер Н.Ю.* Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алт. гос. ун-та. 2011. №2/2.

14. *Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Авдеева Г.С.* Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // *НВ: Национальная безопасность.* 2012. №1.

Социокультурная и институциональная эффективность нациестроительства в России на основе гражданской идентичности

М.А. Васьков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Концепция российской гражданской нации, социальные и институциональные практики ее реализации остаются достаточно дискуссионными аспектами современной для жизни российского общества. Если, например, взять исторический контекст, то с самого начала существования национальных государств культурная, а тем более социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной, которая появилась в определенных исторических обстоятельствах и подчинялась системе политических целей и задач.

В российском обществе основой концепции гражданской нации является надэтническая державность, которая активно используется как основной идеологический ресурс консолидации различных этнических групп и в качестве инструмента создания российской гражданской нации.

Вопрос о социальной и институциональной эффективности гражданской нации в современных социальных российских условиях связан с тем, что более действенно, этническая мобилизация, или в основном гражданско-правовая, политическая или абстрактно-социальная, которая связана с понятием гражданской нации, и какие мотивы в наибольшей степени будут оказывать влияние в поведенческом измерении. Такая диалектическая взаимосвязь проявляется в жизни современного общества через конкретные интересы различных субъектов социальной жизни, их мировоззрение, цели, ценности и реализуется в рамках соответствующих социальных процессов связанных с деятельностью различных социальных институтов, отдельных субъектов, различных учреждений и общественных организаций, для которых смысловым наполнением их деятельности

может стать концепт гражданской нации [1. С. 121.]. Понятие социальной и институциональной эффективности гражданской нации может быть проанализировано в виде системы конкретных политических и социальных мер по достижению гражданского (неэтичного) национального идеала, которым является развитие государства и преобразования всего общества на основе гражданских традиций и стратегий [2. С. 241.].

Концепцию гражданской нации применительно к вопросу ее социальной и институциональной эффективности нужно рассматривать в контексте условий ее генезиса. Здесь появляется дилемма гражданская нация – это организм, исторически сформировавшийся в примордиалистской парадигме или же это конструкт, созданный специально для решения определенных целей и задач государственного строительства и управления. Это концепция (и являющаяся ее производным институциональная практика), объявляет своей главной ценностью нация как определенное единое политическое целое.

Проблема состоит в том, как при этом понимать концепт нации, в отношении которого в научном и политическом дискурсах существует много противоположных концепций. Для большей ясности анализа будет их классифицировать по дихотомии примордиализм и конструктивизм.

Рассматривая примордиалистскую концепцию нужно отметить, что ее сторонники далеко не едины. Одни ученые трактуют нацию в качестве биологической популяции, из которых следуют наиболее радикальные воззрения относительно невозможности или крайней затруднительности для создания гражданской нации, поскольку все определяет понятие биологической принадлежности. Национальные качества передаются последующим поколениям в качестве наследия предков по крови, но они практически неизменяемы какими-либо психологическими, экономическими или социальными факторами.

Для других ученых нация понимается прежде всего в качестве территориально-экономического союза основанного на интересах, и

перспективы создания гражданской политической нации будут связываться с трансформацией интересов, лежащих в основе национального строительства. Для третьих, нация – это в основном стабильная духовно-культурная общность, где национальный характер и жизненный уклад формируют такие категории как ментальность, идеология, религия и изменения возможны, только если начинаются трансформироваться эти первоосновы нации. Объединяет все эти концепции лишь то, что но они все согласны с тем, что в ее основе лежит некая реальность, объективная или субъективная – кровь, хозяйственные интересы или связи, язык, «народный дух», которые в различных формах реализуется в историческом процессе жизни нации.

Для Российского общества примордиализм как основа гражданской политической нации вполне привычен. Например, на его материалистическом варианте уже с конца 1940-х годов была построена вся советская официальная идеология в национальном вопросе.

Классическая европейская философия истории исходила из признания онтологичности национального начала, его укоренённости в исторической традиции и даже в «крови» народа, что нельзя не отнять не изменить. Здесь становление гражданской нации происходит через процесс объединения различных субэтносов одного и того же народа, происходившее в историческом процессе.

Конструктивистское направление в строительстве нации это явление характерное для сознания общества постмодерна. Его точка зрения такова, что нации – это вовсе существовавшие изначально не расово-биологические, географические или духовные явления, а политические и социальные конструкты, возникшие на рубеже XVIII-XIX веков, основанные на рационалистический интересах и представлениях, и не являющиеся непосредственными наследниками древних или средневековых этносов.

По мнению Э. Геллнера не «нации» порождают национализм, а, наоборот, последний само «изобретение» нации [3]. С такой точки зрения, современна нация не имеет подлинной политической и

социальной реальности которая размыта в глобальном мире, она лишь идеологическая фикция, или своеобразный идеологический фантом, создаваемый различными властными, экономическими и интеллектуальными элитами для своих политических целей.

Сейчас данная трактовка входит в противоречие с процессом всплеска локальных этничностей и регионализацией, но нужно учитывать, что концепция нации и национализма Э. Геллнера является лишь одним из элементов его политической философии и должна пониматься только в ее общем контексте. В частности, он считал. Что только гражданская нация обеспечит наилучшие условия для свободы человека. Но для этого должны быть разоблачены и лишены своего влияния различные националистические мифы и варианты этнической идентичности, которые выступают историческими соперниками гражданского общества и современной цивилизации т.к. закрепощают развитие человека в своих рамках и лишают его возможности для полноценного развития и самореализации [4].

В более умеренном и сбалансированном виде конструктивизм изложен в такой трактовке, что нации, реальны и их интересы в полиэтничных сообществах часто может существенно расходиться, что нужно учитывать при формировании гражданской нации и придавать ей необходимую гибкость. Нация изобретается в процессе человеческой деятельности с определенными практическими целями, в основном связанными с упорядочением общества [5. С. 112.]. Часто связь новых наций с существовавшими этносами была искусственно изобретена интеллектуалами того времени для решения сугубо практических задач, например, упрочения общественного единства и роста мобилизационного потенциала.

Форма, которую нация приобретает в условиях современного общества, актуализирует его главную ее особенность – выдвигание на первый план проблемы политического и культурного единства [6]. При этом в конструктивистской концепции заметно определенной и весьма существенное противоречие. Сторонники данного направления, часто отрицая этническую природу современных

наций, не могут объяснить, почему для их изобретения в прошлые исторические периоды требовалось именно апелляция к чувству этнического или даже расового родства. Хотя если говорить о политической направленности конструктивистского течения логичней бы выглядело обращение к идеям простой социальной солидарности, политическим или экономическим интересам.

Конструктивистский вариант формирования гражданской нации в наиболее западноевропейском и особенно американском мультикультурализме. Именно в этих социальных, культурных и политических условиях был поставлен в актуальную повестку дня вопрос о гражданской нации [7. С. 159.].

Важной для практической реализации концепции гражданской нации в качестве системообразующего политического принципа объединения в единое национальное и государственное целое различных территориальных и этнических групп в социальном и политическом пространстве России, является равенство принципов государственного строительства и отношений между всеми нациями.

В современной России этот принцип применяется избирательно, и практически только в отношении русскоязычного населения. От русских требуют толерантности и отказа от национальных ценностей, пугая всех надуманным русским политическим экстремизмом. В то же время национализм, не переходящий в терроризм, и находящийся под покровительством правящих элит, пусть и в его самых крайних формах, является практически государственно одобряемой формой поведения, если речь идет о кавказских национальных регионах. Здесь традиционно господствующим мировоззрением является именно национализм, причем в формах противоречащая концепции гражданской нации. В этой логике выстраивается кадровая и социальная политика, выдавливаются из региона русскоязычное меньшинство, покрывается этническая преступность, является именно национализм, исключающий возможность формирования гражданской нации. Тем более что такое положение вещей исключает как институциональную, так и социальную эф-

эффективность гражданской идентичности и ее политического проецирования в концепции гражданской нации.

Для формирования гражданской нации от политической доктрины к институциональным практикам, необходим духовный определенный тип мировоззрения, который основан на единстве высших духовных ценностей, которые позволяют подняться над центробежными тенденциями и сугубо региональными интересами.

Практическая реализации концепции гражданской нации может иметь различные варианты. Если мы детально рассмотрим российский опыт, то увидим, что за всю обозримую историю нашей страны у нас сложились три варианта практической реализации концепции гражданской нации – русская, советская и российская [8]. Нужно сразу отметить, что термин гражданская нация не принято относить к имперскому и советскому периоду российской истории, но мы считаем, что наличие ряда общих ценностей и отношение к иерархии гражданских ценностей дают основание для применения этого термина в контексте данной работы.

Как бы изначально не трактовать понятие нации – как механизм или как организм, хотя в целом начинает господствовать конценсусное понимание характера современной нации, часто существующей на стыке гражданского и этнического миропонимания и в котором примордиальные и конструктивистские процессы так же находятся в тесном переплетении и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Институциональная и социальная эффективность это в принципе достаточно разные по своей природе явления, но которые находятся в неразрывной связи между собой. Институциональная эффективность связывается прежде всего с характером и успешностью деятельности различных органов власти, политических, общественных организаций и институтов. Насколько в своей деятельности они опираются на гражданские ценности и принципы именно гражданской нации, как полно они реализуются.

Социальная эффективность концепции гражданской нации выражается в уровне восприятия обществом гражданских политических ценностей, готовности руководствоваться ими в своей повседневной жизни. Эмпирическими индикаторами позволяющими измерить такую эффективность является с одной стороны, уровень удовлетворенности общества властью и качеством управления, хотя этот индикатор иногда может быть только косвенным. Другим индикатором является индекс напряженности и конфликтности в обществе, в отношении межнациональных отношений, политического экстремизма и практик их разрешения.

Для достижения институциональной эффективности нужно состояние, когда характеру институтов соответствует присутствующая в данном обществе политическая культура, базирующаяся на этом фундаменте мировоззрение и система политического действия. Важность этого фактора особо ярко показало исследование Р. Патнема, который проанализировал практики институционализации гражданской нации в итальянских социальных условиях, и продемонстрировал, как различные политическая культура даже в рамках одной страны может сильно отличаться [9].

Институциональность концепции гражданской нации изначально закладывается конституцией, как основным законом в соответствии с которым выстраивается вся система существующих в обществе в взаимоотношений. Главным принципом, по которому могут выстраиваться такие основы гражданской политической нации, является то, идут они от прав или от обязанностей, которые присутствуют в том или ином типе государственного устройства. Это определяет конфигурацию институциональных принципов по которым функционируют органы государственной власти и в рамки которых стараются организовать и все остальные социальные институты и отношения. Принадлежность к гражданской политической нации это гарантия неприкосновенности жизни и всего комплекса прав и свобод человека или это четко организованный и контролируемый процесс выполнения обязанностей граждан перед гос-

ударством и в самой малой степени государства перед гражданами. Институциональная и социальная эффективность у этих концептов гражданской политической нации будет очень сильно различаться, но идеальный вариант – это найти баланс между правами и обязанностями основанными на гражданских политических ценностях.

Для достижения социальной и институциональной эффективности концепции гражданской нации в российских условиях важно определить оптимальный цивилизационный ориентир страны, подходящего российским историческим истокам и реалиям гражданского общества. Другими словами, необходима серьезная аналитическая работа по поиску основанных на базовых конституционных ценностях региональных моделей гражданского общества, приемлемых для различных российских территорий с их историческими традициями и культурой, которую нельзя изменить в ее базовых основаниях. Главным критерием такого поиска должно стать определение конкретных механизмов, в которых возможен диалектический учет прав человека и прав нации, соответствующих политическому строю, демократии и экономическому укладу. В такой социальной и институциональной конкретике и определенности формируется основа бытия народа и его благополучия.

Реализация концепции строительства гражданской нации в России и достижения синергии институциональной и социальной эффективности, нужно связывать с развитием гражданского общества, но при этом исходить из того, что речь идет не столько о классическом западном гражданском обществе, традиционного либерального типа, а с глобальным гражданским обществом. В этом отношении нужна целенаправленная поддержка системного концептуального развертывания и реализации идеи единого политического и правового гражданского пространства России, как многонационального общества с региональными базовыми ценностями.

Литература

1. *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.* Национализм: теория и политическая история. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2006.
2. *Симпсон Д., Инглер Д.М.* Социология расовых и этнических отношений. М.: Наука, 1993.
3. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса. / Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
4. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. / Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2004.
5. *Benedict A.* Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Verso Books, 1991.
6. *Тишков В.А.* Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. 2005. 5 мая.
7. *Замятин Д.Н.* Сопроисродственность и идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
8. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН. М.: ИС РАН, 2007.
9. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: AdMarginem – Московская школа политических исследований, 1996.

Современное развитие этнических культур народов Астраханской области ¹

В.М. Викторин, Н.К. Бинева

Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве основных приоритетов устанавливает сохранение и развитие культур народов РФ, укрепления их духовной общности, развитие потенциала многонационального народа и всех составляющих его этнических общностей как основного фактора укрепления российской государственности. [1] Преодоление таких негативных факторов как унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, недостаточность образования и культурно-просветительских мер по формированию гражданской идентичности, неурегулированность миграционных процессов, вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов связано с постановкой новых задач в области национальной и культурной политики. Одной из первичных в рамках Стратегии была поставлена задача по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов.

Региональный уровень анализа ситуации сохранения и развития национального, культурного и конфессионального многообразия в субъектах Южного федерального округа представляется наиболее актуальным по нескольким причинам. Во-первых, в связи с поликультурным характером этого региона, которому характерны угрозы, выраженные в конфликте, сопровождающиеся терроризмом и экстремизмом. Анализ статистики задержания молодежи за распро-

¹Статья подготовлена в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной, и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Ростовская область, Астраханская область, Республика Калмыкия), анализ истории и современности геополитики «черкесского вопроса» (научный руководитель - академик В.Тишков). Госзадание № 28.186.2016/РНЦ.

странение материалов запрещённого судом в России «Исламского государства» стал основанием для выводов специалистов относительно территорий риска экстремистских угроз. В частности, профессор кафедры мировой культуры Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, зампредела экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ Роман Силантьев, считает, что в настоящее время высокая террористическая активность наблюдается на территории Дагестана и Кабардино-Балкарии. Ранее сюда можно было отнести Чечню, Ингушетию и Карачаево-Черкессию. Но в настоящее время там заметно улучшение ситуации. На второе место Силантьев поставил регионы с высокой долей мусульманского населения. Речь идет о Татарстане, Башкортостане, Адыгее, Астраханской области.[2]

Во-вторых, Прикаспийский регион – не только перекресток мировых торговых и экономических путей между Востоком и Западом, Севером и Югом, Россией и странами Персидского залива, но и один из значимых геополитических узлов. На этом геополитическом фоне важной проблемой является укрепление Россией своих позиций в Прикаспийском регионе. Основной вектор динамики развития Астраханской области в 2014 г. был задан разворотом политики Федерального центра в сторону взаимодействия со странами Прикаспийского региона – Азербайджаном, Ираном, Казахстаном. Данное направление внешнеполитического курса России сразу же изменило статус Астрахани, которая теперь стала рассматриваться как «ворота на Восток». И этот статус резко актуализировал проблемы создания должной экономической инфраструктуры, инвестиционной привлекательности и благоприятного климата в сфере конфессиональных взаимодействий и межэтнических отношений. Актуальное значение региона и Астраханской области в частности не только в энергетической, транспортной, военно-политической и экономической сферах, но и в сфере гуманитарного взаимодействия; в реализации диалога восточной и западной цивилизаций.

Астраханская область входит в состав Южного Федерального округа и является приграничным регионом: по суше территория граничит с Республикой Казахстан, по морю – с Азербайджанской Республикой, Исламской Республикой Иран, Республикой Казахстан и Туркменистаном. В Российской Федерации соседями Астраханской области являются Волгоградская область и Калмыкия. Площадь территории области составляет 49,0 тыс. кв. км, плотность населения – 20,7 чел. на кв. км. Область включает 11 сельских районов, 442 села и поселка. Кроме областного центра в области 5 городов: Ахтубинск, Камызяк, Знаменск, Харабали и Нариманов. Численность населения Астраханской области, которая в 2010 г. составила 1010,073 чел., увеличилась по сравнению с 2002 г. на 4797 чел. На 1 января 2013 г. численность постоянного населения составила 1013,9 тыс. чел., из них 676,1 тыс. чел. (66,7%) – городское и 337,8 тыс. чел. (33,3%) – сельское население. В то же время в 2012 г. в области за счет миграционного оттока зафиксирован отрицательный прирост населения – -1132 чел. По прогнозу Росстата, до 2021 г. численность населения области будет расти, а в последующие 10 лет, вследствие очередного демографического провала, снижаться.

Так же, как и в других регионах Южного федерального округа, в Астраханской области происходит заметное изменение этнического состава населения. На территории Астраханской области по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. проживают представители 216 этнических групп. Наибольшую численность составляют около тридцати национальностей, из которых самые крупные группы: русские, казахи и татары. Снижение численности русских и татар обусловлено долговременными (с 1959 г.) трендами снижения темпов прироста численности с переходом к депопуляции (к 2002 г.) на фоне относительно низких репродуктивных установок. В течение 1959– 2002 гг., даже в периоды увеличения абсолютной численности данных групп, их доля в структуре населения Астраханской области неуклонно сокращалась: русских – с 77,5% (в 1959 г.)

до 69,7% (в 2002 г.); татар – с 8,2% до 7,0% соответственно. Это было обусловлено более высокими (опережающими) темпами прироста численности других этнических групп. Увеличение численности этнической группы казахов (с одновременным увеличением доли группы в общей структуре населения) связано с традиционно высокими темпами естественного прироста группы на фоне интенсивных репродуктивных стратегий. Численность русских сократилась в абсолютных значениях с 700,6 до 618,2 тыс. чел. (т. е. на 82,4 тыс. чел., или на 13,3% от численности группы в 2002 г.). И это несмотря на «всплеск» рождаемости в 2007–2010 гг. Это сокращение выглядит большим, чем за период с 1989 по 2002 гг. (тогда численность группы сократилась с 713,6 до 700,6 тыс. чел.). Но при детальном рассмотрении оказывается, что большая часть естественной убыли группы была компенсирована миграционным приростом русских (более 20 тыс. чел.). То есть сокращение численности русских в области в период 1989–2002 гг. составило около 34 тыс. чел. Лиц, не указавших национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников, – 95217 чел. – 9,4% жителей Астраханской области (в 2002 г. в графе «не указали национальность» значилось всего 2953 чел. – т. е. в 32 раза меньше, чем в переписи 2010 г.). В этом отношении результаты переписи 2010 г. не могут быть признаны удовлетворительными. Для Астраханской области значимым является вопрос языковой политики и владения государственным языком. 90,9% граждан, о которых удалось получить сведения в момент Переписи 2010 г., владеют русским языком, в т. ч. среди городского населения – 87,6%, среди сельского – 97,4%³. Казахский язык, который является родным для 16% населения области, преподается в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях. В настоящее время в 47 общеобразовательных учреждениях около 6 тыс. учащихся изучают языки народов региона. В форме предмета языки сейчас изучаются в Камызякском, Красноярском, Харабалинском, Приволжском районах области, в т. ч. татарский (46 классов), казахский (50 классов),

ногайский (7 классов). В других районах области такие занятия проходят в рамках факультативных занятий, кружков, творческих объединений.

В Астраханской области основные демографические показатели (рождаемость, смертность, продолжительность жизни) имеют стабильно позитивную динамику. В то же время в отдельных районах отмечается естественная убыль населения. Среди всех областей Российской Федерации Астраханская область выделяется самым низким процентом русского (и в целом славянского) населения, доля которого, начиная с 1970 г., неуклонно снижается.

Для Астраханской области (где среди мусульман традиционно доминируют татары, ногайцы и казахи) традиционно характерно единство мусульман и единоначалие в реализации управления мусульманской умой посредством деятельности руководства АРДУМ. Негативной стороной организационного плюрализма в «российском исламе» является борьба между разными муфтиятами и мухтасибатами, которая не может не открывать дополнительные возможности для деятельности радикальных группировок. В Астраханской области зарегистрировано 39 региональных и 24 местных национально-культурных общественных объединений. Только за 2012 г. на территории Астраханской области было зарегистрировано 4 новых региональных национальнокультурных общественных объединения со статусом юридического лица. [3]

Решение задач по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, гармонизации национальных и межнациональных отношений, обеспечение равенства прав и свобод человека требует опоры на внутренние факторы, в частности на способность использовать внутренние ресурсы достойного развития представления интересов России.

Достижение этих целей поддерживается посредством государственных субсидий. В конце апреля 2016 года правительство России распределило субсидии, выделяемые из федерального бюджета на программу «Укрепление единства российской нации и этнокуль-

турное развитие народов России». На это направление Астраханской области выделили 736,4 тысячи рублей (на укрепление единства российской нации), на этнокультурное развитие - 540 тысяч. Основное количество событий в сфере межэтнических отношений в Астраханской области было связано с поддержанием культуры этнических групп, проживающих в области, и усилению межкультурных связей. Административные структуры области в последние два года уделяли достаточно большое внимание вопросам профилактики экстремизма (в том числе и его этно-конфессионального проявления) и формированию патриотизма среди молодежи. В сфере криминальных практик не происходило событий, которые вызвали бы резонанс в сфере межэтнических взаимодействий.

По оценкам экспертов сфера межэтнического и межконфессионального общения в области остаётся стабильной – она находится в поле зрения и внимания властных структур всех уровней. Одним из проявлений повышенного интереса государственной власти (регионального и муниципального уровня) к обеспечению условий для гармоничного развития этносов, проживающих на территории области, является проведение систематического мониторинга поля межэтнических отношений.

Так, начиная с 2013 года проводимые в областном центре социологические исследования фиксируют стабильную позицию молодежи по оценке общей ситуации в стране и в регионе – 25% оценивают ее как «хорошую» и «удовлетворительную» ещё 56%. Число считающих ситуацию "негативной" в текущем году составило 19%. К 2015 году «недоверие к мигрантам» по сравнению с 2014 годом снизилось практически с 20% до 15%, а в 2016 году этот показатель сохраняется на уровне прошлого года. Тем не менее, среди «групп возможной агрессивности» астраханская молодежь по-прежнему называет «кавказцев – дагестанцев – чеченцев». Но в 2015 году впервые проявились в данной шкале «русские – казаки – калмыки» (до 7%). Ярко выражена позиция "отвержения национализма" – как «непреложное зло» его рассматривают 43%, а в сумме с более мяг-

ким «несогласием» – свыше 60% респондентов. Причины конфликтности в регионе значительная часть опрошенной молодежи видит в уличном хулиганстве (54%), для 24% источник конфликтности в «неуважение к языку и культуре», соответственно и меры профилактики конфликтов они видят в решении вопросов этнокультурного развития, образования и просвещения.

Социологическое исследование по изучению проблем функционирования национальных языков, проведенное в феврале 2015 года показало кризис жанра «родные, этнические языки» и разноречивых мнений по этому поводу. Понимают «полную пользу родного языка» в основном лица с высшим образованием. На высокий уровень знания родного языка (со знанием литературы и письменными навыками) ориентация незначительна, в основном преобладает коммуникативная ценность языка, т.е. его повседневное «простонародное» употребление. Так, респонденты сельской местности отметили, что он используется прежде всего в семейном быту (37%), для общения среднего и старшего поколений (21%), как средство общения молодежи и старшего поколения (18%). Только 20% указали на то, что на родном языке осуществляется постоянное общение.[4]

Нужно отметить, что уровень ориентации и связи молодежи со своей этнической группой определяется степенью доверия к ней при решении социально значимых проблем. При ответе на вопрос о защите своих гражданских прав, респонденты выделили «свое землячество» (этот показатель составил 32%, что выше значения 2013 года), при сохранении уровня доверия государству при решении этих вопросов (этот показатель зафиксирован на уровне 10%). В 2016 году государство как «гарант неконфликтности» отметили всего 5%.

Вторым индикатором важности реализации задач по этнокультурному развитию и образованию является «слабо» выраженное знание элементов своей культуры, в частности языка и традиций в молодежной среде. Только 20% и 18% респондентов в качестве основы этничности выделили такие элементы как культура и язык. В 2015 году доля тех, кто плохо знаком с культурой своей этнической

группы составила 43% от общего числа респондентов, а тех, кто мог бы охарактеризовать деятельность «своего» областного этнокультурного общества всего 23%. [5] Данные опроса 2016 года подтвердили характер ценностных установок и этнокультурных практик в молодежной среде – только 13 % считают важным владение национальным языком, 42% ориентированы на изучение своей этнической культуры, а 35% «ни разу» не посещали этнокультурные мероприятия и акции.

В итоге, находящимися «в проблемной зоне» можно считать не ¼ участвовавшей молодёжи, как было два года тому назад, а большее число молодежи. И хоть их численность не превышает 20%, такие показатели требуют значительного внимания со стороны общества, органов государственной власти и институтов гражданского общества. [6]

В связи с этим важным направлением управления межнациональными (межэтническими) отношениями в Астраханской области является создание благоприятного климата для развития этнических культур и этнических языков.

Административные структуры области стремятся контролировать сферу межнациональных взаимодействий, поощряя развитие национальных культур и поддерживая деятельность всех национально-культурных обществ. При этом обнаруживается проблема с непопулярностью изучения национальных языков и недостаточной включенностью молодежи в культурные события национально-культурных обществ.

В целом, реализация Стратегии национальной политики на региональном уровне осуществляется по основным направлениям: укрепления российской идентичности, поддержки развития этнических культур, контроля за ситуацией в сфере нелегальной зарубежной миграции, активного противодействия экстремизму. Вместе с тем, анализ проявлений экстремистской деятельности показывает увеличение правонарушений в этой сфере. Преодоление этой тенденции требует не только усилий правоохранительных органов, но

более активной воспитательной работы с молодежью. Условием межэтнического согласия в Астраханской области является тесная увязка процессов обеспечения общественной стабильности и полноценной социализации молодежи, в т. ч. через активное вовлечение молодежи в деятельность легитимных этнокультурных объединений.

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года.

2. Эксперт: Астраханская область на втором месте в России по уровню ваххабитской угрозы -<http://astrahandailynews.ru/index.php/novosti-astrakhani/20860-ekspert-astrahanskaia-oblast-na-vtorom-meste-v-rossii-po-urovnu-vahhabitskoi-ygrozy>

3. Этническая политика России на современном этапе//Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, под ред. Тишкова В.М., М., ИЭА РАН, 2012.

4. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном Федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на 1 полугодие 2015)//под общей редакцией академика В.А. Тишкова, Ростов-на-Дону, 2015, С. 83–85.

5. Социологическое исследование 2015 года, объем выборки составил 1000 чел. среди студентов 8 вузов г.Астрахани. Инструментарий включал 30 вопросов по проблемам религиозных, межэтнических отношений и социальной конфликтности.

6. Итоги социологического исследования на тему «Состояние этнорелигиозных процессов среди студентов ВУЗов и ССУЗов города Астрахани за 1-й квартал 2016 г.». Объем выборки – 1000 студентов 4 – х ВУЗов и 6 - и колледжей в возрасте от 14 – 18 лет.

Специфика межрелигиозного взаимодействия на Юге России и зоны напряженности в сфере межрелигиозных и межэтнических отношений в регионе¹

К.В. Воденко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Большинство исследователей (В.В.Черноус, А.К.Дегтярев, Р.Д. Хунагов, И.И. Имгрунт и др.) отмечают, что межрелигиозное взаимодействие на Юге России тесно переплетается с межэтническими отношениями, поскольку традиционные конфессии России имеют ярко выраженный этнический базис. Поэтому можно вполне согласиться с М.З. Магомедовой в том, что особенность «современного религиозного пространства Северного Кавказа заключается в том, что религия здесь оказывается тесно связанной с понятием национальности. Поэтому, анализируя этнополитическую ситуацию в регионе, необходимо учитывать и религиозный, и национальный факторы, т.к. религиозное сознание, религиозные формы восприятия жизни вошли в ткань общественной жизни северокавказских этносов» [1, С. 139]. Притом, что конструирование общероссийской гражданской идентичности, в отличие, например от областей центральной России, происходит в условиях концентрации и влияния значительного числа самобытных политических субъектов (республик Северного Кавказа), где доминируют традиции с опорой на местные этнические и конфессиональные идентичности.

«Очевидно, что межкультурный диалог в условиях глобализации становится преобладающей тенденцией развития человечества. В то же время следует отметить, что открытость и нелинейность глобализационного процесса и увеличивающаяся роль случайных флуктуаций делают перспективы современной цивилизации трудно предсказуемыми» [2, С. 227]. Вместе с тем перспекти-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № №16-03-00545 "Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности".

вы гармонизации межрелигиозного взаимодействия на Юге России могут быть спрогнозированы с учётом ведущих экономических, геополитических и демографических факторов.

При этом важно учитывать, что религия как социокультурный институт, несмотря на длительный процесс, главным образом, новоевропейской секуляризации, вовсе не утратила идеологический и политический потенциал воздействия на массы. В большей степени это конечно касается исламской религии, политической религии по преимуществу, но при этом не надо исключать из подобной перспективы рассмотрения, например, православие и буддизм, которые также сохраняют определенный политический потенциал. Согласно Э. Гидденсу, социальные институты представляют собой «практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей» [3, С. 60]. Вышеприведенное определение британского социолога применительно к религии необходимо принимать во внимание ещё и потому, что многие религии имеют преимущество перед другими институтами по показателям длительности своего существования (например, все мировые религии, представленные на Юге России, определено старше самой российской государственности).

Укоренение социальной жизни в древних религиозных традициях обуславливает государственную устойчивость и общественную жизнеспособность, в образовательной и педагогической деятельности обеспечивает сохранение сопряженности личности с ее культурной традицией, знание своих корней и плодотворное осмысление своей истории [4]. Таким образом, религиозность как социальный феномен, зачастую представлена на Юге России в образе регионального (местного) патриотизма, что всё же несет в себе значительный потенциал конфессиональной политизации. Данная особенность, например, отчетливо проявляется на уровне Северокавказских республик, в которых традиционный ислам выступает в качестве ведущей нормативной структуры общественного порядка и должен также рассматриваться как важный ресурс идео-

логической борьбы против экстремистов и сепаратистов, выступающих под знаменами радикального и антигосударственного исламизма («салафизм», «ваххабизм»). Сходные тенденции прослеживаются в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях в среде казачества, где православное христианство воспринимается как ведущий идеологический комплекс нравственных понятий и одновременно технологий патриотического воспитания молодежи.

В одной из своих статей Р.Д. Хунагов, И.И. Имгрунт акцентирую внимание на том, что нынешний российский Юг «отличается от остальных российских регионов тем, что он стал ареной выяснения геополитических взаимоотношений между ведущими странами мира, этносоциальные проблемы здесь переросли в межнациональные, а политические спекуляции нацелены на разъединение братства народов Юга России» [5, С. 195]. В этой связи возрастает внимание к межрелигиозному взаимодействию как фактору, оказывающему прямое воздействие на конструирование гражданской идентичности жителей региона. Поэтому межрелигиозный диалог в регионе часто дискредитируется вмешательством извне, что обусловлено как прямым геополитическим воздействием региональных и глобальных держав, так и интенсификацией не контролируемых процессов коммуникации в информационном обществе.

При рассмотрении взаимоотношений мировых религий в регионе важно учитывать, как структурируются авторитативные центры тех или иных традиционных конфессий, в зависимости от чего можно прогнозировать степень их лояльности по отношению к официальной государственной власти. В данной связи необходимо отметить, что православное христианство и буддизм обладают такими явными авторитативными центрами, в которых концентрируется символическая власть патриарха и далай-ламы. Мусульманская религиозная общность, в отличие от первых рассмотренных нами конфессий, такими центрами символической власти не обла-

дает, что в определенной степени повышает риски девиантного поведения в среде своих приверженцев.

Конфликтные ситуации в рамках межрелигиозного взаимодействия в регионе, особенно в Ростовской области и Ставропольском крае, во многом обусловлены нарастающими миграционными процессами, в которых задействованы представители различных этноконфессиональных групп. Исследователи этноинституциональных факторов межэтнической напряженности Ф.А. Барков, А.В. Сериков отмечают, что например, в Ростовской области «нарастание конфликтогенного потенциала сопровождается дискурсивным конструированием обвинений в адрес мигрантов в том, что они не хотят соблюдать местные традиции и обычаи, и встречными обвинениями со стороны мигрантов в адрес местного населения в том, что оно находится в плену стереотипов и ксенофобии, а СМИ тиражируют только негативные образы мигрантов» [6, С. 130-131].

Подобная ситуация взаимного недоверия и обвинений затрагивает представителей разных конфессий, но наиболее концентрированные образцы недоверия и ксенофобии сформированы у значительного числа этнических русских Ростовской области, в первую очередь, по отношению к мигрантам, исповедующим ислам. Притом, что в последнее время отмечается рост в регионе русской этнической идентичности, традиционно связанной с национализмом, обладающим ярко выраженными антиэмигрантскими установками [7].

Проанализировав ответы респондентов Ф.А. Барков, А.В. Сериков делают выводы, что «... неприязнь формируется, главным образом, из-за того, что мигранты не соблюдают и не стремятся соблюдать местные обычаи и традиции (72%). Весьма значимыми являются различия в образе жизни, в моделях поведения как условия для формирования неприязни (58%). И лишь 18% опрошенных отметили, что неприязнь формируется, в значительной степени из-за конкуренции на рынке труда» [6, С. 133]. Таким образом, дан-

ные проведенных исследований опровергают тезис о том, что конфликты между местными и приезжими обусловлены, в первую очередь, конкуренцией на рынке труда. Скорее наоборот, местные представители малого бизнеса Ростовской области заинтересованы в притоке недорогой рабочей силы из стран ближнего зарубежья. Не только предприниматели, но и представители других слоёв населения готовы нанимать на сезонные работы мигрантов.

В тоже время у местных жителей существует недоверие к выходцам из республик Средней Азии, поскольку они опасаются, что в дальнейшем мигранты будут устанавливать в области «собственные порядки». Не секрет, что, например, наиболее высокий уровень недоверия и ксенофобии в Ростовской области проявляется местными жителями по отношению к мигрантам, исповедующим ислам. Сложившаяся ситуация не в последнюю очередь связана с деятельностью СМИ, которая носит амбивалентный характер. В данной связи О.М. Шевченко подчеркивает: «Свою роль в актуализации исламофобии играют мировые и региональные СМИ. В прессе и на телеэкране реальные трудности в отношениях с мусульманским миром стали быстро трансформироваться в пугающий массмедийный продукт, вследствие чего исламский фактор гиперболизировался. В общественном сознании возникло представление об исламской, а не исламистской угрозе, которая действительно существует» [8, С. 206]. В результате межрелигиозный диалог в регионе и области во многом опосредован воздействием информационного контента, формируемого массмедиа, который создает серьезные трудности между участниками коммуникации и в определенной степени препятствует гармонизации межрелигиозного взаимодействия.

Таким образом, межкультурные конфликты зачастую вторгаются в сферу межконфессиональных различий, которые враждующие стороны пытаются использовать в заочном споре со своими оппонентами. К тому же многие конфликты возникают из символических противоречий, которые связаны у представителей раз-

личных этнических групп часто с противоположными комплексами ассоциаций. Здесь важно учитывать различные модели патриотизма, вполне легально действующие на Юге России и представляющие сразу несколько региональных идентичностей, базирующихся на ценностях рода и конфессионального единства. При этом общегражданский патриотизм, ассоциирующийся массовым сознанием с позицией официальной власти, зачастую отодвигается на вторые роли, что приводит к усилению раскола между гражданами по религиозному (конфессиональному) признаку.

Значительная часть конфликтов на почве межэтнических и межконфессиональных противоречий происходит в молодёжной среде, поскольку, во-первых, для данной группы населения идентичности этноса и конфессии имеют превалирующее значение по сравнению с представителями старшего поколения; во-вторых, молодёжь в большей степени вовлечена в практики досуга, в которых риск попадания в конфликтные ситуации значительно повышается, вместе с тем, что религиозные доктрины в условиях кризиса гуманитарных отраслей российской науки обладают привлекательностью в глазах молодёжи, поскольку вооружают молодых людей цельным мировоззрением.

«К проблемам конфронтации между этнической и гражданской идентичностями в среде российской молодёжи тесно примыкают проблемы, связанные с дефицитом в обществе доверия и религиозной толерантности. Более того, различные, часто балансирующие на грани экстремизма религиозные идеологии, напрямую подпитывают радикальные формы этнического национализма и сепаратизма. Так, например, не секрет, что сепаратистские и националистические тенденции молодёжи, главным образом Северного Кавказа, подпитываются идеями радикального исламизма. Во многом аналогичную “функцию” для русской националистической молодёжи выполняет “неоязычество”» [9, С. 119]. Таким образом, зоны напряженности формируются вокруг разнообразных досуговых

практик и других форм социальной активности, которую проявляет молодёжь региона в свободное от работы и учебы время.

Литература

1. Магомедова М.З. Религиозная идентичность на Северном Кавказе // Исламоведение. 2010. № 3.

2. Юсупова Г.И. Роль религии в межкультурном диалоге // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Краснодар, 2015. 284 с.

3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

4. Воденко К.В., Тихоновская С.А., Овчаренко Д.Л. Влияние религии как социального института на правовые отношения в современном обществе // Вестник ЮРГПУ (НПИ). 2015. № 5.

5. Хунагов Р.Д., Имгрунт И.И. Направление этносоциальных процессов на Юге России в условиях современных рисков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015, №3.

6. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межнациональных отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3.

7. Сериков А.В. Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений в регионе // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3.

8. Шевченко О.М. Ксенофобия как фактор угрозы национальной безопасности государств и политической стабильности в Черноморско-Каспийском регионе // Гуманитарий Юга России. № 4. 2015.

9. Черных С.С., Никифоров А.А. Гражданская идентичность российской молодёжи в фокусе этнической и религиозной толерантности // Альманах современной науки и образования. № 11. 2015.

Сравнительный анализ нормативно-правового регулирования межэтнических отношений в России, США и ФРГ как предмет отечественных научных исследований¹

В.П. Войтенко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Критический анализ существующей отечественной научной литературы позволяет выделить два основных направления в рамках сравнительного анализа нормативно-правовых основ регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ: 1) типология правового регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ; 2) сравнительный анализ миграционного (иммиграционного) законодательства в России, США и ФРГ.

Типологию правового регулирования межнациональных отношений разработал отечественный юрист С.А. Подъяпольский, выделивший 5 основных типов нормативной регуляции межэтнических отношений [1]: 1) изоляционный тип, направленный на сохранение обособленности этнических групп в рамках целостной системы политически организованного общества; 2) ассимиляционный тип, ориентирующийся на включение представителей малых этнических групп в состав доминирующей путем их отказа от своей этнической принадлежности в пользу господствующей этнической общности; 3) ликвидационный тип, предполагающий удаление с территории политически организованного общества или физическое уничтожение представителей определенных этнических общностей; 4) мультикультурный тип, рассматривающий поддержание и культивирование этнокультурного разнообразия как некую самоцель, иногда даже в ущерб общим коренным и долговременным интересам политически организованного общества; 5) интеграционный, синтетический тип, предполагающий сглаживание культурно-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях»

бытовых различий этнических групп в интересах прогрессивного развития общества путем учета их своеобразия и отрицания необходимости их регуляции административными мерами.

Исследователь пришел к выводу, что для российского федерализма первой половины 90-х годов с высоким ростом национально-сепаратизма был характерен изоляционный тип правового регулирования межэтнических отношений. Современная правовая регуляция межнациональных отношений в РФ соответствует интегративному типу. Рассматривая правовое регулирование межнациональных отношений в Германии, С.А. Подъяпольский заключает, что ликвидационный тип правовой регуляции межэтнических отношений был характерен для нацистской Германии. Для современной ФРГ характерен интегративный тип, как и для России. К ассимиляционному типу правовой регуляции межнациональных отношений до второй половины XX века относился американский федерализм, который ныне воплощает мультикультурный тип правовой регуляции межнациональных отношений [1].

В рамках сравнительного изучения нормативно-правовых основ регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ большое внимание отечественными учеными уделяется сравнительному анализу миграционного законодательства в России, США и ФРГ. Отмечая проблемность и концептуальную незавершенность миграционного законодательства России, исследователи предпринимают попытки сформулировать рекомендации по его совершенствованию, исходя из опыта США и ФРГ.

Первая группа авторов придерживается позиции, что интеграционная политика в РФ должна учесть позитивный опыт США и ФРГ по нормативному закреплению миграционных амнистий, нацеленных на легализацию статуса незаконно находящихся в России иностранцев и частично интегрировавшихся в новое общество. Ученые полагают, что нормативное закрепление представителям этнорасовых групп льгот при приеме на работу и поступлении в вузы как в США не может рассматриваться в качестве оптимального

средства по развитию межнациональных отношений в российском обществе. Более того, современные российские реалии демонстрируют, что с осторожностью надо рассмотреть право предоставления мигрантам в России активного и пассивного избирательного права на местных и региональных выборах, так как политическая интеграция мигрантов, например, переселенцев из Северного Кавказа, вызывает недовольство местных жителей, так как избранные из числа переселенцев депутаты местных советов нарушают права коренного населения [2].

Другие исследователи, изучая иммиграционную часть миграционного законодательства России, США и ФРГ прошли к следующим выводам. Иммиграционное законодательство США отличается либеральным подходом к иммиграции, так как ориентировано на переселение или долговременное пребывание иностранцев [4]. Иммиграционное законодательство Германии ориентируется на временную трудовую миграцию и содержит ограничительные правовые нормы на приток иммигрантов [4]. Современная российская нормативно-правовая база, регулирующая иммиграционные процессы в стране, по мнению исследователей, является запаздывающей по отношению к изменяющейся обстановке и неэффективной. Ее недостатки выражаются в следующем: 1) строгие условия получения разрешения на временное проживание и вида на жительство; 2) сложный и растянутый во времени порядок выдачи разрешений на работу иностранцам; 3) сложная бюрократическая процедура регистрации иммигрантов; 4) выдворение иностранного гражданина за пределы РФ является главной мерой борьбы с нелегальной иммиграцией [4].

Третья группа исследователей, осуществляя сравнительный анализ нормативно-правовой регуляции миграции в России, США и ФРГ, также отмечает несостоятельность миграционного законодательства РФ и необходимость его совершенствования с учетом достоинств и недостатков миграционных законодательств США и ФРГ. К достоинствам законодательной базы США и ФРГ автор от-

носит следующие положения: 1) стандартизация правоотношений относительно различных категорий мигрантов, в рамках которой благоприятный правовой режим создается для высококвалифицированной рабочей силы и интеллектуальной элиты, а наименее благоприятный – для низкоквалифицированных работников; 2) нормативное закрепление противодействия нелегальной миграции (от депортации до легализации незаконных мигрантов); 3) применение схем устройства иностранцев на работу, в которых работодатель выступает наиболее активным субъектом правоотношений (принцип «отсутствие национальных кадров», инициатива трудоустройства принадлежит работодателю, «привязка» мигранта к работодателю, рабочая виза выдаётся после получения разрешения на работу); 4) нормативное введение квотной системы, дополняющей и расширяющей схему разрешения на работу; 5) международно-правовое сотрудничество при выработке компромиссных решений между угрозами национальной безопасности и требованиями соблюдения прав человека и гражданина [5]. В качестве недостатка миграционной политики США и ФРГ, которого России необходимо избежать, данная группа исследователей выделяет практическое доминирующее положение неправительственных и общественных организаций в сфере информационно-правового и финансово-правового регулирования миграционной деятельности.

Четвертая группа исследователей подчеркивает, что в российском миграционном законодательстве отсутствуют важные положения, содержащиеся в нормативно-правовой базе США и ФРГ, имеющие высокую степень адаптивности и приемлемости для России. К числу ценных для российского миграционного законодательства нормативных положений США относится процедура «трудовой сертификации» американского работодателя, присвоение статуса постоянного жителя определенным категориям иностранцев, правовая возможность привлечения работающих временными (неиммиграционными) визами, а также получение американского гражданства иммигрантами через процесс натурализации [6].

Полезным для миграционного законодательства России нормативным положением ФРГ является получение иностранными работниками разрешения на работу и разрешения на пребывание [6].

Пятая группа авторов придерживается мнения, что нормативные правовые акты США и Германии имеют общие черты, к числу которых относится наличие четких законодательно закрепленных принципов миграционной политики; системность конструкции правового регулирования, реализуемой на международном, федеральном, региональном и муниципальном уровнях; многообразие источников права в зависимости от правовой системы государства; увеличение роли подзаконных правовых актов и актов регионального и муниципального уровней [7]. В процессе совершенствования неэффективного российского миграционного законодательства необходимо использовать опыт США и ФРГ в части предоставления мигрантам гибкой системы легальных каналов въезда, закрепления в миграционном законодательстве альтернативных административно-правовых санкций в отношении нарушителей, а также нормативного закрепления практики амнистирования и легализации незаконных мигрантов.

Шестая группа исследователей признает, что миграционные законодательства США и ФРГ развиваются в рамках единой концепции, признающей приоритетность миграционных процессов в государственной политике, их существенное влияние на все сферы жизни общества, прежде всего на экономику. На развитие миграционного законодательства США и ФРГ повлияла глобализация миграционных отношений, формирование «нации мигрантов». К специфическим чертам законодательного регулирования миграционных процессов США и ФРГ относятся следующие [8]: 1) на законодательном уровне закреплены приоритеты миграционной политики, прежде всего, необходимость извлечения экономических, культурных, социальных и демографических выгод от миграции; 2) миграционное законодательство направлено на привлечение высококвалифицированной рабочей силы путем введения критериев в систе-

ме бального отбора и закрепления въездных квот; 3) законодательство США и ФРГ делит иммиграцию на основные формы (воссоединение семей, экономическая/трудовая, гуманитарная); 4) наличие в законодательной базе закрепленных механизмов борьбы с нелегальной миграцией; 5) признание на законодательном уровне необходимости и целесообразности государственной общественной поддержки механизмов интеграции иммигрантов в жизнь общества. Существенным отличием миграционного законодательства США и ФРГ является то, что оно регулирует только иммиграционную политику, а все вопросы, связанные с процессами внутренней миграции, регулируются исключительно экономическими рычагами, поскольку внутренняя миграция напрямую связана с поиском и сменой места работы. Российское миграционное законодательство отличается от американского и немецкого в первую очередь наличием значительных «понятийных» пробелов. Россия в отличие от западных стран концентрируется на нормативно-правовой регуляции внутренней миграции, на законодательном уровне в РФ не закреплены понятия «иммигрант» и «эмигрант», что ведет к практическим ошибкам при реализации задач миграционной политики [9, 10].

Основы правового регулирования порядка привлечения высококвалифицированных специалистов в США и их правового статуса заложены в Законе об иммиграции и национальностях. Для иностранных высококвалифицированных специалистов предусмотрена специальная рабочая виза H1-B. Данная виза выдается сроком на 3 года с возможностью однократного продления на такой же срок с целью осуществления трудовой деятельности. Заявителями по данной категории визы могут быть иностранные граждане одной из следующих категорий: 1) лица, имеющие степень бакалавра или выше; 2) лица, имеющие как минимум 12 лет опыта работы по специальности; 3) лица, имеющие лицензию на осуществление деятельности по специальности, если таковая необходима; 4) лица, имеющие неоконченное высшее образование и опыт работы по специальности (в сумме не менее 12 лет) [11].

Сравнительное изучение нормативно-правовых основ государственного регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ в основном сводится к сравнению миграционного законодательства этих стран.

Большинство исследователей признают, что миграционные законодательства России, США и ФРГ ориентированы на интеграцию мигрантов в принимающее сообщество. При этом, несмотря на множество сходных черт, модели миграционных законодательств США и ФРГ различны. Так, миграционное законодательство США является либеральным и отражает политику мультикультурализма. Миграционное законодательство ФРГ содержит множество правовых ограничений и разработано в рамках политики функциональной интеграции.

Большинство отечественных ученых признают несостоятельность, незавершенность и неэффективность миграционного законодательства РФ, главным минусом которого является фактическое отсутствие иммиграционного законодательства. Нормативно-правовая база США и ФРГ, наоборот, демонстрирует ориентацию на регулирование иммиграции.

В целом же критический анализ российской научной литературы демонстрирует отсутствие специальных работ, посвященных комплексному сравнительному изучению нормативно-правовых основ государственного регулирования межнациональных отношений в России, США и ФРГ.

Литература

1. *Подъяпольский С.А.* Типология правового регулирования межэтнических отношений // Проблемы права. 2010. № 3. С. 117–120.
2. *Цапенко И.* Развитые страны: интеграционная политика в отношении мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 59–69.
3. *Сунгуров А.Ю.* Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/71542548>

4. Денисенко М.Б., Фурса Е.В., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Миграционная политика в зарубежных странах и Российской Федерации: опыт сравнительного анализа. М., 2003. С. 36–51. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iер.ru/files/text/usaid/migrat.pdf>

5. Тюркин М.Л. Миграционная система России: концептуальные организационно-правовые основы: Автореф. дис. ... д. юрид. наук. М., 2004.

6. Радостаева Ю.В. Степень адаптивности миграционного законодательства США, Канады, ФРГ, Швеции и Китая для России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10. Часть 1. С. 246-249.

7. Орешина Н.И. Административно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

8. Никифорова Е.А. Правовые и организационные основы деятельности миграционных служб российской федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

9. Коробков А., Мукомель В. Опыт миграционной политики США: уроки для России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKEwiQsLOqvarLAhVMАpoKHe2hAKMQFgggMAE&url=http%3A%2F%2Fwww.pravorf.org%2Fdoc%2Fpubl_099.doc&usg=AFQjCNESEQEf9dYqby-GGfISrt4PasOgJg

10. Муравенкова М.В. Административно-правовое регулирование в сфере миграции: сравнительная характеристика государственного регулирования в США, странах Западной Европы и РФ // Молодой ученый. 2015. №3. С. 655-660.

Социологическая диагностика этнонациональных отношений в Южно-российском регионе

Ю. Г. Волков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Южно-российский регион является сложным этнонациональным образованием, что определяет повышенный исследовательский и практический интерес к состоянию этнонациональных отношений. В этом смысле, не оспаривая значения социально-прикладных исследований, важным можно считать социальную диагностику, которая связана с обнаружением проблем функционирования этнонациональных отношений, факторов их возникновения, актуальных тенденций и последствий для регионального развития и развития страны в целом.

Значение социальной диагностики заключается в том, что, во-первых, определяется ориентация на социально валидную, социально значимую, социально достоверную информацию, содержащую описание разно направленных тенденций в состоянии этнонациональных отношений. Во-вторых, целесообразным представляется создать условия для наращивания социальной компетентности населения региона, что очень важно для избежания популистских и «простых» подходов в решении «деликатных», имеющих социальный резонанс вопросов. В-третьих, выявление последствий перспектив действий коллективных субъектов регионального пространства, включающих и этнонациональные группы, и структуру управления, политические партии и общественные движения.

Таким образом, социальная диагностика ориентирует и общество, и социологов на приращение знания в рамках социальной ориентации и мобилизации в ответе на влияние этнонационального фактора в регионе. Следует подчеркнуть, что в Южно-российском регионе наблюдается тенденция относительной стабильности межнациональных отношений. Действительно, регион не отмечен этнонациональными конфликтами. Определенная напряженность отме-

чается на социально-бытовом уровне, повседневных практик, но при этом, в рамках социальной диагностики актуальным представляется определить, какие общественные запросы и потребности формируются в системе межнациональных отношений, каким образом функционирует система общегосударственного и регионального управления.

Другая проблема состоит в том, что с социальной диагностикой связывается социальное прогнозирование, что актуально в условиях дефицита в российском обществе сценарного мышления, обоснованных критериев развития межнациональных отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Думается, что Южно-российский регион является модальным для социальной диагностики российских регионов, так как по уровню социального и социально-экономического развития по показателям социальной стабильности и социального самочувствия населения содержит высокую степень презентативности происходящих в стране процессов. Межнациональные отношения показательны тем, что фокусируют социальную конфликтность и социальную напряженность, переводят на язык этнического дистанцирования, этнической мобилизации или стимулируют возможности сотрудничества, кооперации.

Предлагаемая модель социальной диагностики состоит в том, что определяются следующие уровни межэтнических отношений в регионе. Во-первых, речь идет об институциональных практиках в сфере межнациональных отношений, о поведенческих стратегиях, используемых субъектами общественно-политической жизни для гармонизации межэтнических отношений, вписываемую в общую концепцию национальной политики Российской Федерации. Уместно подчеркнуть, что гармонизация межэтнических отношений не подразумевает достижения состояния абсолютной бесконфликтности, необходима реализация институциональных практик, ориентированных на обеспечение интересов государства, общества, гражданина, укрепление государственного единства и целостности Рос-

сии, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России.

В этом контексте социальная диагностика заключается в том, чтобы реализовать модель социального самопознания, на основе дифференцированного анализа практик субъектов межэтнических отношений вывести обобщающие утверждения и оценки. Южно-российский регион демонстрирует взаимную дополняемость и зависимость «формальных» институциональных практик, реализуемых в системе общегосударственного и регионального управления и неформальных, включающих активность групп интересов, применяющих этнический дискурс или нацеленных через этнопространство реализовать социальные или политические интересы. Важным моментом социальной диагностики, как совокупности социологических процедур, направленных на исследование актуального и будущего состояний межэтнических отношений, заключается в понимании выбора решений, принимаемых действующими социальными субъектами. Иными словами стержнем социальной диагностики становятся анализ и оценка тех решений, того вклада, того участия, которое принадлежит определенным социальным субъектам.

Таким образом, в институциональных практиках выявляется взаимосвязь отложенных и актуальных, преднамеренных и непреднамеренных действий, которые создают динамику межнациональных отношений в регионе. Очевидно, что в рамках социальной диагностики стартовым условием является описание объяснения деятельности реальных участников этнонациональных отношений. Как правило, описываются «абстрактные» этнонациональные группы, в то время, как речь идет о группах представительства и делегирования интересов. В связи с этим, важно понять, каково соотношение между официальным и неформальным этническим дискурсом, какую роль играют общественные и общественно-политические ассоциации. Это важно для того, чтобы определить на каких субъектов регионального пространства можно возложить реализацию национальной политики, в какой степени цели и ценности провозглашен-

ной национальной политики разделяются казачеством, национально-просветительскими обществами, лидерами этнических диаспор.

Социальный диагноз, таким образом, предполагает использование социально-прикладных исследований для описания возможных моделей отношений между субъектами государственного и регионального управления и действующими «игроками» в региональном пространстве. Можно предположить, что неэффективность государственного программирования в данной сфере часто определяется тем, что при множественности целей, которые нельзя оспорить, не выявлена сфера компетентности ответственности неформальных субъектов межэтнических отношений. К тому же, проблема заключается в том, в какой степени в процесс межэтнических отношений включены социологи, как квалифицированные консультанты и эксперты.

Сложность описываемой ситуации состоит в том, что принимая и понимая несомненную эффективность социальной диагностики, следует разграничить текущие конъюнктурные проблемы и исследования, способные внести позитивно-конструктивное влияние на принятие решений в сфере управления и на представление и образы этничности и межэтнических отношений в общественном сознании. Примечательно, что в реализуемой стратегии подчеркивается ее межотраслевой социально-ориентированный характер, что делает безусловно-привлекательным включение социальной диагностики, как системного подхода, направленного на выявление и болевых точек, и перспективных направлений межнациональных отношений в регионе.

Существующий запрос на социологический диагноз определяется тем, что субъекты межнациональных (межэтнических) отношений, занимая активную позицию в этом процессе, могут действовать, исходя из позиций архаизма, деформированного национально-государственного самосознания, использовать исторические обиды или руководствоваться этнической мифологией. Между тем, социологическая диагностика основывается на определенных гражданских претензи-

ях. Речь идет о том, чтобы проявлять позицию гражданской ангажированности, ориентированную на создание публичного пространства для гласного и демократического обсуждения исследуемой проблемы. Как правило, так называемые межнациональные конфликты на локальном уровне связаны с замалчиванием состояния напряженности между представителями этнических общин, коррумпированностью органов управления, занятием позиции самоустранения.

Можно констатировать, что в рамках социологической диагностики открываются возможности для перевода проблемы в публичное пространство, для диагноза позиций заинтересованных групп в рамках соответствия российскому законодательству и целям реализуемой стратегии национальной политики РФ. Дело не только в том, что дискуссия полезнее «уличного конфликта», социальная диагностика связана с реализацией решений по поводу поставленных проблем, предполагает обязательное участие представителей властных структур. При том, что в Южно-российском регионе созданы условия по развитию национально-культурной автономии, по удовлетворению потребностей в сфере образования и развития национальных языков, следует подчеркнуть, что социальная диагностика актуальна в анализе институционализации практик мобилизации и конструирования. В том, что можно назвать становлением института представителей.

Конкретно это выражается в том, что требуется определение ресурсов, закрепленных за определенными этническими группами, определение влияния национально-культурных сообществ на процессы «этнической» и гражданской социализации различных групп населения. В диагностические процедуры включается анализ и оценка степени мобильности этнической группы, готовности к совместным практикам. Характерным упущением политики «на местах» является отсутствие анализа или недооценка стихийной негативной мобилизации, связанной с ролью неформальных лидеров, или отсутствием анализа сетевых коммуникаций в

рамках складывающейся группы представительства интересов этнической общности.

Следует подчеркнуть, что Южно-российском регионе складывается определенный дисбаланс представительства интересов, который выражается в том, что активность официальных общественных ассоциаций, как правило, ограничивается нерегулярными акциями, связанными с историческими «датами» или определенной информационной кампанией, в то время, как неформальные группы действуют на уровне повседневных практик, могут проводить целенаправленную работу, связанную через конструирование представлений об этнической группе, не совпадающей с официальным дискурсом. В этом смысле, культура, образование, язык, становятся пространством потенциальной этнической конфликтности, когда речь идет об обоснованных или необоснованных претензиях на придание более высокого статуса языку или расширение «национального» образования в рамках повышения статуса этнической группы, или получения «выгод» в политическом пространстве региона. В этом отношении определенные сложности возникают и с казачьими структурами, и с некоторыми этническими диаспорами.

Таким образом, необходимость социального диагноза состоит в том, чтобы не делать закрытыми ни одну из актуальных проблем межэтнических отношений и, вместе с тем, не допустить влияния радикализма, популизма, повисить уровень доверия к органам государственного управления и государственной власти, как способным к адекватному реагированию на возникающие проблемы, на конструктивный диалог с различными группами интересов.

Так как социологический диагноз ориентирован на «самообследование» межэтнических отношений с целью выявления позитивных и негативных факторов функционирования и развития, а в стратегии государственной национальной политики указывается на существование негативных факторов (высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, распространенность негативных стереотипов в неко-

торых народах, и т.д.), в рамках социальной диагностики важно выстроить иерархию «негативных факторов, определить какую степень влияния тот или иной негативный фактор оказывает на межнациональные отношения в Южно-российском регионе.

Учитывая, что Южно-российский регион характеризуется средним уровнем социально-экономического развития, сочетанием депрессивных и динамичных тенденций в экономике, внутрорегиональными различиями, приоритетным представляется исследовательский ракурс, направленный на определение взаимоотношения между социальным самочувствием, качеством жизни и этнической мобилизацией. В этом смысле, вторым по значимости показателем становится сфера действия негативных этнических стереотипов, которые выполняют устойчивую роль в привязке населения к практикам в этнической сфере межэтнических отношений. В-третьих, если исходить из состояния образовательных и культурно-просветительских практик, можно констатировать, что в региональном пространстве практики гражданской социализации, особенно молодежи, по действенности, эффективности и согласованию уступают неформальным практикам «этнической» социализации, которые могут ориентировать на формирование этноцентристских представлений и, с другой стороны, способствовать легитимации репрезентирующих этническую группу институтов (ассоциации, общества, «группы давления»).

Таким образом, институционализация практик межэтнических отношений определяется социальной диагностикой, как описание, объяснение и прогнозирование деятельности институтов, включенных в официальный публичный дискурс, взаимодействующих с органами государственного управления, и неформальных групп, ориентированных на представительства интересов этнической группы, с целью вхождения в публичный дискурс или создание параллельного «политического» пространства, направленного на этническую конфликтность, вытеснение, ущемление, или пренебрежение инте-

ресами других этнических групп и включение в совместные действия в целях дезинтеграции регионального пространства.

На уровне ценностной политики, определяемой как сфера ценностного обоснования межэтнических отношений в регионе, социологическая диагностика ориентирует на выработку и укрепление общегражданских ценностей, содействующих формированию общероссийского гражданского сознания на основе укрепления национального согласия и духовной общности ее народов. Следует подчеркнуть, что важными составляющими ценностной политики является деятельность органов государственного управления, их участия в выработке, закреплении гражданских ценностей, обсуждение этих ценностей в контексте решения актуальных вопросов межнациональных отношений, принятия на основе гражданских ценностей платформы для диалога и взаимодействия гражданских, патриотических, культурных ассоциаций.

В целях социологической диагностики целесообразным представляется формирование координирующих структур, создание «работоспособной» команды по управлению межэтническими процессами в регионе. Показательно, что генерализация ценностей достигается в процессе социального моделирования региона, совместности различных видов социологической информации. В исследовательском контексте важно определить соответствие между конкретными направлениями в управлении межэтническими процессами и состоянием общегражданского сознания населения региона, на основании типологии проследить ценностную динамику. Картина будет неполной, если исследование не нацелено на анализ соотношений между общегражданскими и этническими ценностями. В то же время, диагностируя ценностную политику, необходимо принимать во внимание процесс «размыва» традиционных ценностей, формирование устойчивой шкалы «антиценностей» у определенных групп населения.

Поэтому, социальная диагностика выводит на первый план описание этнических групп с определенным социокультурным ко-

дом, как ценностное предпочтения, культурно-историческая идентичность, гражданские и социальные установки. Такая модель оправдана, так как соответствует задачам социологического диагноза, критерием отбора существенных и несущественных элементов описываемых свойств и качеств. Очевидно, что следует различать модные тренды, увлечения определенными идентичностями и реальные тенденции в сфере межэтнических отношений. Социологический диагноз основывается на выведении вышеуказанных показателей как наиболее устойчивых, воспроизводимых, в сфере межэтнических отношений.

Фиксируя тенденцию «роста идентичности», в то же время, следует категоризацию понятия «этническая идентичность» соотносить с становлением формулы российской гражданской идентичности. В этом смысле, диагностика состояния этнической идентичности предполагает осознание личности в рамках российской национально-гражданственной идентичности, то есть включающий защиту, поддержку и лояльность, по отношению к российскому государству. В этой связи, ценностная политика состоит в формировании ядерных ценностей российского общества, для Южно-российского региона можно констатировать ситуацию относительного доминирования общегражданских ценностей при сохранении диффузности этнических ценностей. В рамках стратегии государственной национальной политики по отношению к региональному контексту, важно минимизировать процессы этнической самоизоляции и самосепарации, что наблюдается на уровне малых этнических групп (ногайцы) и в рамках национально-гражданского возрождения стимулировать процессы повышения гражданской активности определенных этнических групп (калмыки).

Дело в том, что на региональном уровне диспропорции в межэтнических отношениях проявляются в том, что возникает ситуация социально-статусных неравенств (Калмыкия, регион с отчетливо-депрессивными тенденциями), подобная напряженность переносится в сферу ценностной политики. В Стратегии государственно-

национальной политики поддерживается идея государствообразующей роли русского народа, важно в рамках социологической диагностики выявить роль русского народа, как субъекта солидаризирующей российской идентичности, определить его влияние в перформативном формировании национально-гражданских идентичностей, существующих у этнических групп в процесс становления гражданской идентичности. В нынешних условиях наблюдается определенное смещение уровней государственно-политической идентичности, и в этом определяется значение русского народа, и гражданской идентичности, которая, как правило, отдается на откуп политическим элитам. Важно подчеркнуть, что в Южно-российском регионе проблема формирования гражданской идентичности связана с вовлечением в этот процесс интеллигенции (регион имеет мощный научно-исследовательский и интеллектуальный потенциал), социологическая диагностика ориентирует на включение интеллигенции в процесс формирования гражданской идентичности в качестве лидирующего субъекта, открывающего инициативу для политических и властных элит региона.

Между тем, признавая значение фактора этнической толерантности, как показывает опыт внедрения практик мультикультурализма за рубежом, следует исходить из того, что для Южно-российского региона, как и для России в целом, приоритетным является разделение между формированием установок на терпимость и уважение к этнокультурным различиям на социально-бытовом уровне, на уровне повседневных практик и ценностями межнационального согласия и российского патриотизма в публичном дискурсе, поэтому так важно определить рамки совместимости традиционной и современной концепций ценностей, выработать ценностный консенсус, включающий известную формулу «порядок, стабильность, законность». Разумеется, необходимо учитывать реальную динамику ценностных предпочтений, представлять дифференцированную картину о различных слоях населения (городского, сельского, молодежи).

Исходя из опыта толерантности за рубежом, необходимо не только существование просветительских программ, что так же представляется необходимым на уровне базисного и ВУЗовского образования, но и реализации совместных региональных проектов в различных сферах общественной жизни (экономика, образование, культура). Социологический диагноз ориентирует на пространственное измерение социального, на то, что в региональном социуме этнические группы формируют отношение конкуренции и кооперации. И, в связи с этим, важно формирование логики присоединения к большинству, обладающему императивом межнационального согласия, настроенному на реализацию социального потенциала на основе значимых общественных инициатив.

Поэтому актуально, в рамках диагностирования региона как целостной общности, сформировать модель ценностной политики, которая развивается на базе объединения людей по профессиональным основаниям, учитывая этнические, религиозные критерии, в качестве корректирующих, дополняющих. Можно соглашаться или не соглашаться с тем, что в нынешних условиях ожидания по поводу ценностной политики относятся к конфессиональным структурам, которые воспринимаются как гаранты морали, но, учитывая неоднозначность конфессиональных процессов, степень формальной и реальной религиозности населения, доверия к лидерам конфессиональных общин, представляется адекватным выстроить иерархию институтов, которые ассоциируются с гражданскими и этническими ценностями, имеют авторитет, как институты социализации, воспринимаются в региональном сообществе в качестве референтных.

Таким образом, ценностная политика, которая до сих пор слабо включена в официальный дискурс, может иметь консолидирующее значение в переходе от институциональных практик к моделям интеграции в гражданское общество различных этнических групп, составляющих население региона.

Сложность исследовательской ситуации состоит в том, что хотя в Стратегии государственной национальной политики провоз-

глашается целью гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений и указывается на принципы единства, патриотизма и социальной справедливости, модель интеграции в российское общество, а речь идет не только о мигрантах, если понимать в концептуальном смысле, не достаточно разработана. Социологическая диагностика заключается в том, чтобы, с одной стороны, исследовать условия, факторы, установки на интеграцию в российское общество на основе гражданской идентичности, с другой, - определить причины и последствия дезинтеграции, самоизоляции, неполной интеграции отдельных этнических групп.

Действительно, признавая роль формирования общероссийской идентичности, ее соотношения с этнической и национально-гражданской идентичностями, необходимо исходить из того, что политика культивирования этнокультурного разнообразия может способствовать расширению этнической дистанции, приводить к конструированию новых этнических различий, и, в этом смысле, требуется определить границы баланса между сохранением и развитием этнокультурного многообразия народов России и поддержкой, стимулированием тенденций к общегражданской интеграции.

С другой стороны, в рамках социологического диагноза необходимо определить проявления этнической дискриминации, исходя из того, что часто социальные проблемы трактуются как этнодискриминационные, что в этом отношении необходимо разделять факторы, блокирующие гражданскую интеграцию на уровне этнических стереотипов и предубеждений, от риторики популистских и националистических групп, достаточно «корыстно» использующих терминологию коллективных прав этнических групп или обыгрывающих сюжеты этнической преступности. Назначение социологического диагноза определяется моделированием полной гражданской интеграции, что основывается, во-первых, на выявлении интеграционного потенциала, готовности к гражданской интеграции этнических групп, в той же степени исследование отношения к реализуемой политике гражданской интеграции в регионе и в стране в

целом, влияние субъектов этнонациональных отношений на процесс гражданской интеграции.

Между тем, развитие межнациональных (межэтнических) отношений в Южно-российском регионе свидетельствует о том, что наблюдаются разнонаправленные тенденции: с одной стороны, на региональном уровне прослеживается становление консолидирующей позиции населения региона, вне зависимости от этнического фактора по отношению к институту президента, целям и приоритетам внешней политики, что характеризует переход от государственно-политической идентичности к принятию модели «мы – граждане России». С другой стороны, очевидно влияние «альтернативных» моделей поведения, ориентированных на фиксирование исключительно этнической принадлежности (принятие дресс-кода, установка на заключение брака по этническому признаку, демонстративность в соблюдении определенных обрядов и обычаев, как национально-самобытных).

Речь идет о том, что социологическая диагностика, в качестве оценки такой ситуации, исходит из единства исследования процессов социального (публичного) уровня и микроуровня (повседневности), из прогнозирования последствий, которые может вызвать кумулятивный (совокупный) эффект изменений в повседневных практиках. Если недооценивать влияние повседневности на модели интеграции, то в качестве сценария будущего можно предположить нарастание межэтнической напряженности, связанной с тем, что группы интересов ориентируются через использование формулы этнокультурного разнообразия добиваться создания системы частных правовых порядков или практик этнического квотирования, что существенно ослабляет интеграционный потенциал политико-правовой сферы.

Памятуя о том, что социологический диагноз включается в систему социологической экспертизы, как исследование наличного состояния [1], важно подчеркнуть, что социологическое сообщество действует в условиях множественности социальных реальностей, и,

в силу этого, прогнозирует результаты взаимодействия социального макро- и микроуровней. Поэтому, социологическая диагностика состояния межнациональных (межэтнических) отношений в Южно-российском регионе направлена на сближение позиций управленческих структур и экспертных сообществ, действующих в рамках совместного участия в реализации стратегия развития национальной политики.

Можно полагать, что включение экспертов социологов в этот процесс полезен уже тем, что повышает коридор возможностей принятия оптимальных управленческих решений, хотя бы потому, что открываются условия установления консолидированной позиции по этим проблемам и предлагаются способы согласования позиций субъектов этнонациональных отношений, можно констатировать переориентацию на объективное социальное знание, знание, которое востребовано российским обществом в целях устойчивого социального развития.

Понимая, что государственная национальная политика обеспечивает национальную безопасность и территориальную целостность российского государства, сохранения и укрепление его национального суверенитета, предпочтительно использовать потенциал социологической диагностики, как и в целях преодоления когнитивного диссонанса в оценке состояния межнациональных (межэтнических) отношений, так и в том, чтобы, фокусируясь на проблемах межнациональных (межэтнических) отношений, расширить перспективы налаживания диалога социологии и общества, ее способности, как «самосознания общества», влиять на социальные практики.

Литература

1. Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М.: 2005. С. 61

К вопросу о «коренных народах» в Российской Федерации: этнополитические и правовые аспекты¹

Е.А. Гунаев

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Сфера межнациональных (межэтнических) отношений в многонациональном Российском государстве является одной из наиболее чувствительных в плане влияния как на безопасность государства в целом, так и на устойчивость общества. В политической практике и государственном строительстве продолжают уделять повышенное внимание проблемам этничности, межнациональных отношений, правовым способам ее регулирования. Свое влияние оказывают этнодемографические и миграционные процессы начала XXI в., в особенности трудовая миграция из стран СНГ и межрегиональная миграция внутри страны. В этой связи, выдвигаются предложения по определению правового статуса народов (этнических общностей), населяющих Российскую Федерацию, наделения их, по мнению инициаторов-идеологов, правами «реальных» субъектов политических процессов (т.н. «политизация этничности») [10]. Одной из таких идей, выдвигавшихся в 1990-2000 гг., но не получивших своего дальнейшего развития в законодательстве является идея о т.н. «коренных народах» в Российской Федерации в широком смысле (имеются в виду не только коренные малочисленные народы).

В этой связи в настоящей статье не рассматриваются т.н. коренные малочисленные народы Российской Федерации, поскольку проблемы политико-правового положения названных народов подробно и основательно изучены в отечественной научной литературе [1, 3, 5, 9]. Цель статьи состоит в изучении проблематики поня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект КИГИ РАН «Национально-территориальные и национально-культурные формы самоопределения народов в Российской Федерации в начале XXI века: политико-правовые аспекты»).

тия «коренные народы» в широком смысле, к иным народам Российской Федерации, не относимых законодательством РФ к коренным малочисленным [2, 6, 14]. Рассмотрим этнополитические и правовые аспекты данного вопроса с учетом научных дискуссий в данной области, практики государственного строительства в Российской Федерации и международного опыта.

Прежде всего, необходимо отметить, что «в международных документах речь идет о коренных народах в целом, малочисленные коренные народы не выделяются. Однако международные органы обращают внимание на небольшую численность тех или иных народов как на фактор, повышающий их уязвимость с точки зрения сохранения самобытности. Именно вследствие малочисленности, отмечает А.С. Автономов, на международном уровне особо выделяют права этнических, национальных, языковых меньшинств, хотя и не смешивают правовое положение меньшинств и правовое положение коренных народов» [1, С. 56].

Коренные народы именуются в международно-правовых актах «индигенными» (indigenous) или «аборигенными» (aboriginal, туземными). В отдельных странах проживания коренных народов их права закреплены не только на законодательном, но и на конституционном уровне. Например, Конституционный Акт Канады 1982 г. содержит главу, посвященную «индигенным» народам [16].

В России согласно Конституции РФ 1993 г. (ст. 69) принят термин «коренные малочисленные народы», к которым отнесены отдельные народы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, а также в ряде других регионов страны (например, шапсуги в Краснодарском крае, бесермяне в Удмуртии, вепсы в Карелии, Ленинградской и Вологодской областях, кумандинцы, теленгиты в Алтайском крае и Республике Алтай и др.) [11].

Проблема применимости «индигенности» к иным народам Российской Федерации, не относимым официально к коренным малочисленным, подробно отражена в статье О.Ю. Кузивановой. В частности обращается внимание «на факт различной трактовки по-

нения «коренной народ» в международной правовой практике и в российском законодательстве. Два подхода в понимании проблематики коренных народов сформировались в результате разных политико-правовых процессов, имеют свои особенности в системе правовых норм и способах реализации» [6].

Как считает О.Ю. Кузиванова, «понятие «коренные малочисленные народы» отражает именно российскую специфику: данный статус применяется в России только к наиболее социально уязвимой группе народов. В международной доктрине и практике, что признается всеми исследователями, понятие «коренные народы» трактуется шире. Отличие состоит в том, что наполнение правового содержания понятия «коренной народ» на международном уровне проходило в длительном (несколько десятилетий) процессе, где волеизъявление коренных народов «пробивало» свои права в состязании с такими сильными игроками на международном уровне, как государства. В отечественной научной литературе этот процесс определяется как феномен «индигенизации», «индигенности» [6].

О.Ю. Кузиванова приводит в качестве примера опыт Республики Коми. В Конституции Республики Коми 1994 г. статья 3 в первоначальной редакции называла народ коми как «коренной», в последствии данная характеристика была исключена. В современной редакции статьи отражен факт, что «образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа», гарантируется сохранение и развитие языка, традиционной культуры и образа жизни коми народа и других народов, проживающих в республике. О.Ю. Кузиванова, отмечает также тот факт, что в Конституции Республики Коми в статье 75 осталось положение о праве законодательной инициативы Межрегионального общественного движения «Коми войтыр», что исследователями трактуется в духе международного права как «один из типов юридических ситуаций – договорное участие в правовых отношениях между государством и институтами коренных народов» [6, С. 20].

Концепция «коренного народа» нашла в Республике Коми конкретное воплощение в создании целостного механизма взаимодействия съезда коми народа и органов государственной власти республики. Как отмечает О.Ю. Кузиванова, несмотря на неопределенность правового статуса коренного народа в рамках российского законодательства, концепция «индигенности» находит свою реализацию в общественно-политической практике, что выражается в признании «де факто» прав народов, отвечающих критериям коренных народов в силу сохранившихся особенностей традиционной культуры. Две концепции коренных народов (международная и российская) не противоречат, а скорее дополняют друг друга, создавая различные социальные практики в рамках взаимодействия многих социальных акторов (государства, общественных движений и организаций, компаний и корпораций)» [6].

Мухтаров Т.Г., в рамках дискуссии о правовом статусе вторых государственных языков в республиках Российской Федерации, предлагает рассмотреть вопрос о праве коренного (титульного) народа такой республики быть понятым людьми других культур. «Речь идет об одинаковом владении представителями коренного народа (титульного этноса) и остальных этнических групп языками друг друга» [8].

Э.Т. Майборода отмечает, что «некоторые специалисты считают, что политизации этничности и усилению напряженности в регионах способствует и распространение в научной среде таких понятий, как «коренные» и «титульные» народы [7, С. 141]. Так, Ж.Т. Тощенко пишет, что «губительность и непродуманность таких терминов, да еще поддержанных на официальном уровне, усугубляет ситуацию и в немалой степени подыгрывает устремлениям этнократических сил в стране. Именно эта путаница и невнятица, перенесенная в плоскость политики, практической политической и общественной деятельности привели к обострению взаимоотношений между представителями различных народов, перешли в ранг государственных акций, которые обернулись неоправданными обидами

для нетитульных народов. А это в свою очередь способствовало росту этноэгоизма и этнофобии, появлению новых узлов напряжения, новых столкновений на этнической почве» [7].

Б.С. Эбзеев обращает внимание на положения Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», которая предусматривает особый порядок охраны прав коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, и специфические формы позитивной дискриминации этих групп населения государств. Б.С. Эбзеев отмечает, что указанная Конвенция на деле отводит находящимся под ее защитой народам статус «меньших братьев», в связи с этим она едва ли приемлема для России. «Коренные народы» в исторически сложившемся в России понимании не укладываются в то видение, которое характерно для данного международно-правового акта. Это различие просматривается и в международных актах. Не случайно принятый в 1992 г. одним из органов ООН документ именуется «Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам». И это закономерно: народы Башкортостана или Карачаево-Черкесии, Татарстана или Чеченской Республики, согласно утвердившимся у нас взглядам являются коренными. Они живут на земле своих предков, интегрированы в единый общегосударственный коллектив – многонациональный народ Российской Федерации, пользуются, как и все народы, рядом неотъемлемых прав, присущих национальному суверенитету [15].

Но этот вопрос иначе решается в Конвенции МОТ № 169. Так, согласно ее статье 1 Конвенция распространяется на две группы народов:

а) народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличны от условий других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их обычаями, традициями или специальным законодательством;

б) народы в независимых странах, рассматриваемые как коренные ввиду того, что они – потомки тех, кто населял страну или геогра-

фическую область, частью которой является данная страна, в периоды ее завоевания, колонизации или установления существующих государственных границ. Эти народы, независимо от их правового положения, сохраняют или некоторые, или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты [15].

«В сущности, – считает Б.С. Эбзеев – речь о том, что те или иные этносы в силу реалий своего социально-экономического развития, уровней образования и культуры для защиты своих интересов, этнических и иных прав нуждаются в своеобразном поводе в лице «старшего брата»... Но можно ли представить народы, скажем, Бурятии или Тувы, Кабардино-Балкарии или Республики Коми как неспособные определить собственное социальное, экономическое или политическое бытие в составе единого многонационального государства и в качестве неотъемлемой части единой государственной гражданской нации? Разумеется, нет!» [15].

Очевидно, что закрепление неких «особых» прав для одного или группы народов неизбежно затронет и права остальных. Безусловно, все это, скорее всего, может начать противоречить положениям федеральной Конституции в случае реализации подобных инициатив. Вместе с тем, полностью отрицать проблему «коренных народов» не отнесенных государством к коренным малочисленным не представляется возможным.

В качестве примера приведем выводы Доклада 2010 г. Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов по ситуации в России. Под термином «коренные народы» в названном Докладе в основном понимаются группы, которые по определению Правительства Российской Федерации являются коренными малочисленными народами. При этом, указывается, что могут существовать группы, которые имеют те же особенности и проблемы, что и коренные малочисленные народы, но которые из-за своей малочисленности не имеют соответствующего статуса или не пользуются правовой защитой. Например, численность алтай-кижи в Республике Алтай составля-

ет более 50 тыс. человек, причем их история и образ жизни схожи с историей и образом жизни алтайцев-теленгитов, которые включены в официальный перечень малочисленных народов. Численность ногайцев превышает 50 тыс. человек, и они образуют отдельную этническую группу, сталкивающуюся со многими проблемами, характерными для гораздо менее многочисленных коренных народов Российской Федерации. Аналогичным образом коми-ижемцы или изъватас традиционно занимаются оленеводством и рыболовством, но, поскольку они считаются подгруппой более многочисленного национального меньшинства коми, они не отвечают численным критериям. Вследствие этого, многие соображения и рекомендации в настоящем докладе, касающиеся положения коренных малочисленных народов в Российской Федерации, могут относиться и к некоторым из этих групп [4].

В СССР понятие «коренные народы» в том смысле, которым оно наделяется в международном праве, в официальных документах не использовалось вплоть до 1992 г. Табу на употребление формулы коренные народы и замена ее выражением малые, или малочисленные народы (народности) было обусловлено официальной позицией государства, выраженной на одной из сессий ООН в 1985 г. представителем СССР в рабочей группе ООН по коренному населению В. Софинским, отмечавшим, что использование выражения «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет [12].

Введение порога численности объяснялось также логикой разведения и различения понятий коренной народ (в смысле, который придается этому термину в международном праве) и крупных групп автохтонного населения. С помощью этого порога «индигенные» малочисленные группы выделялись в качестве особого объекта государственной опеки из более широкого круга автохтонных народов, к которым, помимо крупных народов Сибири, относятся и все основные титульные группы республик в составе Российской Федера-

ции, а также русские как общность, доминирующая в политическом, социальном, языковом и культурном отношениях [12, С. 60–62].

С. В. Соколовский считает, что рациональную основу специальных мер защиты прав коренных народов можно выявить, отвечая на вопрос о специфике их ситуации по сравнению с ситуацией меньшинств. Специфика же эта заключается, прежде всего, в изначальном отказе от интеграции в современную (европейскую по своему происхождению) индустриальную цивилизацию и мировую экономику. Если специфика образа жизни меньшинств выражается в особенностях их языка, религии, или культуры, то специфика образа жизни коренных народов – это специфика их форм хозяйствования, не вписывающихся в нормы и ценности доминирующего общества и противоречащих законам рыночной экономики и западной рациональности. Собственно, именно эти противоречия и обуславливают отказ от интеграции, о котором идет речь. Следовательно, специфика защиты прав коренных народов заключается в охране их образа жизни, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств. Черты этого образа жизни хорошо известны: это экстенсивные формы хозяйствования, преобладающая часть которых относится к присваивающим формам экономики (охота, собирательство, рыбный и морской зверобойный промыслы, оленеводство). Охрана образа жизни людей, которые вовлечены в экономику такого рода, неизбежно связана с охраной среды обитания тех видов растений и животных, которые составляют основу возобновляемых ресурсов. Поскольку отнюдь не все люди, причисляющие себя к коренным народам, ведут подобный образ жизни, специфические нормы защиты прав коренных народов должны адресоваться лишь тем из них, кто вовлечен в эти виды хозяйственной деятельности, а также членам их семей, экономическое благосостояние которых поддерживается теми же ресурсами. Языковые и культурные права остальных должны защищаться общими нормами прав человека и прав меньшинств [12, С. 67–68].

Среди основных принципов Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. названо «обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни» [13]. Представляется, что в вышеуказанном контексте, поддержку необходимо обеспечить и малочисленным народам (этническим общностям), не отнесенным государством к коренным малочисленным этносам.

Подводя итог, отмечаем, что проблематика коренных народов получает постепенное развитие в самых различных областях общественно-политической практики, а также в научной среде. Необходимы новые научные исследования, направленные на применимость термина «коренные народы» к этнической карте Российской Федерации.

Литература

1. *Автономов А.С.* Международно-правовая защита коренных малочисленных народов Севера // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / под общ. ред. В.А. Штырова. М.: Издание Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2012. – 292 с. (С. 56–67).

2. *Булуктаева К.Ю.* Статус коренных народов России в период масштабных миграционных процессов в современном мире // Конституционное право и политика: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф.: юрид. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 28 – 30 марта 2012 г. / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юрист. 2012. 800 с.

3. *Гарипов Р.Ш.* Защита коренных народов в международном праве – Казань: Центр инновационных технологий. 2012. 256 с.

4. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека и основных свобод коренных народов г-на Джеймса Анайи. Добавление. Положение коренных народов в Российской Федерации (23 июня 2010 г.) // http://unsr.jamesanaya.org/docs/countries/2010_report_russia_rs.pdf

5. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

6. *Кузиванова О.Ю.* Коренные народы: два подхода, две концепции // Известия Алтайского государственного университета, 2012, № 4–1, С. 249–253.

7. *Майборода Э.Т.* «2.6. Пути и способы деполитизации этничности» Главы 2 «Политические аспекты обеспечения безопасности Юга России» // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона / гл. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. 2012. 528 с.

8. *Мухтаров Т.Г.* Концепция права на взаимопонимание для коренных народов России (на примере республик Российской Федерации) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2012, № 3, С. 162–167.

9. *Пешиперова И.Ю.* Международно-правовая регламентация прав коренных народов // Известия вузов. Правоведение, 1998, № 1, С. 187–194.

10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О проекте Федерального закона № 425692-4 «Об общинах коренных народов Российской Федерации» от 04.09.2007 № 5010-4 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 37, Ст. 419.

11. Постановление Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24.03.2000 г. № 255 (ред. 26.12.2011) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru>

12. *Соколовский С.В.* Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // В кн.: Этнические категории и статистика / под ред. Е. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 208 с.

13. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 52, Ст. 7477.

14. *Хайруллина Н.Г.* Коренные народы Тюменской области: взгляд социолога. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. 476 с.

15. *Эбзеев Б.С.* Самоопределение народов в современном мире: конституционно– и международно-правовые аспекты (по мотивам ценного монографического исследования) // Конституционное и муниципальное право, 2011, № 9, С. 29–34.

16. Constitution Act 1982. Part II. Rights of the Aboriginal Peoples of Canada // <http://laws.justice.gc.ca/eng/Const/page-16.html#docCont>

**Основные тенденции в сфере межэтнических
взаимодействий на Юге России: по результатам
этнологического мониторинга 2016 г.¹**

Г.С.Денисова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Межэтнические отношения в регионах России находятся в фокусе постоянного внимания политиков и ученых. О степени важности этой сферы отношений для современного государственного управления свидетельствует уже тот факт, что их анализ стал важной составной частью предвыборной программы В.Путина в период выборов на пост Президента России в 2012 г.[1]. В ней были вопросы межэтнических отношений рассматривались в контексте сохранения целостности и территориального единства страны, признания ценности полиэтничной основы этого единства и интегрирующей роли русского народа. Здесь же был обоснован основной механизм формирования социальной солидарности и межэтнического согласия – культурная политика, направленная на формирование патриотизма средствами образования, искусства, ТВ, СМИ, при сохранении и поддержке культур народов России. Разработка стратегических направлений деятельности в этой сфере проходила в постоянном диалоге государства и общественных организаций и была представлена в «Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.» [2]. Эффективность реализации этого программного документа в повседневной практике управления межэтническими отношениями выступает предметом анализа этноконфессионального мониторинга, который осуществляется с 2013 г.

¹Статья подготовлена в рамках проекта «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной, и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Ростовская область, Астраханская область, Республика Калмыкия), анализ истории и современности геополитики «черкесского вопроса» (научный руководитель - академик В.Тишков). Госзадание № 28.186.2016/РНЦ.

Распределенным научным центрами межнациональных и межрелигиозных проблем Министерства образования и науки РФ в федеральных округах, отличающихся повышенным риском в сфере межэтнических отношений: в Поволжском, Северо-Кавказском, Крымском (с 2014 г.) и Южном (научный руководитель проекта – академик В.А.Тишков).

Мониторинг направлен на выявление проблемных зон в общественных отношениях, и их отражении в сфере межэтнических взаимодействий в субъектах региона. Методология этноконфессионального мониторинга, разработанная под руководством В.А.Тишкова, исходит из того, что в основе межэтнических противоречий и напряженности лежат более масштабные социальные факторы: «не сами этнические и религиозные различия служат причиной напряженности и насилия, а факторы материального, социального, политического и идеологического характера» [3: 7]. Поэтому мониторинг предполагает освещение событий в сфере межэтнических взаимодействий в контексте описания состояния общественной среды, которая рассматривается более широко – от экологии и демографии до обсуждения в конкретных регионах актуальных проблем культурной жизни и исторической памяти.

Динамика состояния общественной среды на Юге России в 2016 г., как и в предшествующем году, определялась важными геополитическими факторами: политическим кризисом в Украине, санкционной политикой в адрес России со стороны стран коллективного Запада, а также – военными действиями России в Сирии, направленными против запрещенной во многих государствах террористической организации ИГИЛ. Эти международные события оказывают влияние на состояние общественной среды Юга России в силу их непосредственной территориальной близости. В этих условиях проблема консолидации российской нации, являясь важным направлением внутренней политики государства, имеет особенно важное значение для всего Юга России, включая Республику Крым. Поэтому важным фактором, оказывающим влияние на харак-

тер межэтнических взаимодействий в регионе, является планомерная реализация в субъектах ЮФО Стратегии национальной политики РФ, и принятой в ее рамках ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)».

Предпринятый мониторинг позволяет выделить следующие тенденции, которые проявляются в регионах Южного федерального округа:

1. В сфере экономики при общем спаде промышленного сектора в России субъекты ЮФО в первой половине 2016 г. демонстрируют положительную динамику. Согласно официальной статистике выпуск промышленной продукции округа увеличился на 2 % по итогам первого квартала (в России с средним отмечается снижение на 0,6 %). Лидируют здесь Ростовская и Волгоградская области, формирующие более половины объема производства ЮФО. Положительная динамика в субъектах ЮФО отмечается также и в производстве сельскохозяйственной продукции. Здесь лидируют Краснодарский край. Немного отстает от него Ростовская область. Политика импортозамещения в сельском хозяйстве округа дает свои положительные результаты. Тем не менее, по ряду прямых и косвенных показателей наблюдается ухудшение экономической ситуации во всех субъектах ЮФО.

2. Сохраняется значительная дифференциация регионов ЮФО по уровню экономического развития, что проявляется в дифференциации качества жизни населения. Так, в рейтинге российских регионов по качеству жизни за 2015 г., который составлялся на основе 73 показателей, характеризующие все основные аспекты условий проживания в регионе, от уровня экономического развития до обеспечения населения различными услугами, Краснодарский край занял 5 место (63,06 баллов), Ростовская область – 18 место (52,13 баллов), Волгоградская область – 31 место (45,97 баллов), Адыгея – 33 место (45,67 баллов), Астраханская область – 47 место (43,31 балла), Калмыкия – 82 место (23,54 балла) [4]. Эксперты

ВШЭ, проводя регулярно мониторинг качества жизни и социального самочувствия населения России, отметили на конец июня 2016 г. сокращение реальных доходов населения на 5,7 %, уровень безработицы на апрель 2016 г. – 5,9 %. Эта тенденция проявляется также в регионах ЮФО. Официальная статистика свидетельствует о том, что реальные денежные доходы населения в округе за первые два месяца 2016 г. в сравнении с этим же периодом за 2015 г. выросли только в Краснодарском крае (103 %). В Ростовской области они составили 93,9 %, в Адыгее – 89,8 %, в Волгоградской области – 87 %, в Астраханской области – 85,6 %, в Калмыкии – 79,2 % [5: 30]. Уровень безработицы (по методологии МОТ) в субъектах ЮФО выше, чем в среднем по России. Так, общероссийскому показателю безработицы в 5,9 % соответствует только Краснодарский край. В Ростовской области он достиг 6,2; в Волгоградской области – 7,4; в Астраханской области – 8,1; в Адыгее – 8,9; в Калмыкии – 12,2 % [5: 38]. Эти, а также другие показатели, свидетельствуют о том, что наиболее благоприятные условия для жизни в ЮФО в Краснодарском крае и Ростовской области. Срединное положение занимают Адыгея и Волгоградская область, которым несколько уступает Астраханская область. Отстающее положение в целом по России и в ЮФО занимает республика Калмыкия. Такой рейтинг определен в значительной степени климатическими условиями, имеющими важное значение для сельскохозяйственных регионов ЮФО, а также сложившимся уровнем развития производственной и социальной инфраструктуры.

3. Политические отношения в субъектах ЮФО в первой половине 2016 г. характеризуются стабильностью. Основное событие этого периода – проведение праймериз и подготовка к выборам в государственную Думу РФ в сентябре 2016 г. После проведенных в 2014-2015 гг. выборов глав областей, края и республик ЮФО в рассматриваемый период наблюдается тенденция укрепления исполнительной власти во всех регионах. Этому способствует отсутствие в субъектах округа сколько-нибудь резонансных событий, связанных

с антикоррупционными кампаниями, которые, как правило, приводят к локальным кризисам, снижению политического авторитета региональной власти в целом, и глав региона. Фонд «Петербургская политика» опубликовал в июне 2016 г. списки уголовных дел, вызванных выявленными коррупционными преступлениями региональных чиновников: в отношении глав регионов (1996-2016); в отношении заместителей глав регионов и региональных правительств (2012-2016); в отношении председателей региональных парламентов (2012-2016); в отношении глав городов и городских администраций в населенных пунктах более 100 тыс. чел. (2012-2016) [6]. В этих достаточно многочисленных списках фигурируют только 4 представителя субъектов ЮФО: два вице-губернатора Краснодарского края (2015 г.); мэр г. Астрахани (2013 г.) и мэр г. Таганрога (Ростовская область, 2015 г.). Такая «представленность» округа свидетельствует, скорее, о стабильной политической ситуации.

Об этом же свидетельствуют данные тринадцатого рейтинга эффективности губернаторов ЮФО, подготовленного Фондом развития гражданского общества (ФорГО) [7]. В нем глава Краснодарского края занял 9 место (поднявшись на 3 позиции); губернатор Волгоградской области сохранил 15 место; губернатор Ростовской области разделил с другими главами 18-20 место, поднявшись на две ступени; на 40 месте – глава Калмыкии, на 54-55 месте – глава Адыгеи. В аутсайдерах остался только глава Астраханской области (76-79 место). Экспертный анализ показывает устойчивые позиции всего губернаторского корпуса регионов ЮФО [8].

4. Снижение качества жизни населения Юга России проявилось в росте протестных акций. Если в 2015 г. они были отмечены, преимущественно, в Волгоградской области, то в первой половине 2016 г. такие акции наблюдались в Ростовской области и в Краснодарском крае. Наряду с распространенной в регионах России причиной протестов, связанных с проблемами ЖКХ и проблемой обманутых дольщиков, в Ростовской области причиной протестов стали невыплаты зарплат шахтерам, строителям спортивного объекта,

возводимого к чемпионату мира по футболу. К этим протестам добавились акции с политическими требованиями освобождения осужденных по «Болотному делу», а также граждан Украины (Н.Савченко, О.Сенцова, А.Кольченко).

5. В Калмыкии, падение уровня жизни населения и не прекращающийся отток молодежи из республики, вызвали активизацию деятельности национальной организации – Исполкома Чуулгана – Съезда ойрат-калмыцкого народа. Руководители Исполкома демонстрирует повышенную этнополитическую активность, включаются в обсуждение всех политических и экономических проблем республики. В частности, сохраняет актуальность вопрос калмыцкого этнического представительства в Постоянном представительстве республики при президенте РФ. Этот орган по указу руководителя республики возглавляли москвичи, азербайджанец, сейчас возглавляет дагестанец. Этот подход стал предметом критики лидера республиканского отделения «Яблоко», Б. Боромангнаева: «В Постоянном Представительстве не работает ни один житель Калмыкии. <...> Все пять отделов Постоянного Представительства возглавляют люди, по-видимому, не имеющие никакого отношения к Калмыкии и калмыцкому народу»[9]. Критике подвергается экономическая политика руководства Калмыкии, которая рассматривается как важный фактор исхода калмыцкой молодежи; а также бездействие республиканской власти по вопросу территориальной реабилитации калмыцкого народа. Так, протест, имеющий экономические причины, приобретает ярко этническую форму, а этнокультурное движение ойрат-калмыцкого народа имеет все основания для обретения статуса оппозиционной политической партии.

6. Краснодарский край и Ростовская область в условиях политического кризиса Украины стали рассматриваться как регионы повышенной рискогенности, что объясняется стремлением зарубежных акторов стимулировать сепаратистские настроения и дестабилизировать ситуацию в приграничных территориях. В этих условиях активизировалась деятельность реестровых казачьих организа-

ций, направленная на укрепление взаимосвязи казачьих обществ, действующих в субъектах ЮФО, и усиление политико-административного статуса казачества. Для этого рассматриваются возможности включения атаманов районных казачьих обществ в структуру муниципального управления в качестве заместителей главы муниципальных образований, наделение членов казачьих обществ преференциями в получении земли, получения права реестровым казакам служить в рядах Национальной гвардии России в конкретных подразделениях коллективно, по казачьим обществам. Эти требования находят поддержку у Краснодарской краевой власти, которая поощряет культивирование казачьей идентичности региона. Цель этого направления деятельности – возрождение казачьего уклада жизни: «Казачество сегодня не нужно возрождать, его надо просто сохранить. Давайте этот уклад просто впустим в свою жизнь, не надо его бояться» [10]. Вместе с тем, такая политика сопровождается созданием специальных государственных административных структур, координирующих процесс возрождения казачества на Кубани и на Дону – ГКУ «Казачьи Кубани» и ГКУ «Казачьи Дона»; а также выделением на эти цели значительных финансовых средств. В частности, в 2016 г., не смотря на дефицит краевого бюджета, были выделены дополнительные средства ГКУ «Казачьи Кубани», которые составляют теперь более 570 млн. руб.). Общий объем муниципального финансирования казачьих обществ в Ростовской области увеличился более чем в два раза и в 2016 г. запланировано выделение 12 млн.883 тыс. руб.[11].

7. Во всех субъектах ЮФО наблюдается системная работа исполнительных органов власти, направленная на реализацию Стратегии государственной национальной политики, и принятых в ее рамках во всех субъектах региональных программ «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». В этом направлении наблюдается синхронизация подготовки и проведения мероприятий, направленных на укрепление общероссийской гражданской идентичности – празднование государ-

ственных праздников; а также уделяется большое внимание поддержке и развитию этнических культур; созданию условий для межкультурной интеграции и межрелигиозных взаимодействий.

8. Вместе с тем, в сельских районах Ростовской области, Республики Калмыкия, Астраханской области сохраняется экономическая основа межэтнической напряженности. В этом качестве выступает проблема слабо регулируемых личных подсобных животноводческих хозяйств, вынесенных за пределы сложившихся сельских поселений («животноводческие точки», «кутаны»). Не контролируемое поголовье домашнего скота, его необеспеченность соответствующими площадями пастбищ постоянно воспроизводит конфликтные ситуации. В условиях сохранения этнического разделения труда в этих районах, когда животноводческие личные подсобные хозяйства такого типа принадлежат выходцам из республик Северного Кавказа, и экономические конфликты по проблемам использования земли консервируют межэтническую напряженность и укрепляют межгрупповые границы.

9. Во всех субъектах ЮФО наблюдается постепенное увеличение популярности идей ближневосточных террористических организаций, запрещенных в России («Джебхат ан-Нусра», «ИГИЛ»), что проявляется в росте сайтов сети Интернет, публикующих материалы экстремистского содержания, а также в росте числа задержанных, пытающихся добраться до Сирии с намерением вступления в террористические организации. Лидирующие позиции в этом отношении занимает в Южном федеральном округе Астраханская область.

Динамика межэтнических отношений и религиозной ситуации требуют постоянного экспертного мониторинга, который может обеспечить информационную базу для повышения эффективности менеджмента в этой сфере. Мониторинговый анализ позволяет оценить ситуацию в каждом из субъектов, с позиции динамики ситуации в целом по округу и в масштабе всего округа. Такой подход создает возможность для разработки согласованных и синхронных административных решений, направленных на усиление консолидации общества и укрепление общероссийской гражданской идентичности.

Литература

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос//Независимая газета. 23.01.2012. - http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html
2. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики РФ: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации/ Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.ИЭА РАН, 2014. 46 с.
3. Тишков В.А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2006. 24 с.
4. Ростовская область опустилась в рейтинге регионов России по качеству жизни // DonNews. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donnews.ru/Rostovskaya-oblast-opustilas-v-reytinge-regionov-Rossii-po-kachestvu-zhizni_23692
5. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе – марте 2016 г. Информацонно-аналитический материал. Ростов-на-Дону, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/resources/241935004ccb78aaa332f74fc772e0bb/Binder1.pdf
6. Рейтинг Фонда «Петербургская политика» за июнь 2016 года // Петербургская политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://fpp.spb.ru/fpp-rating-2016-06>
7. Рейтинг эффективности губернаторов. Тринадцатый выпуск. // Фонд развития гражданского общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/99>
8. Южные губернаторы получили приз от федерального центра – Федерал-Пресс. [Электронный ресурс]. URL: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/reviews/1458667236-yuzhnye-gubernatory-poluchili-priz-ot-federalnogo-tsentra
9. Постпредство Калмыкии в Москве заработает на Калмыкию? [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/news/12429/>
10. Кондратьев призвал жителей Кубани вернуться к казачьему укладу жизни // Портал Южного региона. 22.04.2016. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.yuga.ru/news/395793/>
11. Перезагрузка // Донские войсковые ведомости. 2016. № 7 (229). [Электронный ресурс]. URL: [http://www.don-kazak.ru/upload/iblock/d34/Газета%207%20\(229\).pdf](http://www.don-kazak.ru/upload/iblock/d34/Газета%207%20(229).pdf)

Роль СМИ в формировании национальной идентичности и трансляции национальной культуры в России

С.Н. Епифанцев

Российская академия естественных наук, г. Москва

С.И. Самыгин

*Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону*

Важнейшим институтом, оказывающим непосредственное воздействие на формирование национальной идентичности и трансляцию национальной культуры, являются СМИ или медиа. В современных обществах медиа играют огромную роль. Практически именно медиа формируют картину мира современного человека, задают темы для размышлений и общественных дискуссий, определяют интересы массовой аудитории. Медиа являются важнейшим каналом-посредником между всеми социальными институтами и обществом, превратившимся в нынешнюю эпоху в огромную аудиторию.

В современном мире информация стала играть принципиально иную роль – она превратилась в идола современного человечества, с помощью которого происходит оправдание его действий и поступков. Информация, по сути, превратилась в коммуникацию, которая умножается и ускоряется. Более того, информационные ресурсы активно используются для осуществления манипулятивных действий в различных сферах, формирования определенного общественного мнения путем навязывания «повестки дня» и интерпретации событий в заданном направлении, подающихся в «нужном» свете. В данном контексте информационное пространство выступает как сфера производства и воспроизводства информационных рисков.

Примером может считаться сеть Интернет, в котором не создается никакого знания, но создается возможность для различных коммуникаций, имитаций, создания символов, симулякров, т.е. все-

го того, что становится основой информационно-коммуникативного поля и создаваемой в его пространстве массовой информации, под влиянием которой формируется массовая культура и, как следствие, массовое общество или общество масс – совершенно лишенное индивидуальности, чувства вкуса, критического мышления и мотивации для креативной деятельности.

Конечно же, данный вывод носит обобщенный характер и не означает, что развитие информационных и коммуникативных технологий несет в себе только негативный заряд. Безусловно, с развитием информационных технологий человечество не просто шагнуло вперед, а буквально перепрыгнуло через пропасть, которая теперь разделяет доинформационное общество и постинформационное, если можно так выразиться, имея ввиду то общество, которое уже немислимо без информационно-коммуникативных технологий. Однако следует понимать, что любые инновации, в том числе революционного характера, к которым относится появление и развитие информационных и сетевых технологий, можно использовать, как с пользой для развития человечества, так и во вред ему. Мы полагаем, что высочайший позитивный потенциал информационно-компьютерных технологий в настоящее время используется весьма незначительно, несмотря на то, что очень многие проблемы можно и должно решать с помощью привлечения информационных ресурсов самого различного типа.

Социальные теоретики говорят о феномене «медиатизации» практически всех базовых институтов, начиная от политики и заканчивая религией. Медиатизация институтов означает, что их образ, их форма деятельности во многом определяется необходимостью учитывать посредническую роль СМИ. Политики учитывают, как они выглядят на экране и следят за рейтингами, войны превращаются в зрелища, религиозные организации осваивают принципы рекламы в медиа и т.д. Медиа создают и уничтожают авторитеты, формируют повестку дня и активно манипулируют массовым сознанием. Особенно активно данный процесс проявляется в моло-

дежной среде как наиболее погруженной в информационные сети и информационное пространство, прежде всего за счет использования сети Интернет [2]. В СМИ конструируется образ общества, которое, в свою очередь, воспринимает себя таким, каким видит себя в медийном пространстве. Таким образом, поддерживать национальную идентичность в современных условиях становится нереально без использования потенциала СМИ.

С самого начала своего существования СМИ играли в процессе формирования национального самосознания важную роль, недаром термин «Четвертая власть» появился в годы Великой Французской революции. Тогда СМИ были представлены только газетами, но их влияние на умы читающей публики было огромным. С появлением же радио, а потом телевидения возможности медиа выросли практически безгранично. Неслучайно все государства стремились контролировать свои СМИ. Наиболее сильным этот контроль был в тоталитарных государствах, где СМИ были полностью подчинены власти. Но и демократические государства стремились воздействовать на СМИ разными способами, осознавая их огромный пропагандистский, идеологический и культурный потенциал.

Однако совершенствование коммуникационных технологий и средств связи вместе с глобализацией изменило ситуацию коренным образом. Совершенствование коммуникационных технологий, включая спутниковую связь и интернет, сделало содержание медиа гораздо разнообразнее. Ушло в прошлое идеологическое доминирование государственных СМИ – исключение составляют лишь страны с диктаторскими режимами, однако и там ситуация не всегда однозначна. Люди получили доступ к огромному разнообразию информации, и это подорвало монополию национальных культур на определение картины мира современного человека. Современные медиа формируют безграничное информационное пространство, в котором человек может блуждать бесконечно, оставив узкий мир национальной культуры далеко позади. Формируется специфическая «двумерность» современного человека, когда физически нахо-

дьясь на территории определенного государства, интеллектуально он может быть где угодно. Кругозор человека расширяется, что является несомненным плюсом, однако такая ситуация проблематизирует национальную идентичность. Медиа становятся каналом мощного культурного влияния, и особенно опасными с точки зрения сохранения национальной идентичности становятся западные медиа [1].

В современную эпоху глобализации возникают транснациональные медиакомпании, которые, будучи западными по происхождению и контенту, вещают на глобальную аудиторию, далеко выходящую за пределы западной цивилизации. Обращаясь к аудитории на национальных языках, чтобы приблизиться к иностранной части этой аудитории, такие медиа выступают транслятором западных культурных ценностей и стандартов, ориентируя инокультурные аудитории на западный образ жизни, западные стандарты потребления, западные стратегии успеха. В этом процессе есть несомненные позитивные стороны, но есть и негативные. Размывание четкой национальной идентичности и собственной культуры – одно из них. Незападные общества в процессе такого массивного влияния со стороны западных медиа постепенно начинают смотреть на себя западными глазами, оценивать свой национальный и социальный мир по западной шкале ценностей.

Нередко возникает дисбаланс между реальными условиями жизни людей и миром, который открывают им СМИ. С одной стороны, такой дисбаланс может быть мотивирующим, но, с другой, весьма травматичным, так как не все люди имеют ресурсы для реального изменения условий своего существования в соответствии с новыми заманчивыми идеалами. Нередко культурной реакцией на западное культурное влияние и подрыв собственных оснований жизни становятся различные формы культурного и религиозного фундаментализма, воинствующее отторжение любого внешнего влияния, даже благотворного. Все эти процессы, происходящие в сфере национальных культур, попытки отстаивать свою идентич-

ность, явно относится к проблематике информационной безопасности и её защиты. Важно отметить, что насильственное перекрытие каналов чуждой информации не может привести к позитивному результату в современном мире, где именно вовлеченность в глобальные коммуникации – как символические, так и экономические – является залогом успешного развития.

Таким образом, перед незападными обществами стоит проблема сохранения своей национальной идентичности и интеграции необходимых внешних образцов для того, чтобы самим стать активными участниками глобализации, а не только лишь пассивными объектами воздействия этого процесса. Для этого необходимо наращивать и активно использовать собственный интеллектуальный, экономический, технический и культурный потенциал, переходить на инновационные стратегии социального развития.

Литература

1. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Белов М.Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.

2. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Кузнецова А.В.* Информационная безопасность молодежи в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11/1. С. 140–144.

Потенциал гражданской идентичности в регулировании этносоциальных процессов¹

З.А. Жаде, С.И. Имгрунт

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

В ситуации становления российской политической нации особенно важным представляется исследование факторов, оказывающих существенное влияние на этносоциальные процессы. В центре этих процессов, как отмечают специалисты, находится формирование гражданской идентичности, способной обеспечивать и поддерживать сообщество граждан и горизонтальные связи между людьми на основе согражданственности и обеспечения доступа к социальным благам.

Вполне логичным представляется то обстоятельство, что этносоциальная структура России предопределяют конструкцию и пути формирования российской гражданской идентичности. Гарантией существования демократического государства и гражданского общества является становление полиэтничной и многонациональной по составу, но единой по гражданскому сознанию нации россиян. Мы неоднократно подчеркивали, что полиэтничный характер большинства регионов России и другие факторы предопределяют необходимость рассмотрения некоторых социальных процессов как этносоциальных.

Аргументируя данное положение, в первую очередь отметим, что тесная связь различных социальных и этнических модификаций отражена в понятии «этносоциальный процесс», предполагающем взаимосвязь и непрерывность социальных и этнических изменений. В предложенном нами ранее опыте анализа мы исходили из представления о том, что этносоциологическая интерпретация этносоциальных процессов акцентирует внимание на рассмотрении социаль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

ных процессов в этнической разнообразии и этнических процессов с учетом социального (изучение этнических процессов в различных социальных группах); выявление воздействия различных этнических сред и общностей на ход как частных социальных процессов (социальной мобильности, миграции, урбанизированности), так и общесоциальных (стабильность и динамику социальных систем и институтов, уровень конфликтности в обществе); воздействие этнического фактора на массовое сознание (этническое самосознание как форма этносоциальных проявлений, динамика этнического самосознания в контексте социальных изменений) [1, С. 138].

Важным для понимания возможностей и оценки ресурсов регулирования этносоциальных процессов является адекватное осмысление потенциала гражданской идентичности. Стратегия формирования гражданского самосознания на основе гражданской идентичности включает культурную, историческую, символическую, языковую политику, которые следует рассматривать как ключевые составляющие политики консолидации гражданской нации, обеспечения солидарной поддержки общественно значимых целей развития России. Становится все очевиднее то воздействие, которое оказывает гражданская идентичность на прочность российского государства, уровень и качество его консолидации. Исходя из этих рассуждений, мы считаем, что гражданская идентичность – это способ интерпретации социальной реальности, обладающий высоким мобилизационным потенциалом.

В современных источниках гражданская идентичность трактуется как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе. Гражданская идентичность является конституирующим основанием современной политической нации и национального государства. Она связывает индивида и государство путем закрепления правового статуса гражданина – члена национально-государственной общности и вытекающих из такого статуса свобод, прав и обязанностей. Гражданская идентичность маркирует членство в макрополитиче-

ском сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с политической (гражданской) нацией на основании соотнесения с ее политической культурой и институтами [2, С. 77].

Далее подчеркнем, что регулирование этносоциальных процессов представляет собой чрезвычайно сложный, многосоставный и многоуровневый процесс, который требует гибкости в осуществлении государственной национальной политики и выработки новых технологий. Исследуя обозначенную проблему, мы исходим из того, что реализация государственной политики в сфере межэтнических отношений – система нормативно-правовых и организационных мер, учитывающих конституционные права граждан на свободу этнической самоидентификации в процессе регулирования социальных отношений, направленная на сплочение сообщества на основе гражданственности, культурных и нравственных ценностей российского общества.

Нами разделяются концептуальные суждения, согласно которым при проведении политики в сфере этносоциальных процессов и межнациональных отношений необходимо учитывать следующие динамические характеристики современной российской идентичности и ее системообразующие составляющие: смена поколений и связанное с этим размывание или снижение значимости прежней советской идентичности, усиление индивидуалистических и потребительских ориентаций; вместе с тем эта тенденция накладывается на рост ностальгии по стабильности, безопасности, перспективному видению будущего страны; укрепление защитной функции и стабилизирующего потенциала российской национальной и цивилизационной идентичности в связи с ростом внутренних и внешнеполитических угроз безопасности личности, семьи, общества и государства; формирование новых вызовов интегрирующей способности российской идентичности в связи с падением уровня жизни и ростом экономического и социального неравенства; углубление размежеваний в российском обществе, в том числе между территориями, нарастание социокультурной дивергенции ряда территорий с высокой и

средней степенью межэтнической напряженности; резкое усиление значения информационной и образовательной политики, а также политики исторической памяти в укреплении и развитии российской идентичности; усиление значимости конфессиональной и этнической составляющих идентичности; формирование российской государственно-гражданской идентичности.

Следует обозначить, что среди ученых сохраняются некоторые расхождения в понимании ряда методологических проблем, наблюдается отход от традиционной методологии и анализ идентичности в рамках методологий современной, постнеклассической науки. В контексте рассматриваемой проблемы, с нашей точки зрения, необходимо вести речь о том, что синергетическая парадигма позволила ряду ученых глубже раскрыть и понять сложившуюся социальную и межэтническую реальность: выявить географическую, политическую, идеологическую, ментальную детерминанты российской гражданской и этнокультурной идентичности и степень их воздействия на этносоциальные процессы. Представляется, что междисциплинарный подход, а именно подобранные социологические, социально-психологические и психофизиологические индикаторы оценки межэтнической напряженности и этнической идентичности позволяют определить способы регулирующего воздействия [3, С. 196]. Эти положения вполне могут быть применены к анализируемой проблеме.

Таким образом, регулирование этносоциальных процессов требует гибкости в осуществлении государственной национальной политики, выработки новых технологий в формировании представлений о совместном проживании народов. Постоянное изучение этносоциальных и этнополитических процессов, прогнозирование событий в межнациональных отношениях дает возможность принимать своевременные и обоснованные решения. Все сказанное выше дает основания полагать, что обращение к теме идентичности, которую мы связываем с исследованием этносоциальных процессов,

обобщенного в понятии этнос, актуально и требует дальнейшего осмысления.

Литература

1. *Хунагов Р.Д., Жаде З.А.*, Этносоциальные процессы как объект научного поиска // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 9, С. 136–142.

2. *Семенов И.С.*, Гражданская идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, С. 77–79.

3. *Хунагов Р.Д., Имгрунт И.И.*, Направление этносоциальных процессов на Юге России в условиях современных рисков // Вестник Адыгейского государственного университета, 2015, Вып. 3, С. 194–200.

Национальная идентичность: методологический конструкт междисциплинарного научного исследования¹

А.В. Лубский

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Глобализация, бросающая серьезный вызов национальным различиям, и локализация, в рамках которой этнические и иные социальные сообщества получают возможность реконструировать свою идентичность, сопровождаются в полиэтнических государствах кризисом национальной идентичности [17]. В результате национальные государства вступили в полную шума и ярости «эпоху идентичности», в которой поиск национальной идентичности, как отмечают исследователи, разделяет и обособляет [2, С. 191].

Трудности, связанные с разработкой методологического конструкта междисциплинарного исследования национальной идентичности, обусловлены прежде всего различными представлениями об идентичности, которые сложились в рамках ее «жестких» и «мягких» концепций [4, С. 96–103]. Основу «жестких» концепций составляет эссенциалистская идея о том, что идентичность задается «естественным образом». Идентичность – это то, чем уже обладают индивиды или социальные группы, которым приписывается неизменный набор качеств и свойств. Более того, идентичность – это то, чем можно обладать неосознанно, а значит то, в отношении чего можно заблуждаться, или что можно даже «открыть» [11, С. 12]. Такая идентичность единственна и устойчива, она требует фундаментального тождества и «сильного чувства» как основы идентификации.

Основой «мягких» концепций идентичности выступает конструктивистская идея о том, что идентичность представляет собой дискурсивный конструкт как результат символической борьбы или

¹ Статья выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

конкуренции разных нарративов (когнитивных моделей), между которыми люди могут делать выбор [20, С. 5]. В результате одни нарративы идентичности могут оказаться преобладающими, тогда как другие будут вытеснены на второй план, однако «победу» никогда нельзя считать окончательной. Благодаря конструктивистам, в научном дискурсе утвердилось представление о том, что идентичности в обществе всегда множественны и относительны.

В начале XXI в. обнаружилось, что «жесткие» и «мягкие» концепции идентичности, разрабатываемые в рамках эссенциалистского и конструктивистского подходов, в силу их методологической односторонности являются эвристически недостаточными, а само понятие идентичности сегодня нуждается в переосмыслении. При этом стало ясным, что не стоит противопоставлять конструктивизм, доминирующий в современном научном дискурсе, и эссенциализм, поскольку в повседневных жизненных практиках к «естественным» идентичностям продолжают постоянно обращаться во всех культурах. Необходимость расширения репертуара возможных стратегий научного изучения идентичностей с помощью разнообразных методологических инструментов, привела к тому, что «идентичность» как проблема когнитивного интереса постепенно начинает менять дисциплинарную прописку и перемещаться в предметное поле междисциплинарных научных исследований.

Междисциплинарные исследования – это постановка и решение научных задач, лежащих на пересечении предметных полей различных научных дисциплин [5, С. 3–11]. Когнитивная стратегия междисциплинарных научных исследований, предполагая переход от одномерных интерпретаций социальной реальности к многомерным, нацелена на получение нового знания, дающего целостное представление о социальной реальности. Такая стратегия требует разработки многомерного методологического конструкта исследования, который включает предпосылочные теоретические знания, являющиеся рационально-проектной основой научно-исследовательской деятельности и выполняющие функцию когнитивных

«фильтров», опосредствующих взаимодействие субъекта и предмета научного познания. В структуре этих «фильтров» можно выделить, с одной стороны, теоретические знания о предмете исследования, с другой – теоретические знания о способах научно-исследовательской деятельности. Предпосылочные теоретические знания о предмете исследования базируются на определенной системе научных понятий, операционализация и инструментализация которых позволяет сформулировать основные классы научно-исследовательских задач, задающих предмет научного исследования. Предпосылочные теоретические знания о способах научно-исследовательской деятельности включают представления о ее парадигмальных основаниях и методах.

В русле междисциплинарного подхода одна из возможных стратегий холистского изучения идентичности задается неоклассической моделью научных исследований. Эта модель базируется на особом типе научной рациональности, специфика которой заключается в том, что научное мышление в ней выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное и когнитивно-синтетическое действие [7, С 112–120]. Представители неоклассической модели научных исследований считают, что конструктивистское начало присутствует во всяком процессе познания, а познающий субъект не столько отражает, сколько конструирует социальную реальность. Однако при этом они занимают позицию конструктивного реализма, или феноменологического конструктивизма, преодолевая оппозицию когнитивного объективизма и радикального конструктивизма. Сторонники конструктивного реализма рассматривают научное исследование как такую когнитивную деятельность, которая предполагает взаимодействие ученых, с одной стороны, с социальной действительностью, а с другой – друг с другом. В рамках этих взаимодействий конструируются такие картины социальной реальности, которые в определенной мере соответствуют самой социальной действительности, но неизбежно несут на себе «почерк» познающего.

Неоклассическая модель научных исследований предполагает переход от одномерных интерпретаций идентичности к многомерным на основе синтеза «положительных» когнитивных установок эссенциализма и конструктивизма. При этом речь идет не о простом «сложении» эссенциалистского и конструктивистского подходов, а о разработке качественно новых методологий, способных удерживать в фокусе когнитивного интереса не только устойчивые, заданные «естественным образом», и изменчивые как дискурсивные конструкты параметры идентичности, но и способы их взаимодействия. В частности, в рамках конструктивного реализма некоторые ученые рассматривают идентичность как «процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства», выделяя такие формы и источники ее формирования, как: 1) легитимирующая идентичность, вводимая господствующими институтами общества для расширения и рационализации своего господства над социальными акторами; 2) идентичность сопротивления, формируемая акторами, находящимися в ситуации их недооценки и/или стигматизации логикой господства; 3) проектная идентичность, создаваемая социальными акторами, которые на основе доступного им культурного материала строят новую идентичность, переопределяющую их положение в обществе и направленную на преобразование всей социальной структуры [16, С. 6–8].

Таким образом, с позиций конструктивного реализма идентичность рассматривается как результат и информационного воздействия, и культурной актуализации. При этом идентичность одновременно трактуется как «естественная» (культурная), единственная и устойчивая и как «искусственная» (конструируемая), множественная и изменчивая. При этом «естественная» идентичность, носящая неосознанный характер, формируется в процессе культурной социализации, «искусственная» идентичность, носящая осознанный характер, конструируется в результате информационного воздействия и выбора социально значимых референтов.

В рамках многомерного методологического конструкта междисциплинарного научного исследования идентичности важное место отводится изучению в ней универсального и партикулярного. Некоторые исследователи полагают, что в современном обществе, «которое все больше формируется информацией и определяется культурными измерениями» [21, С. 161], нет такого партикуляризма, который не использовал бы более общие принципы при конструировании своей идентичности. При этом универсальное трактуется как часть идентичности, как ее открытый горизонт, символ отсутствия полноты, а партикулярное существует только в противоречивом движении одновременного провозглашения отличительной идентичности и ее устранения [19, С. 101].

Неоклассическая модель научного исследования идентичности базируется также на принципе контекстуальности, который означает, что всякое социальное явление необходимо изучать в рамках той культурно-исторической среды, которая породила это явление [6, С. 56]. Поэтому прежний поиск универсальных категорий и универсальных моделей, пригодных при изучении любой страны независимо от ее социально-культурного своеобразия, сегодня, как считают некоторые специалисты, признан неадекватным и по сути дела отвергается многими ведущими учеными мира. Поэтому принцип контекстуальности при изучении идентичности направлен на разработку специальных научных теорий как результата синтетической научно-исследовательской деятельности, связанной с обработкой эмпирического материала, полученного при изучении социальной реальности, обладающей своей национальной и культурной спецификой [8, С. 43].

В методологическом плане следует различать индивидуальную и коллективную идентичности. В индивидуальной идентичности можно выделить личностный и социальный уровни. Личностный уровень, связанный с самоотождествлением, – это набор персональных характеристик, делающих индивида уникальным. Социальный уровень связан с соотношением индивида с его социальными ролями

и определенными социальными группами. Коллективная идентичность – это отождествление членов социального сообщества с образом «мы» как воображаемой социальной реальностью. В связи с этим некоторые исследователи считают, что «коллективная идентичность является интерактивным общим определением, формируемым несколькими индивидами (или группами на более сложном уровне) и связанным с ориентациями действия и тем полем возможностей и ограничений, в котором эти действия имеют место» [21, С. 70]. Эти ориентации и поле формируются информацией и определяются культурными измерениями. В таком понимании коллективной идентичности, с одной стороны, проявляется стремление показать, что она не является нечто существующим помимо составляющих определенный коллектив индивидов, и тем самым избежать эссенциализации коллективной идентичности, а с другой – преодолевается и сугубо конструктивистская ее трактовка, поскольку идентичности придается культурное измерение. При этом в понимании коллективной идентичности акценты смещаются с метафизической идеи коллективного актора к процессам становления коллективностей. Разделять ту или иную коллективную идентичность – значит не только участвовать в ее формировании, но и в определенных ситуациях, как подчеркивают исследователи, «повиноваться» ее нормативным предписаниям.

Кроме того, коллективные идентичности строятся на различении образов «мы» и «они», поэтому в структуре этих идентичностей можно выделить три взаимосвязанных компонента: 1) определение «мы»; 2) определение «они» («другие»); 3) определение границ между «мы» и «они» [1, С. 75–86]. Хотя образы «мы» и «они» не могут существовать один без другого, в одних случаях на первый план выходит определение «мы», в других образ «мы» оказывается вторичным и конструируется на основе сложившихся представлений о «других» [14, С. 103–112].

С позиций конструктивного реализма коллективные идентичности могут формироваться на разных основаниях. На культурных

основаниях формируются коллективные идентичности, благодаря которым группа людей не столько осознает, сколько духовно ощущает свою принадлежность к воображаемому «мы». Это различного рода этнические и религиозные идентичности, объединенные идеей общности «почвы и крови», культурной и исторической судьбы. К коллективным идентичностям можно отнести и цивилизационные идентичности, отметив, что цивилизация – это, как отмечают исследователи, самая широкая сфера, с которой люди идентифицируют себя [13, С. 117; 10, С. 90–103].

В качестве коллективных можно рассматривать также национальные идентичности, выступающие в виде коллективных образов или представлений, носящих дискурсивно-отчужденный характер, основу которых составляет «социальное воображаемое». Исследователи, использующие концепт «social imaginary» («социальное воображаемое») для характеристики коллективных представлений, подчеркивают, что под ним подразумевается «нечто более широкое и глубокое, нежели просто интеллектуальные схемы, которые люди могут привлекать себе в помощь, рассуждая о социальной реальности отстраненно и отвлеченно. Здесь подразумеваются, скорее, те способы, благодаря которым они представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями... социальное воображаемое – общепринятое понимание, делающее возможными совместные практики, а также формирующее и сплачивающее чувство легитимности» [12, С. 19–26].

Таким образом, национальные идентичности – это воображаемые коллективные идентичности. При этом контекстом коллективных воображений выступает культура, а источником – коллективная память и различные дискурсивные сферы. В связи с этим исследователи различают коллективные воспоминания, связанные с общим культурным опытом в рамках пространства и времени (т.е. акты коллективной артикуляции таких воспоминаний), и то, что назы-

вается мифопанорамами, т.е. дискурсивными сферами, в которых постоянно формируются, распространяются, обсуждаются и реконструируются мифы, лежащие в основе тех или иных коллективных идентичностей [15, С. 63–81].

Таким образом, воображение, задавая определенный темпорально-спатильный континуум, формирует воображаемую социальную реальность как нормативный образ внешнего социального мира, в поле которого котором формируются воображаемые коллективные идентичности. Эти идентичности формируются или сознательно, когда происходит конструирование воображаемых коллективных идентичностей, типа «мы – россияне», или бессознательно, когда воображаемые коллективные идентичности становятся проекцией культурных архетипов, например, «мы – русские» [9, С. 19–29].

В научной литературе утвердилось представление о том, что национальная идентичность в обществе формируется при реализации различных проектов «nation-building» (нациестроительства), направленных на формирование нации [18; 22]. В целом можно выделить несколько идеальных типов «nation-building» – возникновения наций и формирования национальных идентичностей в зависимости от особенностей социокультурного и исторического контекстов. Во-первых, это складывание моноэтнической нации на основе общности этнического происхождения, религии, языка, экономических интересов и единства политической системы (нация-государство). На основе этой нации формируется национально-этническая идентичность. Во-вторых, это формирование полиэтнической нации на основе общности государственных (национальных) интересов и ценностей (политическая нация). На основе этой нации формируется национально-государственная идентичность. В-третьих, это формирование полиэтнической нации на основе гражданского общества (гражданская нация). На основе этой нации формируется национально-гражданская идентичность. В-четвертых, это формирование трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и идеологических ценностей (идеологиче-

ская нация). На основе этой нации формируется национально-идеологическая идентичность. В-пятых, это формирование трансэтнической нации на основе общности государственных интересов и цивилизационных кодов (нации-цивилизации). На основе этой нации формируется национально-цивилизационная идентичность.

Процессы нациестроительства и формирования национальной идентичности обусловлены не только конструктивистскими усилиями субъектов, обладающими символическим капиталом власти, но и культурно-историческими традициями. В связи с этим можно выделить различные практики нациестроительства, в рамках которых по-разному трактуется само понятие нации. Так, под влиянием практики нациестроительства в западноевропейских странах сложилось представление о нации как социальной общности с едиными национальными интересами и гражданскими ценностями, объединенная общей политической системой. При этом в понимании нации выделяется французская традиция, в которой нация рассматривается как политическое и гражданское сообщество, и немецкая традиция, связанная с пониманием ее как этнонации, т.е. сообщества культурного происхождения. Другое понимание нации связано с практикой «nation-building» в США как иммигрантском государстве, в котором отождествляются понятия американского народа и американской нации как политического сообщества, основанного на верности американскому государству и приверженности американским ценностям, составляющим ядро правовой культуры американского общества [3, С. 298–312].

В современных научно-исследовательских практиках, связанных с изучением национальных идентичностей, часто забывают о принципе контекстуальности. Во многом это является следствием распространения в этих практиках интеллектуально-когнитивных мод, связанных с тем, что многие отечественные исследователи опираются на западноевропейскую интеллектуальную традицию, теоретические конструкты и понятийный аппарат которой стали широко использоваться применительно, например, к российской социальной специфике. Многие из этих конструктов превратились в интеллектуально-когнитивные моды

как теоретические образцы познавательной деятельности, выполняющие в научно-исследовательских практиках нормативно-принудительную функцию. Поэтому при формировании различных представлений о том, что такое национальная идентичность, участники научного дискурса зачастую пользуются языком западной интеллектуальной традиции, являющегося интеллектуальным продуктом особого культурно-исторического развития, и который был разработан для изучения иной социальной реальности. При этом речь идет, разумеется, не о том, что при изучении национальной идентичности, например, в России нельзя использовать теоретические конструкты, разработанные в рамках западной интеллектуальной традиции, а о том, что их познавательный потенциал надо соизмерять с российской социокультурной спецификой.

Кроме того, при изучении национальной идентичностей очень часто имеет место ангажированность исследователей, которая связана с их воображением как идеологической проекцией того, какими они хотят видеть национальную идентичность в обществе. В результате научно-исследовательские практики зачастую становятся пространством противостояния идеологических оценочных суждений и производства идеологически-ангажированных моделей национальной идентичности. В результате предлагаемые проекты конструирования национальной идентичности не всегда соответствуют ментальным программам индивидов, составляющих такое воображаемое сообщество, как нация.

Литература

1. Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. 2007. № 1.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
3. Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. М.: Московская школа политических исследований, 2013.
4. Лубский А.В. Идентичность: методологические проблемы дискурсивных практик // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11.

5. *Лубский А.В.* Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10.
6. *Лубский А.В.* Методология региональных социально-гуманитарных исследований. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.
7. *Лубский А.В.* Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.
8. *Лубский А.В.* Социальные науки в России: интеллектуальная ситуация в конце XX – начале XXI века // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3.
9. *Лубский А.В.* Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность // Научная мысль Кавказа, 2011. № 4.
10. *Лубский А.В., Лубский Р.А.* Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.
11. *Малинова О.Ю.* Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005. № 3.
12. *Тейлор Ч.* Что такое социальное воображаемое? // Неприкосновенный запас. 2010. № 1.
13. *Хантингтон С.П.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. Том 2. № 2. М., 1997.
14. *Шутилов А.В.* «Свой», «чужие» и другие. От античности до современности // Социологические исследования. 2006. № 5.
15. *Bell D.S.A.* Mythscapes: memory, muthology and national identity Brit. J. of sociology. L., 2003. Vol. 54. N 1.
16. *Castells M.* The power of identity. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997.
17. *Huntington S.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y.: Simon & Schuster, 2004.
18. *James P.* Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. L.: Sage Publications. See also James, 1996.
19. *Laclau E.* Universalism, particularism and the question of identity // The identity in question / Edited and with an introduction by J. Rajchman. N.Y.: Routledge, 1995.
20. *Martin D.-C.* The choices of identity // Social identities. Basingstoke. 1995. Vol. 1. N 1.
21. *Melucci A.* Challenging codes: Collective action in the information age. Cambridge: Cambridge univ. press, 1996. P. 161.
22. Nation Building in Comparative Contexts / Ed. by Deutsch K.W., Folt W.J. N.Y.: Atherton, 1966.

Ребрендинг «многонациональности»

А. М. Микаелян

Руководитель экспертной группы Комиссии по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания детей и молодежи Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям

Представьте себе ситуацию, вы на международном встрече в качестве делегата из какой-то страны. Происходит знакомство делегатов и каждый должен в двух словах сказать – кто он. Один говорит – меня зовут Джон, я ковбой, у меня 5 тысяч голов крупного рогатого скота, и я поставляю мясо в 4 страны, другой говорит – я Си Хуань, у меня 30 гектаров рисовых полей, я выращиваю 300 тонн риса в год и поставляю его в 5 стран, третий – я Расмус, у меня рыбацкая шхуна, я вылавливаю в год 40 тонн сельди и поставляю рыбу в 3 страны, и так далее. А тут выходит крупного телосложения блондин и говорит – я Иван, у меня светлые волосы, мне в наследство досталось куча всего, и я это продаю и дарю всем, кому хочет. У остальных делегатов складывается двойственное чувство, во-первых, неплохо бы иметь такого большого и сильного парня в приятелях, он напугает кого удобно, и по делу всегда сил хватит помочь, а самое главное – он щедрый, даже в чем-то наивный, за улыбку и похлопыванию по плечу он дает ключи от богатого дедовского ангара, бери что хочешь, сколько хочешь. Но в общении с ним возникает и второе чувство, неприятное, страшное. Не поймешь кто он и что ожидать от него, ни профессии, ни навыков не знаем, ведь представился блондином. Чем занимается и что планирует не понятно. Настроение постоянно меняется, может накричать, или сбить с ног играясь даже не заметив, случайно, неуклюже повернувшись.

Сегодня Россия на международной арене представляет себя как самая богатая природными ресурсами страна с многонациональная народом. Ключевым является то, что это не нас так представляют, а именно мы себя так позиционируем. Проще говоря мы

всему миру характеризуем себя по параметрам, которые для нашей страны являются объективной данностью, наследием от предков, но никак не являются показателями наших собственных возможностей, способностей и намерений.

К примеру США, позиционируются на внешней арене как основной гарант демократических ценностей, Китай – как самая динамично развивающаяся экономика, Германия – как технологически развитая, ведущая страна Европы, Швеция как пример социально ориентированного государства и так далее. Мы можем сегодня определить характер и посыл почти каждого государства на внешней арене, мы знаем к чему они стремятся и что экспортируют во вне.

Какой посыл экспортируем мы и чего от нас ожидать мировому сообществу в нашем послыле «многонациональности и богатстве ресурсами»? 26 лет мы уже никакого послыла не экспортируем. Потому и наши претензии, и стремления к построению какой-то справедливости для европейцев не понятны. Они не могут понять нашу позицию в системе координат, чтобы даже просто понять, чем мы не довольны и о какой справедливости мы говорим. Они отлично понимают, что если такая махина чем-то недовольна, то рано или поздно она даст кулаком не только по столу, и тогда многих может тухнуть не на жизнь, а на смерть. Естественно, что многие страны на международной арене с нами строят отношения опираясь в первую очередь на инстинкт самосохранения. И это в полной мере касается на больших так и маленьких стран, как дружественных, так и не очень. Как только даже у самой к нам дружественной стране выпадает возможность включиться в какой-нибудь альянс, который дает хотя бы призрачную иллюзию тухнуть на Россию, она тут же вступает в этот союз. За подтверждением даже далеко ходить не надо. Более десятка стран, которые своим созданием обязаны исключительно России не раз в истории включались в антироссийские походы. Сегодняшняя Украина самый яркий пример этого.

Но не стоит однозначно клеймить их, они действительно боятся России. И этот животный страх имеет все предпосылки. Мы 70

лет экспортировали социалистическую идею «пролетарий всех стран объединяйтесь!» и на этой волной сносили с лица земли целые режимы, правительства, монархии и территории. Генетическая память наших оппонентов не забыла эти тряски, потому как мы их воспринимали как часть собственного неизбежного, а они как страшный удар судьбы. И потому сегодняшний «многонациональный блондин» их очень серьезно пугает. И потому наше стремление к справедливости в разных уголках мира они до сих пор воспринимают как возможную подготовку к экспансии.

Этот образ «многонационального блондина» страшен не только для дальнего окружения России, но и для близкого круга, братских стран. Он не содержит в себе никакой идеологической перспективы и видимости блага, нет понимания к чему приведет близкая интеграция с России, так как не видно самого продукта. Проблема в том, что именно не видно это блага, а не то что оно вовсе отсутствует. В Европу люди стремятся потому что четко представляют образ того набора благ, которое декларирует и показывает на своей витрине Европа. Мы же, предоставляя свой пакет благ, настолько непривлекательно его упаковываем, что рядовой гражданин даже понять не может что дает включения в таможенный или евразийский союз для его страны в целом и для него в частности. Даже существующие преференции к нашим соседям по СНГ порой воспринимаются как должное, но никак не результат взаимоуважения.

Такое активное использование обеих маркеров «многонациональности» и «богатства ресурсами» оказывают вполне медвежьё услугу для России уже четверть века.

«Многонациональность» – очень спорный фактор, которым стоило бы маркировать субъектность нашего государства. Мы далеко не самая многонациональная страна в мире, и бравирование этим как минимум не честно по отношению к собственным гражданам, а в глазах иностранцев и вовсе компрометирует нас. Во-первых, мы декларируем то, чем на самом деле не являемся, во-вторых нам

должно быть стыдно кичиться достижениями, к созданию которого мы ни капли не причастны, это наследство досталось нам исключительно благодаря стараниям наших предков. Напомню, мы сравнительно недавно от этого наследия умудрились отколоть 14 солидных кусков. Внутри же государства, постоянное апеллирование на каждом углу многонациональности способствует только укреплению дифференциации в умах людей. Это только разделяет людей, так как они свою социальную неустроенность привязывают к наличию множества, разлучающихся между собой национальностей, и в этой дифференциации люди начинают видеть основную проблему, она же не дает формировать монолитность общества, как единое целое. Многонациональность безусловно является показателем цивилизационной привлекательности государства и высокого уровня культуры, способной организовать диалог между народностями, но это не должно быть первичным критерием характеризующим общество. Лучшие межнациональные отношения те, о которых даже никто не вспоминает, поскольку общество настолько гармонично развивается, что вместо различий говорит об общности, и стремится к достижениям.

Это подобно молодым людям в футболках «я русский», «я татарин», «я чеченец». Такая маркировка своей этничности говорить только о скудности собственной идентичности, когда человек видит себя не полноценной частью большого общества, а лишь частью своего этноса. Такие внешние метки в виде пятна краски разных цветов наносят на шкуры баранов, чтобы не перепутать их в общей отаре.

Второй маркер, применяемый сегодня по отношению к России это «богатство ресурсами». Это наследие, исключительно данное Богом, передающееся как наследство от поколения, поколению. Но только почему-то только наше поколение так неистово бравирует этим. Мы распродаем ресурсы, стоим экономику на этой продаже, принимаем бюджет исходя из цен на ресурсы, даже стратегические планы строим оглядываясь на запасы ресурсов. При этом кому-то

почти ничего не достается из благ при распродаже этих ресурсов, а кому-то достается прямо-таки прилично, и все же нам не мешает это одинаково кичится богатством ресурсов, не понимая, что это вызывает недоумение и раздражение у все остальных, как к примеру хамская езда богатенького сыночка на папином внедорожнике по тротуару.

Я бы очень хотел в ближайшее время видеть России с действительно достойными маркерами, которые вели бы нашу страну к процветанию, а народ к единству. Чтобы весь мир воспринимал наше стремление к справедливости ни как угрозу или самосуд, а как отзывчивость к чужой боли и не безразличие, как исконную черту открытости русской души и готовности к самопожертвованию во благо правды и справедливости.

Этнокультурные процессы в Республике Калмыкия: анализ 2015 года

Л.В. Намруева

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Одним из основных вопросов национального развития Российской Федерации, требующим внимания государственных и муниципальных органов, традиционно является сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 19 декабря 2012 г. № 1666, многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов названы общим достоянием российской нации, фактором укрепления российской государственности.

В Стратегии государственной национальной политики РФ сформулированы фундаментальные положения в области национальной политики для Российской Федерации, в том числе ее такие основополагающие целевые ориентиры как укрепление общероссийского гражданского самосознания, сохранение этнокультурного многообразия, гармонизация национальных и межнациональных отношений, обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина, адаптация и интеграция мигрантов. Исследователи отмечают, что «противоречивость текста Стратегии проявляется в том, что в ней признается факт многонациональности и наличия межнациональных отношений, однако, народы Российской Федерации не рассматриваются в качестве активно действующих субъектов государственной национальной политики. Их роль, по сути, нивелируется до статуса объектов государственной национальной политики. ... акцент делается на сохранении и развитии этнокультурного много-

образия народов, их консолидации в составе российской нации, причем механизм, с одной стороны, сохранения этнокультурного многообразия, с другой стороны – консолидации народов по сути никак не прописан [8].

Попков Ю.В. пишет, что среди главных целей Стратегии обозначены как укрепление государственного единства, общероссийского гражданского самосознания, так и сохранение и развитие этнокультурного многообразия и самобытности народов России. В то же время, насколько можно судить по содержанию документа, данные цели рассматриваются как рядоположенные и, в конечном итоге, доминирующей выступает первая из них.

В соответствии с анализируемым документом необходима разработка плана мероприятий по реализации Стратегии (пункт 24), а также государственной, региональных и муниципальных целевых программ (пункт 26). Разделяем точку зрения Ю.В. Попкова, что для эффективности реализации подобных планов и программ целесообразно проведение предварительной серьезной диагностики и осмысление особенностей этносоциальной ситуации и существующих проблем в конкретном регионе [4].

В этой связи, особое значение приобретают научные исследования, направленные на изучение истории и современного состояния межэтнического взаимодействия, этнокультурных процессов в общероссийском масштабе и на региональном уровне. Следует отметить, что интерес к проблеме этнокультурного возрождения, сохранения этнической идентичности в калмыцкой науке не ослабевает, а, напротив, возрастает. Этой теме в настоящее время посвящена весьма разнообразная этнологическая, социологическая и философская литература, тем самым калмыцкие гуманитарии способствуют сохранению и развитию этнической культуры [9].

В данной статье рассмотрим, как реализуются отдельные составляющие национальной политики в одном из российских субъектов, в Республике Калмыкия на материале проведенного исследования. В 2015 г. автором статьи осуществлен анкетный опрос в семи

сельских районах республики (Кетченеровский, Малодербетовский, Октябрьский, Сарпинский, Целинный, Яшалтинский, Яшкульский). Выборочная совокупность составила 302 человека, жителей сельских населенных пунктов республики. Из них 44% массива составляют мужчины, 56 % женщины. 51 % опрошенных проживают в райцентрах, 49 % селах. Были опрошены респонденты двух основных этнических групп: калмыки представлены 52,3 %, русские – 36,4%.

Около половины массива (45,7 %) считают межэтнические отношения в республике стабильными. 13,9 % характеризуют эти отношения как благоприятные. Более четверти (26,5 %) респондентов отмечают, что, несмотря на стабильность межэтнического взаимодействия, имеются определенные проблемы. Остальные опрошенные эти отношения характеризуют как напряженные, тревожные (2,3 %), конфликтные (3,3 %), 6,3 % анкетированных затруднились ответить.

Более половины массива (55,1 % калмыков и 50 % русских) считают межэтнические отношения в населенном пункте своего проживания стабильными. Каждый пятый респондент-калмык (22,8 %) и каждый пятый респондент-русский (20 %) отмечает, что, несмотря на стабильность межэтнических отношений, имеются определенные проблемы. 16,4 % опрошенных калмыков и 12,7 % опрошенных русских характеризуют эти отношения как благоприятные. Единицы в обеих группах (1,2 % и 1,8 %, соответственно) считают их напряженными, тревожными. Такое же количество респондентов оценивают отношения как конфликтные. 6,3 % затруднились ответить.

По мнению исследователей Центра изучения национальных конфликтов, угроза конфликтов на межэтнической и межнациональной почве в Калмыкии низка. Вместе с тем, единичные случаи насилия на почве национальной вражды имеют довольно серьезный резонанс и провоцируют массовые ненасильственные выступления. Кроме того, национальный вопрос активно эксплуатируется в Интернете. В итоге регион упоминается экспертами как имеющий тлеющие межэтнические конфликты. Так, динамика напряженности

в Калмыкии не вызывает у исследователей оптимизма: если с сентября 2013 по март 2014 г. в республике зарегистрирован всего один случай межэтнической вражды, связанный с размещением ксенофобного контента в социальных сетях, то за последние шесть месяцев 2014 г. эксперты отмечают значительное увеличение числа проявлений межнациональной розни. В целом межэтническая напряженность в Калмыкии находится на среднем уровне, но за счет серьезного конфликтного потенциала может резко возрасти [5].

Несмотря на единичные вышеупомянутые случаи, межконфессиональные отношения в Республике Калмыкия носят организованную, консультативную, координационную формы. Представители трех традиционных религий регулярно встречаются, обсуждают актуальные социальные проблемы, участия конфессий в решении наиболее важных вопросов [3]. Так, 23 сентября 2015 г. в Большом зале заседаний Правительства Республики Калмыкия состоялось расширенное заседание Межрелигиозного совета Республики Калмыкия, посвященное 10-летию Центрального хурула Золотая обитель Будды Шакьямуни и 20-летию создания Элистинской и Калмыцкой епархии Русской Православной Церкви. Форум, став ярким примером межконфессионального и межнационального согласия, способствует взаимодействию и взаимопониманию трех конфессий в республике, обеспечивая мир и согласие, сохраняя и передавая следующим поколениям традиционные культурные ценности. Приоритетными задачами Форума по-прежнему остаются противостояние разрушению духовных и нравственных основ, сотрудничество, духовный и культурный диалог, выработка совместных поступательных инициатив, помогающих обрести стабильность и гармонию в обществе.

По итогам работы участники расширенного заседания Межрелигиозного совета Республики Калмыкия приняли Обращение к жителям республики Калмыкия, в котором говорится: Опыт истории показывает, что укрепление современного государства и российской нации на современном этапе, невозможно без взаимодей-

ствия с традиционными духовными, религиозными институтами, древнейшими духовными традициями, помогающими обрести стабильность и гармонию в обществе [6].

Рассмотрим результаты анализируемого исследования (2015 г.) на вопрос о сопоставительной оценке возможностей представителей калмыцкой и русской этнических групп в различных сферах деятельности.

Таблица

Ответы респондентов на вопрос «Как вы считаете, имеют ли калмыки и русские равные возможности?»

Варианты ответов	Калмыки				Русские			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Продвинуться по службе	81,0	1,9	2,5	14,5	51,8	0	18,2	28,2
Занять руководящую должность	75,3	3,1	5,0	15,2	55,4	0	17,3	26,3
Заняться предпринимательством	85,4	3,8	1,9	8,2	65,4	0	9,1	23,6

Условные обозначения: 1 – возможности равны; 2 – у русских возможности выше; 3 – у калмыков возможности выше; 4 – затрудняюсь ответить.

Как видно из таблицы, большинство и калмыков и русских полагает, что представители этнических групп имеют равные возможности, особенно в занятиях предпринимательством и продвижении по службе. Несколько отстает по показателям позиция «занять руководящую должность», но и здесь свыше половины опрошенных считают, что возможности калмыков и русских равны. В остальных вариантах ответов проявляется общая закономерность: русские отмечают, что у калмыков в 4–6 раз больше шансов продвинуться по службе или занять руководящую должность, чем у русского населения.

Проанализируем этнический аспект кадровой политики в республике, используя материалы Батыра Боромангнаева, известного общественного и политического деятеля. Список назначаемых руководителей свидетельствует, что:

1) из 27 руководителей (по постоянному месту жительства): 13 – жителей и уроженцев Калмыкии, и 14 – приезжих из других регионов страны, так называемых «назначенцев», или «временно командированных»;

2) из 27 руководителей (по национальной принадлежности): 17 – русских, 8 – калмыков, 2 – другой национальности.

Б. Боромангнаев отмечает, что федеральные органы власти имеют право назначать любых своих региональных руководителей, которые в выстроенной и несколько противоречащей Конституции РФ «вертикали» власти не подчиняются региональным властям. Механизм согласования между федеральными и региональными властями при назначении должностных лиц на территории субъектов РФ заложен в Конституции России (Ст.72.) и некоторых законах РФ, например в Федеральном законе № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти...». Но на практике этот закон сполна не реализуется. От этого страдают интересы и права регионов, в особенности национальных республик. Федеральный центр не только не учитывает вопросы национальной принадлежности руководителей государственных структур, но и невольно игнорирует их.

В Калмыкии наблюдается дисбаланс и на ведомственном уровне: заместители начальников, руководители отделов также «не местные» – приезжие из других регионов, временно назначенные. В условиях, когда имеется острый дефицит рабочих мест, такая кадровая политика негативно сказывается на местных специалистах, которые не находят себе работу и вынуждены покидать республику. Эксперты считают, что такие должностные лица порой приезжают в Калмыкию за званиями и в надежде на дополнительные источники

доходов. Такие временщики, не связанные с республикой, как правило, не учитывают этнические, культурные и иные особенности региона и остаются равнодушными к актуальным проблемам местного населения, к необходимости соблюдения и защиты его прав и свобод. Среди жителей и уроженцев республики немало опытных и ответственных, перспективных и успешных руководителей, которые смогут решить проблему кадрового кризиса в управленческом корпусе Калмыкии [1].

Следует отметить еще одну особенность: в республике многие управления федеральных служб последовательно меняют свои адреса, переезжая из степного региона в соседние области. Свежие примеры 2015 г.: упразднена калмыцкая таможня, которая базируется в Волгограде, Федеральная миграционная служба по РК переехала в Астрахань. Такие перемещения вызывают у населения определенную тревогу за будущее Калмыкии.

Часть населения, обеспокоенная за судьбу республики, инициировала съезд ойрат-калмыцкого народа, который состоялся 12 декабря 2015 г. в г. Элисте. Ситуация, сложившаяся вследствие миграции, состояние исчезающего калмыцкого языка, возвращение в общество морали, потребность в защите прав и свобод депортированного народа требуют широкого, открытого обсуждения. В резолюции съезда говорится: Сохранить этнос и республику сложно потому, что калмыцкий народ настолько обескровлен духовно, экономически, столько активных людей уехало за пределы республики, столько было обмана как со стороны властей всех уровней, так и со стороны разных общественных лидеров и организаций, что у людей уже нет веры никому. Однако таким авторитетом может стать выразитель интересов этноса – съезд ойрат-калмыцкого народа. Его миссия – наполнить общественную, политическую, социальную, экономическую и прочие сферы жизни смыслами и содержанием, цементирующими ойрат-калмыцкий народ и создающими образ общего будущего [7].

Съезд также считает, что во имя сохранения ойрат-калмыцкого языка, необходимо: принять специальный закон «Об

использовании ойрат–калмыцкого языка как государственного языка Республики Калмыкия», где закрепить положение об обязательном использовании калмыцкого языка как государственного языка во всех сферах, определенных федеральным и региональным законами о государственных языках; законодательно обязать лиц калмыцкой национальности, претендующих на замещение должностей в государственных и муниципальных органах власти, работников здравоохранения, образования, в сфере обслуживания и т.д., обязательно знать калмыцкий язык, являющийся в Республике Калмыкия государственным языком; при устройстве на работу каждый гражданин калмыцкой национальности должен подтвердить не только свою квалификацию, но и сдать экзамен на знание калмыцкого языка. Не владеющий им обязан будет в течение года изучить калмыцкий язык, с последующей сдачей экзамена на знание калмыцкого языка. Для представителей иных национальностей знание калмыцкого языка является их гражданским долгом [7].

Данные нашего исследования подтверждают, что титульное население обеспокоено состоянием калмыцкого языка. На закрытый вопрос: «Что больше всего необходимо для развития этноса?» 63,9 % респондентов-калмыков отметили, что необходима в первую очередь поддержка языка. Далее следует ответ «возрождение и развитие этнической культуры», указанный 35,4 %. Респонденты-русские в этом вопросе выбрали, прежде всего, такие варианты «развитие экономики, преодоление социального неравенства» (49,1 %), «наведение порядка, борьба с коррупцией» (41,8 %).

Разделяем мнение исследователей о том, что для эффективной интеграции народов РФ в российскую нацию важно согласование языковых политик федерального центра и субъектов федерации. Возможно и своеобразное «разграничение полномочий и предметов ведения» между государственным языком федерации и региональными (республиканскими) языками в различных социальных сферах (языковой федерализм) [2].

Что необходимо для развития этноса

Варианты ответов	Калмыки	Русские	Мужчины	Женщины
Возрождение и развитие этнической культуры	35.4	15.4	26.5	28.8
Поддержка религии	19.0	22.7	27.3	21.2
Поддержка языка	63.9	18.2	39.3	45.9
Развитие экономики, преодоление социального неравенства	31.6	49.1	37.9	39.4
Наведение порядка, борьба с коррупцией	26.5	41.8	30.3	30.0
Укрепление самостоятельности	6.9	9.1	5.3	8.8

В таком многоязычном государстве, как Россия, лингвополитология только приступает к решению сложных языковых проблем. Языковая политика недостаточно продумана, выверена на основе тщательных исследовательских и экспертных процедур. Отсутствует исследовательский Центр, способный на современном научно-методологическом уровне анализировать сложные социолингвистические процессы, происходящие в стране в целом и отдельных регионах, в соответствии с полученными данными рекомендовать конкретные действия по предотвращению языковых конфликтов.

Литература

1. *Боромангнаев Б.* Анализ управленческих кадров в Калмыкии <http://asiarussia.ru/news/9803/>. Дата обращения 01.12.2015).
2. *Гарипов Я.З.* Язык как этнокультурная ценность и фактор формирования идентичности // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований. Сб. статей / редакторы: Р.Н. Мусина, Г.Ф. Габдрахманова, Г.И. ма-

рова, Л.В. Сагитова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 316 с.

3. *Намруева Л.В.* Межконфессиональный диалог в мультиэтничном регионе РФ (на примере Республики Калмыкия) // Материалы III Международного форума историков-кавказоведов «Русско-кавказские отношения: от первых контактов до современного единства» (17 ноября 2015 г., г. Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. 274 с.

4. *Попков Ю.В.* Региональные особенности этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. www.tuva.asia 2013. № 4. С. 10–28.

5. В Калмыкии тлеет угроза межнационального конфликта / http://elista.org/socium/v_kalmykii_tleet_ugroza_mezhnacional_nogo_konflikta/ (дата обращения 14.10.2015).

6. Межрелигиозный Совет Калмыкии посвятили юбилею центрального хурула Калмыкии и русской православной церкви <http://khurul.ru/?p=24345> (дата обращения 27.03.2016).

7. Резолюция Чуулгана Съезда ойрат–калмыцкого народа www.kalmykianews.ru (дата обращения 25.03.2015).

8. Указ Президента РФ от 19.12.12 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения 27.03.2016).

9. Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия). Е.А. Гунаев, М.Б. Марзаева, Л.В. Намруева. Коллективная монография. Элиста: КИГИ РАН. 2014. 180 с.

Проблемы нациестроительства в национальном регионе¹

О.В. Осипова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Как известно современная национальная политика Российской Федерации характеризуется постановкой новых задач, к числу которых относится формирование единой российской нации [1].

Данный термин нация, казалось бы известный, при его введение в публичный дискурс вызывал и до сих пор вызывает дискуссию. Действительно, есть противоречия в трактовке, главным образом связанные с этническим, либо гражданским пониманием нации. Причем часто отмечается, что этническая идентичность противостоит гражданской. Отсюда делается вывод о том, что в так называемых национальных республиках России процесс интеграции идет особенно плохо.

Часть авторов пишет о том, что в целом политика выстраивания общероссийской идентичности, единой нации является реакцией на региональную дезинтеграцию характеризующуюся ростом этнического самосознания и утратой управляемости сферой этнической политики в 90-е гг.[2], соответственно была нацелена на преодоление характерной для того периода тенденции к политизации и огосударствлению этничности

В виду вышеуказанных обстоятельств одной из наших задач было определить проблемы нациестроительства в национально регионе, соответственно работа проводилась на примере Республики Саха (Якутия).

Сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера было проведено социологическое исследование методом анкетирования. Массовый анкетный

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Принимающее общество: проблемы интеграции мигрантов в контексте формирования гражданской нации» № 16-13-14001

опрос охватил шесть административных районов Республики Саха – г. Якутск, Нерюнгринский, Олекминский, Усть-Янский, Аллаиховский и Анабарский. По квотной выборке были опрошены 950 респондентов.

Три из указанных районов (Аллаиховский, Анабарский, Усть-Янский) находятся на Севере Якутии, все они относятся к Северному эколого-экономическому району Якутии, Арктической зоне РФ. В настоящее время ведущее место в хозяйственной структуре Северного экономического района занимают традиционные виды хозяйства, лишь в Анабарском районе на данный момент идет развитие промышленной отрасли, связанной с эксплуатацией месторождений полезных ископаемых.

В свою очередь г. Олекминск и г. Нерюнгри относят к Южному эколого-экономическому району. Южный район – это наиболее развитый в промышленном отношении район Якутии. Основой развития промышленности в данном регионе стали колоссальные запасы угольного сырья. Играет значение и более развитая транспортная сеть, наличие железнодорожного сообщения с другими регионами страны.

Город Якутск представляет Центральную Якутию, а также столицу региона. Это один из старейших административных, политических, культурных, научно-образовательных центров на Северо-Востоке России. В данное время г. Якутск является одним из главных центров миграционных процессов в Якутии.

Таким образом, география исследования позволяет продемонстрировать общественное мнение населения, проживающего в различных природных и экономических зонах, что позволяет экстраполировать результаты опроса на Республику в целом.

В первую очередь необходимо было прояснить отношение респондентов к самому понятию нация и национальной политике в данном контексте. Для этого респондентам было предложено ответить на вопрос «Как вы считаете, необходимо ли в России формирование единой российской нации?»

В результате опроса было выявлено, что число несогласных с идеей формирования единой российской нации (41,6%) заметно превышает число ее сторонников (24,5%). В свою очередь число затруднившихся с ответом составляет треть респондентов (33,9%).

Такое распределение мнений опрошенных людей показывает наличие определенных противоречий между стратегическим целеполаганием государственной национальной политики и массовыми представлениями о необходимости нациестроительства.

Эти цифры говорят, о том, что понятие нация действительно воспринимается скорее настороженно. Часть респондентов напрямую выражала свое отрицательное отношение к этому, понимая формирование нации как одного суперэтноса. Действительно при устных беседах с респондентами было выявлено, что многие респонденты понимают нацию именно как этнос и никак иначе и не хотят лишаться привычной идентификации в пользу чего-то нового [3].

Большое влияние на сложившуюся ситуацию оказывает опыт советской национальной политики. Как известно политика Советского союза тогда была ориентирована на формирование сверхнационального сообщества. Однако общность советских людей, создать которую предполагалось по мере приближения к коммунизму, не определялась как нация. В качестве наций дефинировались входившие в Советский Союз этнические группы [4]

Надо отметить, что советские практики категоризации, классификации и институционализации этничности оказались очень продуктивны. И резкие изменения в политической и социальной ситуации в 90-е гг., хотя и привели к изменению в терминологии социально-гуманитарных наук, но общее понимание этносов как реально существующих объектов, а также опредмечивание этничности через некие конкретные наборы признаков (атрибуты), остались прежними.

Таким образом, говоря о причинах отрицательного отношения населения к идее нации, следует отметить, что полученные на вопрос ответы скорее являются отражением терминологического

разнобоя в политическом и общественном дискурсе, которое упоминалось выше.

Однако в данном случае мы говорим о проблеме нациестроительства как о феномене политической речи и общественного дискурса. На наш взгляд проблемы внедрения терминов и понятий в общественный дискурс и формирования и развития гражданского самосознания населения должна рассматриваться в разной плоскости.

Поэтому далее мы задались вопросом о том, может ли одна идентичность, как часть социальной идентичности личности, препятствовать формированию или развитию другой?

С одной стороны часто говорится о том, что личность может совмещать множество идентичностей, которые наслаиваются друг на друга. Однако, когда речь заходит о гражданской и этнической идентичностях, как уже было отмечено выше, встречаются утверждения, что они конкурируют или даже противостоят друг другу.

В соответствии с данным утверждением в исследовании была выдвинута гипотеза, что идея формирования российской нации особенно настороженно будет воспринята в тех районах Республики Саха, где проживает коренное население, поскольку доминирование гражданской идентичности, которое с собой несет формирование единой нации, может быть воспринята как угроза интересам этнических сообществ.

Таблица 1

Ответы на вопрос, необходимо ли в формирование единой российской нации: этнический срез, в %

	Русские	Саха	КМНС	Прочие	Смешанные
Да	25,6	23,6	22,7	22,4	26,1
Нет	41	44,6	36,1	42,9	26,1
Затрудняюсь ответить	33,4	31,7	41,2	34,7	47,8

Однако, итоги опроса, представленные в этническом разрезе, не показывают существенных различий в ответах респондентов разных национальностей. Получается, что этничность не является фактором, определяющим утверждение или напротив неприятие идеи гражданской нации. Но стоит отметить, что среди респондентов из числа коренных малочисленных народов Севера и лиц, указавших на свою биэтническую принадлежность, процент затруднившихся с ответом существенно выше, чем у респондентов саха, русских и представителей прочих национальностей.

Таблица 2

Ответы на вопрос, необходимо ли в формирование единой российской нации: территориальный срез, в %

	Усть-Янский	Анабарский	Аллаиховский	г. Якутск	Нерюнгринский	Олекминский
Да	28,4	20,5	24	26	31,2	13,3
Нет	33,3	40,2	42,3	39,7	43,7	48
Затрудняюсь ответить	38,2	39,3	33,7	34,2	25,1	38,7

С целью определения другого значимого фактора, препятствующего формированию единой российской нации, ответы опрошенного массива были рассмотрены в территориальном срезе. Как видно из данных таблицы 2, существуют определенные различия в объемах сторонников и оппонентов идеи формирования российской нации.

Наибольшее число людей выступающих против данной идеи было выявлено в г. Олекминске. В г. Нерюнгри напротив наблюдается самое высокое число людей положительно воспринимающих данную идею. Оба населенных пункта имеют статус города и расположены в Южной Якутии и, по сути, должны были бы иметь

схожие ответы, однако кардинально различаются. Объединяет их только наличие, в сравнении с результатами опроса в других районах, довольно существенной прослойки людей, кто дал отрицательный ответ.

По-видимому, необходимо сделать вывод о том, что какие-то различия в восприятии идеи нации напрямую не связаны с эколого-экономическими зонами на которые принято делить территорию Республики Саха (Якутия), а скорее увязаны с тем, какой процент от числа жителей составляет коренное население. Необходимо указать, что г. Нерюнгри это сравнительно новый город (Нерюнгри основан в 1975 г.), значительную долю населения в нем составляют выходцы из других регионов страны. В свою очередь г. Олекминск – это один из старейших населенных пунктов Якутии, жители которого представляют собой в основном коренное население (старожилов). Это может свидетельствовать о том, что среди приезжего населения, с учетом их миграционного и пространственного опыта складывается и иное представление о возможности и необходимости формирования нации.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на то, что идея формирования единой нации рассматривается населением, скорее отрицательно с непониманием, следует отметить, что за ней не стоит этнически окрашенного противостояния идентичностей.

Как показал анализ результатов в зональном разрезе важным для одобрения идеи нации выступает скорее пространственный опыт респондентов, нежели иные факторы, такие как экономика региона или этническая ситуация в нем. Люди, которые чаще путешествовали или меняли место жительства в рамках страны, могли наблюдать ситуацию в разных регионах страны, у них менялось представление о том, насколько люди разные, какую роль в этом играет этническая идентичность, в соответствии с чем они, по-видимому, склонны видеть население страны более гомогенным, а следовательно, более подготовленным к формированию единой общности.

В этих связи далее представляется целесообразным обратиться к данным, которые пролили бы свет на то, является ли в действительности российское общество некоей политической общностью, отбросив проблемы утверждения терминов нациестроительства. Сделать это представляется возможным через обращение к понятию гражданская идентичность, а также через попытку определить значимость гражданской идентичности в структуре социальной идентичности. Здесь ситуация оценивается экспертами как более позитивная. К примеру, по данным исследования «20 лет реформ», проведенного институтом социологии РАН (руководитель – М. Горшков) в 2011 г., 95% опрошенных лиц по всей стране, при определении своей идентичности, в той или иной степени отнесли себя к «гражданам России» [5].

Таблица 3

О каких из перечисленных групп Вы можете сказать «это – мы»?

	Усть-Яна	Анабар	Аллаиха	Якутск	Нерюнгри	Олекминск
Люди таких же взглядов на жизнь	8,9	10	15,1	28,4	26,4	7,9
Жители Севера, Арктики	30,7	30,9	45,3	7,2	3,6	7,3
Граждане России	39,6	31,8	32,1	35,3	35	57,6
Люди такой же национальности	8,9	8,2	3,8	25,3	23,4	2,6
Жители Якутии, Якутяне	20,8	33,6	28,3	38,7	15,7	23,8
Люди той же профессии	2	0,9	4,7	15,8	9,1	5,3
Люди такой же веры	6,9	5,5	0,9	3,8	8,1	3,3

Данные таблицы 3, демонстрирующие соотношение разных идентичностей опрошенного массива, позволяет нам сделать схожее заключение – гражданская идентичность оказывается одной из наиболее значимых для респондентов Якутии. Вместе с тем, следует отметить наличие дифференциации в структуре многоуровневой идентичности, в частности, наблюдается прямая корреляция с местом поселения опрошенных лиц. Так, в трех арктических районах республики выявлена ценность территориальной идентичности, основанной на факторе принадлежности «Северу», у значительной части респондентов вне зависимости от их национальной принадлежности. Как оказалось, характерный и для других трансполярных регионов мира феномен «северного самосознания», присущий жителям этого неинституционального географического пространства, способен конкурировать по степени значимости с солидаризацией людей по гражданскому принципу.

Предпочтительность наднациональной («мы – якутяне») и этнической идентичности для столичных респондентов связывается, прежде всего, с ценностью регионального самосознания, актуальностью отношений в бинарной системе «центр-регион» и республиканским патриотизмом. О силе символического потенциала идеологии «общего дома», утверждаемой в Республике Саха (правда, непоследовательно), свидетельствует наличие довольно заметной группы респондентов во всех точках опроса, сделавших свой выбор в пользу региональной идентичности («жители Якутии», «якутяне»). О важности этого тренда можно судить по размеру «нерюнградской» выборки, где как уже упоминалось, относительно мало местных уроженцев. Этот факт также косвенно указывает на сокращение социокультурной дистанции между русскоязычным населением республики и коренными народами Якутии.

Для респондентов двух самых крупных городов республики (Якутск, Нерюнгри) в структуре социальной идентичности в числе доминирующих оказалась этническая идентификация респондентов. Высокая значимость этничности объясняется тем, что эти города

постоянно находятся в эпицентре интенсивной как внешней, так и внутренней миграции в течение длительного времени. Здесь, объективно, среда повседневного общения представляет собой пестрый этнический конгломерат, в котором происходит своеобразное «столкновение» различий в культуре, образе жизни, воспитании, нормах общения у представителей разных национальностей, что, соответственно, стимулирует повышение ценности этнической идентичности как у мигрантов, так и у членов принимающего общества [6]. Кроме того, востребованными оказываются и сообщества, сформированные по принципу объединения людей с общим миропониманием/мировоззрением («люди таких же взглядов на жизнь») и профессиональными интересами («люди такой же профессии»).

Судя по результатам опроса, в структуре самосознания населения Якутии позицию аутсайдера занимает религиозная идентичность: число респондентов, готовых к объединению по признаку конфессии («люди такой же веры»), колеблется от 0,9% выборки в Аллаиховском улусе до 8,1% – в г. Нерюнгри. Тот факт, что подавляющее большинство опрошенных лиц не ощущают своей принадлежности к какой-либо конфессиональной группе, косвенно указывает на меньшую значимость религии в духовной жизни современных людей.

Таким образом, опросом установлено, что на самоидентификацию респондентов влияют разные факторы. На осознанное отождествление себя с той или иной общностью/сообществом/пространством определенное воздействие оказывают такие факторы, как включенность людей в различные социально-территориальные группы, географические образы, урбанизированные ареалы, социальные группы и др.

Учитывая выявленную в первой части исследования проблемную ситуацию (41,6% – отрицательно отнеслись к идее нациестроительства), несмотря на преобладание среди опрошенного мас-

сива общегражданских ценностей и идентичности, мы решили подвергнуть изучению вопрос об их основах и смыслах.

Таблица 4

Что Вас сближает или объединяет со всеми россиянами?

	Усть-Яна	Анабар	Аллаиха	Якутск	Нерюнгри	Олекминск
Общее государство	69,6	62,5	76,4	84,4	50,8	86,2
Общие перспективы будущего	13,7	5,4	15,1	33,2	15,1	13,2
Историческое прошлое	16,7	8	8,5	22,4	26,6	32,2
Родная земля, территория, природа	28,4	24,1	26,4	38,6	42,7	42,8
Язык	7,8	13,4	23,6	32,2	60,8	44,7
Культура	11,8	8,9	13,2	21	32,7	15,1
Общие символы (флаг, герб, гимн)	9,8	10,7	8,5	16,9	14,1	21,7
Черты характера	2	4,5	1,9	5,1	6,5	6,6
Праздники, которые мы празднуем вместе	17,6	24,1	18,9	19,0	17,6	22,5
Ничего не сближает	-	4,5	0,9	2,4	4	0,7

Ранжирование полученных ответов показало, что у 71% респондентов самым важным элементом принадлежности ко всем россиянам является наличие «*общего государства/отечества*», определяющее их консолидацию со своими согражданами/соотечественниками. Комментируя столь высокое значение фак-

тора государства в процессах интеграции населения России, согласимся с идеей Э. Балибара и И. Валлерстайна, которые считают, что произошло полное подчинение жизни индивидов их статусу гражданина национального государства. Такого государства, которое «вмешивается» в само воспроизводство экономики, и прежде всего формирование индивидов, в структуры семьи, в публичную гигиену, – если обобщить, в весь мир «частной жизни»[7].

Ценностная сфера гражданского единения также оказывается тесно ассоциирована (по убыванию) с «родной землей, территорией, природой» (33,8%), «языком» (30,4%), «праздниками, которые мы празднуем все вместе» (20%), «культурой» (17,1%), «общими перспективами будущего» (16%), «историческим прошлым» (13,8%). Менее значимыми для респондентов оказались «общие черты характера», а также «общие символы (флаг, герб, гимн)».

В рамках парадигмы «идеологического конструкта нации» объясняется интеграционная роль общей «родной земли, территории, природы» и общего государственного языка. По мнению специалистов, сам факт, что Россия является самой большой по территории страной в мире, представляет собой одну из базовых ценностей российского народа как многоэтнической гражданской нации. Как и в национальной идентичности других государств, природа и ландшафт страны также имеют важную роль в самопрезентации россиян [8].

Таким образом, следует отметить, что гражданская идентичность, выраженная в категории «мы-россияне, граждане России» оказалось не только одной из наиболее значимых для жителей Республики Саха (Якутия), но и наиболее устойчивой вне зависимости от точек опроса. В этом с ней может конкурировать лишь региональная идентичность. В остальных же случаях в процессы самоидентификации включаются локальные особенности поселений, население которых участвовало в опросе. В том числе это проявляется и в случае с этнической идентичностью оказывающейся важ-

ной лишь в центрах миграционных процессов в республике – г. Якутск, и г. Нерюнгри.

В свою очередь смысловое наполнение гражданской идентичности, прежде всего, связано с понятием государства, его границ и обширных территорий, которые входят в его состав. Немаловажную роль играет русский язык, а также установившаяся с советских времен практика празднования массовых народных праздников.

В заключение стоит отметить, что проблемы нациестроительства в большой степени концентрируются в сфере общественно-политической речи. То есть с практиками применения тех или иных слов. Терминологический разнобой по всей видимости сказывается как на многих сферах в том числе в сфере сопоставления российского и международного права, сферы принятия политических решений, социуме.

В этих условиях лишь четверть населения Якутии поддерживают идею строительства единой нации. Свои опасения они связывают с утерей особенностей этнокультурного облика, что соотносится с примордиалистскими взглядами на термин нация.

Однако важно отметить, что на самом деле гражданская идентичность, выражаемая в чувстве принадлежности России, является одной из наиболее важных для якутян. И она уже напрямую не конкурирует с этничностью, и тем более не конфликтует с ней. Это говорит о том, что на самом деле мы обладаем в стране довольно высоким консолидационным потенциалом, который при внимательной реализации Стратегии национальной политики РФ может быть развит в полной мере и использован для адаптации больших масс населения.

Литература

1. *Маклашова Е.Г.* Изменение целей и задач национальной политики России // Регионоведение, 2013, №3 (84), С. 3–11
2. *Маклашова Е.Г., Астахова И.С.* Нациестроительство и этничность: практика Федеративной России (пример Республики Саха (Якутия)) // Со-

временные проблемы регионального развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Еврейской автономной области. Под редакцией Е.Я. Фрисмана. Биробиджан, 2014. С. 227–228

3. *Осипова О.В.* Национальная политика РФ и современные этносоциальные процессы в Якутии // «Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики». Сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием конференции. Кемеровский государственный университет; ответственный редактор: В.В. Поддубиков. Кемерово, 2014. С. 154–157.

4. *Малахов В.С.* Понаехали тут... очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.

5. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад [Электронный ресурс] http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf (22.10.2014)

6. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: изд-во ИЭА РАН, 2008. 308 с.

7. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Пер с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. Москва: Издательство «Логос», 2004. 288 с.

8. *Тишков В.А.* О национальном идеале и ценностях // *Этнопанорама*. 2009, №1-4, С.78–81.

Образование как элемент ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США¹

А.В. Сериков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В большинстве стран мира существуют многочисленные нерешённые межэтнические и межнациональные проблемы, являющиеся серьёзной угрозой для мира как внутри определённого государства, так и мира в целом. Нарушение согласия между различными этническими группами, проживающими на территории одной страны может привести к драматическим событиям: изменению государственного устройства или же её распаду. В этом отношении особого внимания заслуживает опыт решения межэтнических проблем в Соединённых Штатах Америки. Структура их населения является уникальной, включая в себя автохтонный компонент – индейские племена, алеутов и гавайцев, основное «ядро», которое условно объединяет выходцев из Великобритании и иммигрантов из стран Западной и Северной Европы, а также «новую иммиграцию» – в основном потомков переселенцев из Южной и Восточной Европы, а также большое количество афроамериканцев.

Ещё в начале XX в. для урегулирования межнациональных отношений американскими социологами была выдвинута концепция «плавильного котла», предусматривавшая, что этнические различия нивелируются в ходе развития капитализма, за несколько поколений мигранты «переплавятся» и станут типичными американцами, носителями единой культуры. На определённом этапе данная концепция стала в политике господствующей. Однако стремление к общей ассимиляции привело в США к борьбе меньшинств за свои права и развитие ими собственной культуры (афроамериканцы, латиноамериканцы). Противником концепции «плавильного котла» в

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

1924 г. выступил Х. Каллен, который аргументировал необходимость сохранения культурного разнообразия и отказ от процессов ассимиляции. Основу его теории составила идея солидарности как признание непреодолимости культурных различий и как отказ от любой иерархии культур. Важнейшим элементом американской этнической модели стал административно-правовой механизм регулирования в области расово-этнических отношений. Юридической основой данной модели есть ряд принятых, начиная с 1940-х гг., президентских указов, а также закон о гражданских правах 1964 г., который запретил дискриминацию при найме на работу и получении образования по признаку расы, пола, религиозных убеждений и этнического происхождения.[1] Вызвано это тем, что длительная борьба национальных меньшинств за свои права способствовала широкому общественному осознанию необходимости создания эффективного государственно-правового механизма обеспечения прав представителей расово-этнических групп, главной целью которого было недопущение дальнейшего взрывоопасного обострения межрасовых и межэтнических конфликтов. Были приняты законы о гражданских правах, направленные на обеспечение равенства прав граждан независимо от их расового, этнического происхождения, пола и вероисповедания. Важной особенностью американского законодательства по гражданским правам является то, что обеспечивая всем гражданам США равные права, оно не закрепляет за ними особых прав как представителей той или иной группы населения. Более того, законодательное закрепление групповых прав рассматривается американским конституционным правом как нарушение антидискриминационных норм.

При государственно-правовом регулировании межэтнических отношений в США особое внимание уделяется индейскому населению. Как отметила Е.А. Лобанова, несмотря на всю сложность, американское правительство смогло урегулировать данный вопрос, приняв определённые законодательные акты. Так, в 1973 г. Конгресс принял резолюцию № 37, где определялись конкретные

направления деятельности федерального правительства в индейском вопросе, среди которых подтверждение индейского суверенитета, укрепление экономических основ общинного самоуправления. В 1978 г. Конгресс принимает совместную резолюцию № 738, которая гарантировала индейцам возможность отправлять свои верования, «иметь и использовать так называемые святые места», но с существенной оговоркой, что это не нанесёт вреда окружающей среде и «не нарушит законы, изданные в интересах всего общества».[1]

Анализ опыта административно-правового регулирования межэтнических проблем в США свидетельствует, что предоставление льгот одним меньшинствам вызвало возмущение в этнических группах, таких льгот лишённых. Последние расценивали такую политику как «расизм наоборот». Вместе с тем, недостаточное решение проблем равноправия обуславливало недовольство и тех этно-расовых меньшинств, которые льготы от государства имели. Следовательно, задачей американского руководства является развитие тех черт ментальности, которые способствуют стиранию межэтнических противоречий и формированию американской национальной общности, объединённой на основе гражданства, а не этничности.

Институтом, способным решить указанную задачу, является массовое образование, транслирующее на массовый уровень поликультурную систему национальных ценностей. Отметим в связи с этим, что проблема мультикультурного воспитания молодёжи, формирования человеческого и национального самосознания, гражданской позиции, активного и ответственного отношения к жизни является одним из приоритетных в процессе выработки внутренней политики США. Созданные в этой стране программы по организации поликультурного образования могут быть реализованы при реализации задач поликультурного образования в большинстве многонациональных стран. Формирование поликультурной личности является сложным процессом, и американские исследователи аргументируют необходимость направленности поликультурного образования на сохранение и развитие всего многообразия культурных

ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном обществе, и на передачу этого наследия молодому поколению. Процесс поликультурного воспитания проявляется в развитии кросскультурных ценностей и способности адаптироваться к различным культурным средам.[2] Подобной позиции придерживается американский учёный Дж. Бэнкс, который считает, что в основе поликультурного образования «лежит понимание культуры и той роли, которую этническая принадлежность играет в американском обществе».[3] По его мнению, поликультурное образование призвано помогать в развитии межкультурной компетентности, что возможно при условии поощрения и учёта принципа многообразия в процессе организации учебно-воспитательного процесса. Анализ подходов к поликультурному воспитанию даёт возможность определить его как процесс целенаправленной социализации, направленный на овладение системой национальных и общечеловеческих культурных ценностей, формирование коммуникативных умений, позволяющих осуществлять интенсивное межкультурное взаимодействие, понимать другие культуры, толерантно относиться к их носителям.

Основной целью поликультурного образования является, прежде всего, устранение противоречия между системами и нормами воспитания и обучения доминирующих наций, с одной стороны, и этнических меньшинств – с другой. В США предполагается взаимная адаптация этнических групп, отказ этнического большинства от культурного диктата. Современная стратегия поликультурного воспитания в этой стране направлена на то, чтобы, во-первых, научить детей осознавать и понимать существующее многообразие, одновременно работая над устранением предвзятого отношения к другим, а во-вторых, создать такую среду, которая бы отражала национальную культуру.[4] Молодые американцы усваивают такие ценности, как уважение и почтительное отношение к другим культурам, традициям, вероисповеданиям и языкам, на которых обща-

ются разные народы, поскольку школа является такой средой, в которой представители всех культур могут чувствовать себя свободно.

Без сомнений, чрезвычайно важная роль в решении проблемы гармонизации межнациональных отношений в США отведена формированию у граждан соответствующей картины мира, поскольку именно она даёт возможность выработать положительное отношение к представителям других народностей, направляет стремление узнать как можно больше об их культуре, определяет понимание индивидуумом свободы, умение отстаивать свою позицию и идеалы, формирование духовной гибкости и понимание необходимости компромиссов, вхождение человека в жизнедеятельность как отдельных групп, так и общества в целом.

Поликультурное образование в США является интегрированным качеством, состоящим из ряда связанных между собой характеристик. Американские исследователи выделяют следующие основные критерии поликультурной воспитанности личности:

- знание своей национальной принадлежности, обычаев, традиций, символов, известных представителей своего народа;
- информированность о культуре других народов;
- толерантное и терпимое отношение к представителям другой культуры.

- В смысле поликультурного образования для современных американских школ Дж. Бэнкс выделяет четыре модели:[5]

- модель А – курсы построены на англо-американских точках зрения или перспективах;

- модель В – содержание образования остается англо-американским, но его дополняет этнический компонент;

- модель С – учебные курсы построены так, чтобы школьники изучали историю и социальные события с точки зрения разных этнических групп;

- модель D – школьники изучают исторические и современные события в многонациональной перспективе, с позиции этнических групп, населяющих другие государства.

Реформируя содержание образование, Дж. Бэнкс считал, что более приемлемым путем является движение от модели А к С. Исследователь убеждён, что поликультурное образование будет эффективным лишь при условии поощрения и уважения принципа разнообразия; интегрирования этнического содержания во всех предметах в течение всех лет обучения; доступности объективной информации по истории и культуре этнических групп; наличии систематических, комплексных, обязательных и постоянно действующих программ подготовки и совершенствования педагогов; изменения культуры школы и её учебной программы настолько, насколько этого требует отражение культур разных этнических групп; направленности содержания образования на формирование ценностей, отношений и способов поведения, поддерживающих этнический плюрализм; реализации междисциплинарного подхода. Во время ознакомления с различными ценностями и с целью формирования поликультурных ценностей Дж. Бэнкс предлагает использовать различные незавершенные рассказы и истории, содержащие моральную дилемму, которая нарушает межэтнические отношения, с последующим их обсуждением.

Итак, политика поликультурности преследует 3 группы целей, которые можно обозначить понятиями «плюрализм», «равенство» и «единство»:

- уважение и сохранение культурного многообразия;
- поддержка равных прав на образование и воспитание;
- развитие личности в духе общенациональных политических, экономических, духовных ценностей.

Содержание американской поликультурности строится вокруг четырёх ориентиров: социокультурной идентификации личности; освоения системы понятий и представлений о поликультурной среде; воспитания позитивного отношения к диверсифицированному культурному окружению; развития навыков социального общения. Анализируя работы американских исследователей, можем выделить такие функции поликультурного образования:

- осознание важности культурного многообразия для самореализации личности;
- формирование позитивного отношения к культурным различиям;
- развитие умений и навыков взаимодействия носителей разных культур на основе толерантности и взаимопонимания.

Особенностью внутренней политики в США является то, что в стране ни на федеральном уровне, ни на уровне штатов не существует законов, предусматривающих обязательное внедрение поликультурного образования. Однако, начиная с середины 1950-х гг., федеральным правительством, а также руководством отдельных штатов был принят ряд законодательных актов, которые способствовали развитию теоретических и прикладных исследований в области поликультурности и её внедрения в практику американской школы. Среди них – Закон о гражданских правах (1964), который запрещает расовую и национальную дискриминацию в школьных округах, которые получают федеральные дотации, и который гарантирует меньшинствам доступ к государственной образования; Закон о двуязычном образовании (1968); Закон о равных возможностях в области образования (1974), согласно которому все граждане, независимо от расовой, национальной и половой принадлежности, имеют равные образовательные возможности; Закон об образовании инвалидов (1974), который гарантирует бесплатное обучение детей и молодёжи с различными отклонениями в возрасте от 3 до 22 лет. Кроме того, в США действуют многочисленные Ассоциации поликультурного воспитания (Multicultural Associations), деятельность которых посвящена изучению культурного и этнического разнообразия, что обогащает всё американское общество. Одной из крупнейших является Национальная ассоциация поликультурного образования (National Association for Multicultural Education), а также её филиалы и местные организации; Центр поликультурного образования (Center for Multicultural Education), Центр образовательного плюрализма (Center for Educational Pluralism), Центр многоязычных поликультурных исследований (Center for Multilingual Multicultural Research), Центр глобального и поликультурного образо-

вания (Global and Multicultural Education Center), Национальная ассоциация двуязычного образования (National Association for Bilingual Education (NABE)), Национальная ассоциация этнических исследований (National Association for Ethnic Studies), Национальный поликультурный институт (National Multicultural Institute).[5]

В США действуют организации, представляющие интересы представителей различных культур, например, Ассоциация иммигрантов США (United States Association of Immigrants), японско-американское объединение (Japan-America Society), которое имеет филиалы в разных штатах, российско-американская федерация (Russian-American Federation), Ассоциация американо-итальянского наследия (American Italian Heritage Association) и др. Эти организации помогают иммигрантами из других стран адаптироваться к новой среде; привлекают их к активной деятельности в окружающем их многокультурном сообществе; обеспечивают социальные контакты с другими иммигрантами и уроженцами США, которые являются представителями разных культур. Таким образом, опыт США в решении проблемы гармонизации межэтнических отношений может быть применён и в других странах.

Литература

1. *Лобанова Е.А.* Этнические и расовые отношения в Соединённых Штатах Америки: проблемы государственного управления: Ретроспектива и современность: автореф. канд. полит. наук: 23.00.02 / Е. А. Лобанова. М., 2004. 20 с.
2. *Абибуллаева Г.С.* Некоторые аспекты поликультурного образования / Г. С. Абибуллаева // Педагогика и психология. 2006. № 1. С. 75–84.
3. *Наушабаева С.У.* Проблема поликультурного образования в американской педагогике (анализ концепции Дж. Бэнкса) / С.У. Наушабаева // Педагогика. 1993. № 1.
4. *York S.* Roots and Wings: Affirming Culture in Early Childhood Programs / York S. – N.-Y.: Redleaf Press. 2003. 256 p.
5. Multicultural Associations in the USA [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.collegesintheusa.com/multicultural-associations-in-the-usa.cfm>.

Этнонациональная политика России в отношении коренных народов Севера: поиск стратегии

А.Е. Шапаров

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск*

Арктическая зона РФ охватывает территории с различным этническим и конфессиональным составом, экономической специализацией и формами организации региональной политической власти. Колонизация северных земель, составляющая специфику миграционных процессов в исторической ретроспективе, смешение и дисперсное расселение народов, различия хозяйственных укладов выступили историческими факторами регионализации пространства Арктики. Вопрос выработки эффективной государственной этнонациональной политики становится все более актуальным в повестке дня по освоению Арктики. Важная задача государственной этнонациональной политики в Арктике – выработать и реализовывать систему мер поддержки представителей народов, ведущих традиционный образ жизни и хозяйства. Особое место среди населения АЗРФ занимают коренные малочисленные народы Севера (КМНС) – этносы. Это важное замечание в контексте нашей статьи, поскольку тема этнонациональной политики России в Арктике включает государственную политику в отношении всего населения АЗРФ. В тоже время, КМНС выступают в качестве особого объекта государственной политики.

Политика государства по развитию территорий Крайнего Севера в советский период при многих позитивных достижениях, имела и негативные последствия. Традиционным хозяйственным и бытовым укладам народов Севера, обеспечивающим их экономический базис, в 30-50-е годы XX в. был нанесен удар насильственным переводом на оседлый образ жизни.

В конце XX в. на волне подъема этнического самосознания в СССР (России) организационно оформились ассоциации коренных

малочисленных народов. Наиболее известная в настоящее время – Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ), образованная в 1990 г. и активно отстаивающая права малочисленных народов. Первоначально Ассоциация объединяла представителей 26 этносов (в настоящее время их число увеличилось до 41). Далеко не все этносы, проживающие на территориях АЗРФ могут быть отнесены к коренным. В соответствии с международными критериями, предъявляемым к коренным народам (англ. *indigenous peoples*) необходимо, чтобы население само считало себя коренным народом, а также имело социальные, экономические, культурные и другие институты, отличающие представителей коренного этноса от другого населения, проживающего на этой или на соседних территориях. Следует отметить, что подходы к определению этнической принадлежности и, как следствие, статистический учет представителей коренных этносов сильно отличаются от страны к стране.

В России доля коренных этносов, относительно всего населения, проживающего в Арктическом регионе, незначительна. По подсчетам отечественного исследователя профессора Ф.Х. Соколовой, общая численность коренных малочисленных народов, проживающих в арктических регионах на начало XXI в., составляет около 400 тыс. человек, или 8,0–8,5 % населения. Их удельный вес среди населения Арктической зоны превышает средние значения лишь в Гренландии, где аборигенное население составляет 88 % населения страны, на Аляске – 14,9 %, в Арктической Канаде – 50,8 %, в Таймырском районе Красноярского края – 24,8 %, в Ненецком и Чукотском автономных округах Российской Арктики – 18,7 и 31,3 % соответственно. [1]. Это качественно отличает отечественную ситуацию с коренными народами от аналогичной в США, Дании и, особенно, в Канаде. Не случайно именно США и Канада еще в 1960-70-е годы на законодательном уровне закрепили особые права автохтонных этносов на арктические земли.

США и Канада еще в 1960-70-е годы на законодательном уровне закрепили особые права автохтонных этносов на арктические земли [2]. В Канаде в настоящее время разработан и применяется типовый договор между компаниями и местными общинами, который предусматривает их участие в прибыли, меры по поддержке культуры и традиционного уклада. В России, где принят федеральный закон о гарантиях прав коренных народов, в котором сказано, что они имеют право на возмещение убытков и ущерба, нанесенного из-за хозяйственной деятельности, у компаний нет обязательств по выплате компенсаций. Если компании и возмещают ущерб, то делают это на добровольной основе, на основе соглашений, которые заключаются с общинами и региональными властями.

Активизация усилий коренных народов по отстаиванию своих прав в условиях развитых демократий имела важные политические последствия. Во-первых, сформировалась особая форма надэтнической идентичности – «индигенные народы» (*indigenous*), т.е. «местные», «коренные». Во-вторых, в развитых странах институционализировалась идея выделения специальных прав коренных народов, включая особые права на территорию проживания. Признание за коренными народами особых коллективных прав принято именовать как «индигенная перспектива» (*indigenous perspectives*) [3]. В-третьих, в отношении коренных народов были приняты важные международно-правовые документы, закрепляющие особые, более широкие права. Наиболее значимые из них – Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.) и Декларация ООН о правах коренных народов (2007 г.).

Таким образом, к концу XX в. в мире произошли важные институциональные изменения в отношении к коренным народам, в признании обладания ими особыми правами, прежде всего на территорию, и статусом. Как справедливо замечает В. Владимирова: «Международный индигенный активизм создает пространство для формирования более широкой индигенной идентичности, инкорпо-

рируя единство и универсальность коренных народов на глобальном уровне, основываясь на аналогичных историях угнетения и колониального господства и продолжающейся в настоящее время маргинализации во всем мире, подтверждая при этом политику различий на местном уровне» [4]. Исследователями отмечается существенная разница в ценностных подходах к выработке политики государства в отношении индигенных народов. Если для англосаксонских стран – США, Канады и Австралии на политику в отношении автохтонного населения оказывает влияние груз колонизаторского прошлого, восприятия аборигенов как «нецивилизованных», отсталых, то в скандинавских странах коренные народы, использующие сходные адаптационные практики, воспринимаются не в качестве «чужих», а в контексте «свои другие».

К настоящему времени в России в значительной мере сформирована нормативно-правовая база в сфере защиты прав и традиционного образа жизни КМНС. Конституцией РФ гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ. Для сравнения, до настоящего времени в конституции Австралии официально не закреплено, что аборигены являются коренными жителями континента. Следует отметить, что Россия не ратифицировала Конвенцию МОТ № 169. Основная причина – расхождение в толковании понятия «коренные народы» (в отечественном законодательстве для признания народа коренным кроме традиционного образа жизни необходим критерий малочисленности). Кроме того, ст. 14 Конвенции МОТ № 169 признает за соответствующими народами права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают [5]. Отечественное законодательство не содержит положений, закрепляющих права собственности на земли за народами по этническому признаку.

К настоящему времени вопрос о необходимости выработки специальной государственной политики в отношении малочисленных народов не вызывает разногласий ни среди научного сообще-

ства, ни среди управленцев. Что касается ценностных оснований политики и форм взаимодействий между государством и КМНС, то по этим вопросам единство отсутствует. Концептуально оформились, как минимум, три императивных подхода к формированию государственной национальной политики в отношении КМНС: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский.

Представители первого, государственно-патерналистского подхода исходят из неспособности КМНС самостоятельно справиться с проблемами адаптации их традиционного уклада к современным социально-экономическим условиям. Сторонники патерналистского подхода (сюда помимо части экспертов относятся представители ассоциаций КМНС) выступают за всемерное расширение государственной помощи, прекращение которой повлечет за собой угрозу депопуляции и грозит части этносов полным исчезновением. Реализация государственно-патерналистского подхода к формированию государственной политики в отношении малочисленных этносов во многом зависит от способности лидеров организаций КМНС пролоббировать свои интересы во властных институтах.

Сторонники второго, либерально-рыночного подхода (в основном правительственные чиновники федерального уровня) апеллируют к неолиберальным ценностям – рынка, конкуренции, равенства возможностей, как экономически обусловленным условиям функционирования современного социума. Обязанности государства состоят в создании инвестиционного климата, поддержке частной инициативы, содействию «встраивания» традиционных промыслов в рыночные реалии. Например, право пользования любыми природными ресурсами должно возникать на основании результатов конкурсов и аукционов. Сторонники либерально-рыночного подхода исходят из ограниченности государственных ресурсов, которые могут быть направлены на поддержку КМНС, адресности государственной помощи. Отметим, что в реализуемой государством политике в отношении КМН Севера либерально-рыночных

вектор явно преобладает. Президент АКМНСС и ДВ С.Н. Харючи отмечает, что начиная с 2009 г. из ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» были изъяты нормы о получении рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства без проведения конкурса, результате чего многие общины лишились права вылавливать рыбу на своих исконных землях. Вступивший в силу в 2010 г. ФЗ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов» уже не предусматривал возможности закрепления за общинами и иными объединениями народов Севера охотничьих участков для осуществления традиционной охоты [6].

Третий, «неотрадиционалистский» подход, первоначально был сформулирован А.И. Пикой [7]. Суть этого подхода заключается в отказе от ассимиляторской модернизации культуры и образа жизни народов Севера, предоставление им правовой и экономической поддержки, свободы для самостоятельного развития экономики, культуры и самоуправления в современных экономических условиях. Основной целью государственной политики, по мнению «неотрадиционалистов» должен стать переход к экономической самостоятельности и национально-территориальному (общинному) самоуправлению малочисленных народов, становление их как субъектов социального, экономического и культурного развития. Неотрадиционализм предполагает возвращение коренных северян к исконным занятиям, которые могут обеспечить их существование – охоте, рыболовству, оленеводству и ремеслам. В политической сфере «неотрадиционалисты» настаивают на прямых отношениях «Центр-народы Севера». Экспертами справедливо указывается на задействие механизмов самоорганизации КМНС: «Фундаментальная задача для народов Севера состоит в том, чтобы избежать опасности превращения в музейные экспонаты в заповедниках глобализирующегося информационного общества, чтобы в этих условиях вновь продемонстрировать собственную историческую состоятельность» [8].

Таким образом, два из трех подходов к выработке государственной политики в отношении КМНС имеют существенные недо-

статки. Реализация протекционистского подхода вряд ли возможна в условиях социально-экономического кризиса и сокращения бюджетных расходов. Излишний протекционизм со стороны государства нивелирует инициативу самих представителей малочисленных этносов. Второй, либеральный подход, предполагающий опору на рынок и конкуренцию, в реалиях Крайнего Севера оборачивается социал-дарвинизмом. Третий, неотрадиционалистский, подразумевающий сильное совместное развитие традиционной культуры в современных экономических условиях, выглядит наиболее перспективным, совмещающим интересы государства и КМНС. Через социально-экономическое развитие и общественно-политическую представительство коренные этносы обретают свою субъектность, выступая не только в качестве объекта государственной политики, но и субъекта, способного влиять на принимаемые решения.

Арктическая зона – территория с настолько специфическими социально-экономическими особенностями жизни населения, что это не может не учитываться при выработке и реализации государственной этнонациональной политики. Целями этнонациональной политики России в АЗРФ являются сохранение целостности страны, недопущение сепаратизма и конфликтов на межнациональной почве. Императивными основаниями этнонациональной политики России в Арктике должны стать развитие регионов арктической зоны, сохранение исконной среды обитания КМНС, стратегия народосбережения.

Литература

1. *Соколова Ф.Х.* Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51–69.
2. *Лопуленко И.А.* Борьба за землю как фактор сохранения и развития этнического самосознания у эскимосов США и Канады. В кн.: Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. Отв. редактор д.и.н. В. А. Тишков. М.: Изд-во Наука, 1988.

3. *Huntington H., Fox Sh.* The Changing Arctic: Indigenous Perspectives. In: Arctic Climate Impact Assessment. Eds by C. Symon, L. Arris, B. Heal. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Pp. 62–95.

4. *Владимирова В.* Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23–56.

5. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

6. Выступление Президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации С.Н. Харючи. С. 4. URL: <http://www.raipon.info/about/Doclad.doc.pdf>

7. *Лука А.И.* Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

8. Попков Ю.В. Коренные народы Севера в условиях глобализации // Век глобализации. 2014. №1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/vek1-2014/24703-korennye-narody-severa-v-usloviyah-globalizacii.html>

Состояние межнациональных отношений в Республике Дагестан (по результатам социологического опроса)

М.М. Шахбанова

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанский
научный центр Российской академии наук, г. Махачкала*

Постсоветский период имел далеко идущие негативные последствия не только социально-экономического, политического характера, но и отразились на межэтнической сфере, на характере и частоте межнациональной коммуникации. Как известно, последнее десятилетие прошлого столетия во многих российских регионах на фоне роста типов социальной идентичности, очень часто этнической, причем ее деструктивных форм (этнодоминирование, этноцентризм, этнофаворитизм), наблюдалось обострение межнациональных отношений. Основными причинами обострения межнациональных отношений в Дагестане являются, во-первых, экономические факторы, во-вторых, миграция и миграционные потоки населения горных районов на равнинные, тем самым, провоцируя обострение социально-экономических, территориальных, кадровых проблем внутри полинационального административного образования, причем среди них, наиболее сложными являются территориальные разногласия, обуславливая межнациональное противостояние. В-третьих, деятельность национальных движений, ставивших вопрос о федеративном переустройстве республики. К этим трем факторам следует отнести проблемы репрессированных и насильственно переселенных народов, создающие реальную почву для формирования интолерантного сознания и поведения в дагестанском обществе, неопределенность этнического статуса малочисленных этносов, нерешенность их этнических, политических и социально-экономических проблем. В противовес им, факторами влияющими на состояние межнациональной толерантности дагестанских народов являются, во-первых, важность этнической принадлежности, во-вторых, установки на сохранение национальных тра-

диций и обычаев, в-третьих, положительное отношение к иноэтническим образованиям. Вместе с тем существуют причины, создающие почву для формирования межгрупповой, межнациональной интолерантности: 1. установки на разделение по религиозному признаку, вернее, существующее в республике глубокое внутриисламское противостояние, 2 значимость национальной принадлежности, проявляющаяся в самых различных сферах, чаще во властных структурах [1].

Изучение уровня развитости насилия и нетерпимости на постсоветском пространстве, подтверждает вывод исследователей о том, что данные явления могут быть поняты только как многофакторные. Для развития этноконфликтных ситуаций, особенно в насильственной форме, кроме чаще всего обсуждаемых (борьба за власть со стороны элитных групп или борьба за ресурсы) имело и имеет значение то обстоятельство, что они происходят в системе, доставшейся нам от прошлого, не знавшей правовых или конституционных механизмов регулирования при столкновении интересов.

Необходимо отметить, что в историческом прошлом на территории Дагестана не наблюдались серьезные межнациональные столкновения, хотя определенное противостояние и межэтническая напряженность имели место, большей частью обусловленные спорами хозяйственной деятельности дагестанских народов, и, несмотря на всякого рода коллизии, дагестанские народы мирно сосуществовали. Однако постсоветский период обнажил существующие в межнациональной сфере проблемы, более того, так называемые лидеры национальных движений своей деятельностью обостряли взаимоотношения между дагестанскими этносами, звучали обвинения в адрес соседних народов, которые в силу тех или иных субъективных и объективных факторов вынуждены были покинуть свою историческую «малую родину», и переселиться в другие районы.

В этой связи важным является исследование состояния межнациональных отношений в современном дагестанском обществе и механизма регулирования межэтнической напряженности и проти-

востояний в нашей республике. Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению государственно-гражданской (русской) идентичности дагестанских народов проведено в 2015 г. в Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Махачкала, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт. N – 903.

В нашем исследовании был задан вопрос «Как Вы оцениваете межнациональные отношения в Вашем районе, населенном пункте?», позволяющий выявить оценку дагестанскими народами состояния межнациональной обстановки в своих населенных пунктах. Полученные результаты опроса показывают превалирование в позициях каждого второго опрошенного двух суждений, причем характеризующих межнациональные отношения положительно, с уточнением «в нашем районе, населенном пункте не было межнациональных столкновений» (44,2 %) и «представители всех национальностей в моем районе, населенном пункте живут мирно и дружно» (45,3 %). Первое суждение разделяют 34,7 % чеченцев, 38,1 % лакцев, 39,5 % кумыков, 43,4 % русских, 45,5 % аварцев, 46,2 % даргинцев и 53,9 % лезгин; второй позиции придерживается больше половины опрошенных лакцев (52,0 %), каждый второй опрошенный среди аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, русских и чеченцев. При этом негативно межнациональную ситуацию на территориях своего проживания – «в нашем районе, населенном пункте происходят столкновения на межнациональной почве» оценивают 7,1 % опрошенных и 6,2 % придерживаются позиции «проживающие в нашем районе, населенном пункте представители других народов провоцируют межнациональные конфликты». По сравнению с другими опрошенными, больше всего выбравших суждение «в нашем районе, населенном пункте происходят столкновения на межнациональной почве» в подмассиве чеченцев (10,4 %); кроме того, опрошенные русские (11,4 %) и ногайцы (12,3 %) считают, что «проживающие в их районе, населенном пункте представители других народов провоцируют межнациональные конфликты».

В исследовании для нас интерес представляет этническое поведение дагестанских народов, поэтому им был задан вопрос «Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?». По всему массиву, каждый третий опрошенный в случае, если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к нему «стремится сгладить конфликт», среди них 38,1 % русских, 31,4 % лакцев, 27,0 % даргинцев, 27,1 % лезгин, 27,2 % кумыков, 27,4 % аварцев и 24,1 % чеченцев, в возрастном разрезе 23,6 % в разрезе «до 20 лет», 24,4 % «от 20 до 30 лет», 28,3 % «от 30 до 40 лет», 36,9 % «от 40 до 50 лет», 38,6 % «от 50 до 60 лет», 36,8 % «от 60 лет и выше», а также каждый третий опрошенный со средним специальным и высшим, каждый четвертый опрошенный со средним образованием; вместе с тем опрошенные придерживаются и диаметрально противоположной позиции «отвечаю тем же», то есть на агрессию проявляют агрессию, среди них 29,5 % чеченцев, 27,9 % даргинцев, 27,2 % аварцев, 26,9 % кумыков, 26,0 % лакцев, 22,7 % лезгин и 18,7 % русских; что примечательно, с возрастом и повышением образовательного статуса уменьшается доля ориентированных на взаимные агрессивные действия: 32,3 % в разрезе «до 20 лет», 28,2 % «от 20 до 30 лет», 17,3 % «от 30 до 40 лет», 18,7 % «от 40 до 50 лет», 13,3 % «от 50 до 60 лет», 18,1 % «от 60 лет и выше», 31,6 % со средним, 26,4 % средним специальным, 22,4 % высшим образованием. На третьей позиции, по всему массиву опрошенных, располагается суждение «стремлюсь конструктивно решить конфликт», среди них 26,4 % русских, 24,3 % ногайцев, 23,6 % кумыков, 23,2 % лезгин, 22,3 % даргинцев, 22,7 % чеченцев, 21,7 % аварцев, 18,8 % лакцев, причем доля таковых среди имеющих высшее образование почти в два раза больше по сравнению с респондентами со средним (15,7 %) и средним специальным образованием (17,8 %). Ориентированность на мирное решение возможного конфликта укрепляется с возрастом: 16,9 % в разрезе «до 20 лет», 25,1 % «от 20 до 30 лет», 29,7 % «от 30 до 40 лет», 26,0 % «от 40 до 50 лет», по 31,7 % в подгруппах «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше». Четвертое ранговое место занимает

позиция «ухожу от конфликта, но не прощаю», которая ближе каждому пятому опрошенному среди аварцев, лезгин, русских и чеченцев. Относительная небольшая доля опрошенных «при враждебной агрессии (прямой угрозе жизни) допускают возможность применения оружия» и доля таковых по другим этническим группам ниже 10 %. При этом статистически небольшая доля опрошенных «стремится пойти на односторонние уступки», причем их доля уменьшается с возрастом и образовательным статусом.

Далее в исследовании респондентам был задан вопрос «Как Вы поступите в случае возникновения межнациональных разногласий и конфликтов внутри республики?», для выявления этнического поведения дагестанских народов в ситуации возможного ухудшения межнациональных отношений в современном дагестанском обществе. Полученные по всему массиву, результаты исследования показывают превалирование в массовом сознании дагестанских народов позиции «я не буду принимать участие в межнациональных конфликтах, ибо это может привести к гражданской войне» (39,4 %), что свидетельствует о развитии гражданского самосознания опрошенных, а также о наличии в их общественном сознании четкого и разумного представления о последствиях межнационального столкновения в полиэтническом регионе. Однако смущает позиция каждого третьего опрошенного (27,5 %), который затруднился выразить свою точку зрения и обосновать свои действия в ситуации межэтнического конфликта. Третье ранговое место занимает суждение «буду активно отстаивать национальные интересы моего народа» (19,8 %) и менее 8,9 % опрошенных «будут настойчиво стремиться решить вопрос в свою пользу» и 4,8 % «покинут республику».

Судя по полученным ответам на вопрос «Как Вы поступите в случае возникновения межнациональных разногласий и конфликтов внутри республики?», опрошенные русские (42,2 %), аварцы (41,6 %), лезгины (41,5 %), лакцы (39,5 %), чеченцы (36,5 %), кумыки (36,4 %) и даргинцы (35,9 %) не будут принимать участия в межнациональных конфликтах с мотивацией, что их последствием может

быть гражданская война; доля придерживающихся данной позиции увеличивается с ростом образовательного статуса и возраста: 34,7 % «до 20 лет», 39,1 % «от 20 до 30 лет», 44,3 % «от 30 до 40 лет», 42,3 % «от 40 до 50 лет», 50,4 % «от 50 до 60 лет», 45,4 % «от 60 лет и выше», 34,4 % со средним, 33,2 % средним специальным и 44,9 % высшим образованием. Затруднились выразить свое мнение в случае возможного межнационального столкновения респонденты чеченцы (33,4 %), лакцы (30,7 %), даргинцы (29,4 %), аварцы (28,9 %), лезгины (27,5 %), кумыки (26,4 %), русские (26,4 %), каждый третий опрошенный со средним и средним специальным, каждый четвертый опрошенный с высшим образованием; далее, каждый четвертый опрошенный среди кумыков, в подгруппе «от 40 до 50 лет», каждый пятый опрошенный среди аварцев и даргинцев, имеющие среднее, среднее специальное и высшее образование, в подгруппе «от 20 до 30 лет», «от 30 до 40 лет» и «от 60 лет и выше», каждый шестой опрошенный среди лезгин и лакцев, в возрасте «до 20 лет», каждый восьмой опрошенный среди чеченцев в ситуации возникновения межнациональных разногласий и конфликтов внутри республики готов «активно отстаивать национальные интересы своего народа». Таким образом, опрошенные дагестанские народы являются носителями толерантных установок, более того, представляют трагические последствия возможных межнациональных коллизий, поэтому в жесткой форме обозначают свое поведение в ситуации обострения межнациональных отношений, но при этом следует иметь в виду, существование в дагестанском обществе людей, настроенных на активное участие в межнациональных конфликтах под флагами защиты национальных интересов своего народа.

Литература

1. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: Изд-во АЛЕФ, 2013. 394 с.

Этническое предпринимательство в системе укрепления национального согласия

Л.И. Щербакова, О.Е. Лабадзе

*Южно-Российский государственный политехнический
университет имени М.И. Платова, г. Новочеркасск*

Этническое предпринимательство как атрибут международной миграции трудовых ресурсов, формирования единого международного рынка труда привлекает к себе внимание в силу того, что так и не найдены убедительные объяснения следующих проблем: почему этнические мигранты проявляют большую предпринимательскую активность в отдельных секторах занятости по сравнению с местным населением, каковы возможности смягчения языковых и культурных противоречий между работниками различных этнических групп в трудовых отношениях, как влияет интенсивность социальных сетей на формирование коллективной солидарности среди местных работников и этнических мигрантов? Надо признать, что в современной России этнический бизнес, поглощающий наиболее активных этнических мигрантов, представляет собой важный сегмент экономики, игнорировать который не представляется возможным как с точки зрения достижения экономических показателей предприятий, так для сохранения социальной стабильности в регионе. При рассмотрении этнического предпринимательства мы соглашаемся с тем, что ему присущи некоторые социально-ролевые функции малого предпринимательства, на которые обращала внимание П.М.Козырева: «во многом эта роль определяется такими преимуществами малого предпринимательства, как достаточно высокая независимость и самостоятельность действий, мобильность, гибкость и экономичность, способность быстро принимать и выполнять решения, высокая восприимчивость к разного рода новшествам, узкая специализация и оперативность реагирования на изменения местных условий» [1, С. 45].

Является очевидным, что этническое предпринимательство испытывает влияние интенсивно развивающихся экономических отношений, роста количества международных и транснациональных корпораций, их проникновения на рынки труда большинства стран. Также принимаем во внимание тот факт, что функционирование этнического предпринимательства происходит в условиях не угасающей межэтнической напряженности, охватившей большинство регионов мира. Как считают ученые Института социологии РАН: «Определяющее значение для межэтнической напряжённости имеют культурные особенности взаимодействующих общностей, которые проявляются в виде представлений, мнений, убеждений, выражающих отношение к существующей практике межэтнических отношений, в виде поведенческих практик, в виде оценочных знаний исторических событий – исторической памяти этносов, фиксирующей национальные обиды, следы насильственных действий в области национальной политики, таких, как произвольное изменение национальных границ, искусственное расчленение этнических общностей, несправедливое национальное устройство, вынужденное переселение «рабочей силы», депортация народов». Этническое разнообразие в предпринимательской сфере обуславливает не только всестороннее изучение данных явлений в системе управления человеческими ресурсами, но и необходимость внедрения непосредственно на предприятиях кросс культурных технологий управления. Не случайно данные проблемы находятся постоянно в поле зрения ведущих ученых. Например, что в трудах В. Зомбарта predisположенность отдельных народов к предпринимательству связывается с наличием особых нравственных сил, В.Авксентьев рассматривает предпринимательскую активность этносов через понятие «этнопрофессионализма». Всесторонний анализ этнического предпринимательства представлен в трудах Радаева В.В., который считает, что «представители пришлых этносов» менее дорожат господствующими в данном обществе статусными позициями, «они менее стеснены поведенческими нормами, цементирующими мест-

ное сообщество, и поэтому оказываются более открытыми для всякого рода инноваций [2, С. 117-118].

Обеспечение процесса эффективной социальной адаптации этнических работников к новым условиям рынка труда и занятости, к новым деловым коммуникациям должно сопровождаться последовательным укреплением взаимопонимания и согласия между всеми проживающими в конкретном регионе, особенно это важно реализовать на первом этапе процесса интеграции этнических предпринимателей в трудовые организации. Воспользуемся на этот счет утверждениями Л.М. Дробижевой, которая подчеркивала, что «Межнациональное согласие – это благоприятное отношение, готовность взаимодействовать с людьми иных национальностей в деловой и неформальной сферах общения, регулировать противоречивые ситуации в диалоговой форме, это так же межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение «образа мира». Согласие проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, слышать друг друга и взаимодействовать на основе доминирующего доверия, равенства и справедливости»[3, С. 3]. Практика подтверждает, что в начальный период этнические мигранты – предприниматели находятся в ситуации, которая в управленческой литературе называется «кросс культурным шоком», формами проявления которого могут выступать чувство одиночества в новой социокультурной среде, нарушение ролевых ожиданий, чувство потери экономического и профессионального статуса. Другая сторона поддержки нормального социально-психологического климата в полиэтнических коллективах может быть рассмотрена в контексте теории человеческих отношений Э. Мэйо. Он предполагает детальное изучение ценностных ориентаций, социального самочувствия, жизненной философии, характерных для всех участников социально - трудового пространства.

Важным условием укрепления межнационального согласия является активная интеграция трудоспособного населения в продуктивную занятость. Ростовская область, весь Южный регион

имеют специфические формы обеспечения занятости, поскольку на этих территориях традиционно проживали представители различных этнических групп с широким спектром традиционных видов деятельности. Ростовская область – исторически полиэтничный регион, входящий в состав Южного федерального округа РФ. По данным Всероссийской переписи населения в 2010 г. численность населения области составила почти 4,3 млн. человек, большую часть которого составляют русские (90%), потом армяне (3%), украинцы (2%), турки (1%), азербайджанцы, цыгане, белорусы (по 0,4% соответственно), татары, чеченцы и корейцы (по 0,3% соответственно). Являясь приграничным регионом не только с Украиной, но и в представлении местных жителей «воротами Северного Кавказа», Ростовская область имеет определенный этнический колорит. Здесь разный уровень профессионально-квалификационного потенциала дифференцировал проживающих по востребованным в различных секторах региональной экономики: на крупных предприятиях традиционно работали коренные русские специалисты, а сферу торговли, услуг чаще всего пополняли работники с менее высоким потенциалом, мигранты, по разным причинам сменившие традиционное место жительства. Органы местного самоуправления и главы поселенческих территорий, руководители предприятий последовательно выстраивают политику управления трудовыми ресурсами, предлагают приемлемые условия для развития предприятий малого и среднего бизнеса с учетом этнического состава и предпочтений к занятию специфическими видами деятельности, принимая во внимание тот факт, что основная масса этнических предпринимателей ориентирована на добросовестную работу и установление доброжелательных отношений на работе и по месту жительства. Если этнических мигрантов позиционировать не столько как конкурентов на местных рынках труда, сколько в качестве локомотива формирования новых секторов хозяйственной жизни, особенно в сфере услуг, для них появляются объективные условия легализовать свое правовое положение, соответствующее

щий миграционный статус, которые сопровождаются этнокультурной ассимиляцией

Практика подтверждает, насколько важно сохранять и расширять формы административного регулирования межэтнического взаимодействия, как работает, к примеру, консультативный совет по межэтническим отношениям при Губернаторе Ростовской области, деятельность которого охватывает широкий круг проблем, в их числе – создание социально-экономических и культурных условий для достойной жизни людей всех национальностей, проживающих на территории области. Если рассматривать обозначенные направления деятельности через понятие «индекс развития человеческого потенциала», становится очевидным, что администрация региона должна обеспечить достойную жизнь работникам из числа этнических групп путем получения каждым из них ежегодного дохода, соответствующего достойному уровню обеспечения материальных и духовных потребностей, а также доступность получения профессии или квалификации, необходимой для выполнения новых трудовых функций в условиях формирующейся гибкой специализации труда. Предпринимаемые усилия дают положительные результаты. Сошлемся на данные, опубликованные в информационно-аналитическом бюллетени Института социологии РАН. Основываясь на результатах вторичного анализа данных социологического анализа межэтнических отношений и межэтнической напряженности, установлено, что «73% жителей Ростовской области довольны состоянием межэтнических отношений в регионе» [4, С. 26]. Этнические миграции и предпринимательство – тесно связанные явления. Предпринимательство могло бы существовать и без этнических миграций, однако мигранты не только придают определенный социокультурный колорит предпринимательству, но часто выступают в роли катализаторов его развития. В то же самое время экономические причины миграции – желание открыть свой бизнес и повысить уровень благосостояния – всегда выступали и будут выступать в качестве основных, способных снять с "насиженных" мест массы населения в поисках лучшей доли. При этом именно этнический фактор будет оказы-

вать влияние на перемещение и результативность обустройства мигрантов на новом месте жительства. Вчерашние мигранты на новом месте проживания приобретают необходимую квалификацию и профессию, востребованные на данном рынке труда. С другой стороны, подтверждается их социально-психологическая готовность твердо поддерживать этническую сплоченность или принимать стратегии поведения, ориентированные на укрепление социальной солидарности в новой социально-экономической группе, так как именно здесь актуализируются проблемы взаимодействия с коренным населением и их привыканием к вчерашним мигрантам.

Внедряя технологии, предполагающие нормальные трудовые отношения среди этнических предпринимателей, менеджмент может рассчитывать на существенное повышение эффективности бизнеса. При этом набор новых технологий обязан отличаться комплексным характером, включая нормы и правила формальной и неформальной полиэтнической культуры, систему формирования лидерских качеств, стиль разрешения конфликтов, интенсивность межкультурных коммуникаций.

Литература

1. *Козырева П.М.*, Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2015. №3.

2. *Радаев В.В.*, Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997. 368 с.

3. Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. Электрон. текст, дан. (объем 0,94 Мб) М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM).

4. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М. Ф. Черныш [Электронный ресурс] / Электрон. текст, дан. (объем 1,35 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2015. 107 с. 1 электрон. опт. Диск 12 см. (CD ROM)

Региональный уровень реализации государственной национальной политики (на примере субъектов РФ в СКФО)

Е.А. Щербина

*Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований,
г. Черкесск*

В отечественной этнополитологии выделяется федеральный, региональный, муниципальный и местные уровни реализации государственной национальной политики. С 2012 года началось её качественное изменение. В целях гармонизации межнациональных отношений, укрепления единства многонационального народа России и обеспечения условий для его полноправного развития 7 мая 2012 года Президент России подписал Указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», в соответствии с которым началась разработка Стратегии государственной национальной политики РФ [8]; в целях совершенствования государственной политики в области межнациональных отношений был издан Указ от 5 июня 2012 года № 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям» [9].

В настоящее время основным документом в реализации государственной национальной политики РФ является «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012г. №1666) (в дальнейшем, Стратегия).

В отношении субъектов РФ в СКФО важнейшими вопросами, решение которых приоритетны в сфере национальной политики, являются:

- а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;
- б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;
- в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией.

Северо-Кавказский вектор реализации отмечен только в одном пункте Стратегии, но все обозначенные направления значимы для народов, проживающих в субъектах РФ в СКФО [6].

Значимость регионального уровня реализации государственной национальной политики в условиях модернизационного транзита России усиливается. Важнейшим условием её эффективной реализации является единство концептуальных основ в программных документах федерального, регионального и местного уровней.

Северо – Кавказский федеральный округ (далее, СКФО) был выделен из состава Южного федерального округа указом Президента РФ Д. Медведева от 19 января 2010 года, в него входит семь субъектов РФ – Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика. Региональные программы по реализации государственной национальной политики существуют во всех субъектах РФ в СКФО, кроме Чечни.

Этнополитологи, работающие на Северном Кавказе, отмечают основные векторы национальной политики, которые меняют свое качественное содержание в зависимости от вызовов времени, общероссийской политической ситуации, геополитических факторов. На наш взгляд, в настоящее время это следующие направления:

– реинтеграция субъектов РФ в СКФО в общероссийское социально – политическое и культурное пространство с акцентированием духовно – ценностной основы этой интеграции;

– ускоренная модернизация всех сфер жизнедеятельности с сохранением традиционных элементов быта, культуры, типов хозяйствования;

– выделение этнокультурного компонента как основы для укрепления общероссийской гражданской идентичности и формирования российской цивилизационной идентичности.

Часть политологов предлагает принять федеральный закон, устанавливающий конкретизированные полномочия субъектов РФ в сфере этнических вопросов.[2]

Институциональная система реализации государственной национальной политики на уровне региона включает не только органы государственной власти субъекта федерации, но и экспертные советы, структуры гражданского общества, землячества, национальные объединения, НКО, представителей СМИ. К этническим акторам относятся общественные объединения, созданные по этническому принципу, съезды народов – специфический этнический актор на Северном Кавказе.[1] В Ингушетии статья о признании съезда народов высшим представительным органом власти в республике является конституционной.

Вторым активным актором этнополитики на уровне регионов выступают органы власти субъектов РФ в регионе и муниципальные органы власти.

В эту группу входят:

- президенты республик и главы краев и областей.
- парламенты субъектов федерации,
- правительства субъектов федерации. [1]

Важным элементом институциональной системы этнополитики на региональном уровне являются исполнительные органы власти субъекта РФ в сфере межэтнических отношений и в законодательных органах субъекта – это ведомства, комитеты.

В настоящее время, вследствие законодательно закрепленной ответственности глав субъектов РФ и муниципальных образований за состояние межэтнических отношений, значимыми акторами этнополитики становятся органы местного самоуправления.

Региональная этнополитика в СКФО имеет свою специфику, которая проявляется как на уровне федерального округа, так и на уровне субъектов РФ СКФО, имеющих свои особенности. Этнополитика касается всех сторон жизни этнических общностей, связана с реализацией их социокультурных запросов, политического само-

определения, образовательной и языковой стратегий. Политика центра в отношении этнических групп направлена на формирование гражданской идентичности с учетом полиэтничности и культурного многообразия. Важнейшим аспектом окружной этнополитики является выделение и характеристика внутренних проблем округа и входящих в него субъектов. Среди них можно выделить проблемы, общие для всех регионов округа, характерные для нескольких субъектов, специфические проблемы отдельных субъектов РФ в СКФО.

В СКФО, на наш взгляд, есть те этнополитические проблемы, которые являются общими для всех субъектов, входящих в его состав. Это:

– экстремизм и терроризм. С одной стороны, республики Северного Кавказа в российском общественном сознании рассматриваются как очаги экстремизма и терроризма. С другой стороны, от террористических актов и экстремистских проявлений страдают, в первую очередь, жители Северного Кавказа. Так, по собственным подсчетам сайта «Кавказский узел», ежемесячно ведущих статистику жертв на Северном Кавказе, в 2015 году 258 человек стали жертвами вооруженных конфликтов, среди них 35 гражданских лиц, 49 силовиков[3]. В марте 2015 года в Пятигорске состоялось выездное совещание Совета безопасности РФ, на котором Секретарь Совета Безопасности Н.Патрушев акцентировал внимание на сохраняющихся рисках – терроризме и национально – религиозном экстремизме. Фиксируются преступления террористической направленности [5];

– это миграционный отток населения из республик. Этнический состав мигрантов официально не фиксируется, но, если судить по статистическим данным, учитывающим естественное движение населения и миграционные потоки, то можно с большой долей вероятности говорить о массовой миграции русских из северокавказских республик. В системе жизненных стратегий молодежи СКФО существует устойчивый индикатор на отъезд в мегаполисы, в крупные российские города. Так, по результатам социологических опро-

сов, проведенных среди студенчества в республиках СКФО, 50% молодежи Кабардино-Балкарской Республики настроены на отъезд, из них 22,5% хотели бы жить в другой стране; в Карачаево-Черкесии 43,8% молодых людей хотели бы остаться в республике, остальные настроены на отъезд, из них 20,8% хотели бы жить в другой стране; в Северной Осетии – Алании около 63% планируют остаться в республике, остальные ориентированы на отъезд. В других республиках складывается аналогичная ситуация [7];

– это клановый характер и коррупция во власти. В северокавказских республиках отсутствует механизм формирования этнополитической элиты из наиболее профессионально подготовленных жителей субъекта, занимающих активную гражданскую позицию. Рекрутинг идет по линии родственных и клановых связей. Это отмечает большинство экспертов из северокавказских республик: «социальные лифты затруднены для всех групп населения...»[4];

– распространение религиозного фундаментализма и связанного с ним религиозного экстремизма, особенно среди молодых людей. В Ставропольском крае растет число «русских ваххабитов» – распространение среди русской и русскоязычной молодежи идей радикального ислама и рекрутирование её представителей в ряды шахидов – смертников. Идеи ваххабизма охватывают всё большее число молодых людей не только в восточной части Северного Кавказа, где традиционно роль религии была велика, но и её западную часть. В настоящее время угрозу национальной безопасности РФ представляет вербовка в ряды террористических организаций молодежи из регионов СКФО, участие этнических групп влияния и диаспор в финансировании бандформирований.

В качестве проблем, характерных для нескольких субъектов округа, можно рассматривать:

– черкесский вопрос, ситуационно актуализирующийся среди черкесов Карачаево-Черкесской Республики и кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики;

- проблемы депортированных народов, проживающих во всех республиках СКФО;
- земельный вопрос, актуальный в таких регионах, как Дагестан и Кабардино-Балкария;
- последствия территориальных споров между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия;
- рост числа сектантов и представителей «родноверия» среди русскоязычного населения субъектов РФ в СКФО.

Специфическими, характерными для Ставропольского края являются проблемы, связанные с увеличением миграционного притока из других северокавказских субъектов. Особенность Чеченской Республики – это активная клерикализация населения, практически переход от светского характера жизни к шариатским нормам в этой республике.

Среди дестабилизирующих факторов, в значительной степени определяющих этнополитические процессы в субъектах РФ СКФО, выделяются: деятельность бандформирований в Чеченской Республике и в Республике Ингушетия, проявление нескольких очагов напряженности в Республике Дагестан. В Кабардино-Балкарской Республике продолжаются межэтнические противоречия, связанные с земельным вопросом, в Ставропольском крае – столкновения между славянской и кавказской молодежью, территориальные претензии Чечни к Ингушетии. [5]

Конечно, перечисленные проблемы не исчерпывают всей совокупности этнополитических вызовов и рисков, но отражают общие черты политической жизни этносов в субъектах РФ в СКФО.

После принятия Стратегии государственной национальной политики на федеральном уровне, началось активное обсуждение Стратегий по нацполитике на уровне округов. Проект Стратегии государственной национальной политики РФ в Северо-Кавказском федеральном округе разрабатывался в течение 2012 года и содержал ряд существенных моментов, связанных с этнополитической ситуацией в регионе. На тот момент для неё были характерны распро-

странение этноцентристских настроений, региональный сепаратизм, межэтнические противоречия и конфликты, дерусификация республик РФ СКФО, последствия этнополитических конфликтов (осетино-ингушский, Чеченской Республики и федерального Центра). В качестве магистральной целевой установки Стратегии национальной политики в СКФО было определено формирование институциональной среды российской цивилизационной идентичности и упрочения российской гражданской идентичности в региональном сообществе СКФО. Разработанная на окружном уровне Стратегия не была принята, федеральным центром было принято решение о принятии программ по этнополитике на уровне субъектов, но содержащиеся в ней положения и целевые установки легли в основу региональных программ и концепций.

При обсуждении Стратегии РФ в субъектах РФ в СКФО основное внимание уделялось конкретизации проблем в округе и механизмах их решения. В соответствии с принятой Стратегией РФ в северокавказских субъектах в конце 2013– начале 2014 годов были разработаны и приняты программы в межэтнической сфере.

В Ставропольском крае основной осталась программа «Основные направления реализации государственной национальной политики в Ставропольском крае на 2011 – 2015 годы», утвержденная Распоряжением Правительства Ставропольского края от 18.02.2011 N 67-рп. В ней подчеркивается необходимость упрочения позиций русской культуры в межкультурной коммуникации народов Российской Федерации, проживающих на территории Ставропольского края. Правительство Ставропольского края в настоящее время в качестве приоритета ставит задачи воспитания и образования подрастающего поколения на основе традиций и культуры межнационального общения при реализации в Ставропольском крае государственной национальной политики.

На уровне местного самоуправления основным документом является Решение № 29 от 13 марта 2014 г. "О реализации органами местного самоуправления муниципальных образований Ставро-

польского края мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов".

В Карачаево-Черкесской Республике была принята программа «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике в 2014-2016 годах» (Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 31.10.2013 N 363). В программу вошло пять подпрограмм, среди них «Профилактика терроризма и экстремизма в Карачаево-Черкесской Республике на 2014-2015 гг.» и «Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Карачаево-Черкесской Республики на 2014-2016 гг.», которая выиграла конкурсный отбор среди субъектов РФ на предоставление субсидий в рамках реализации ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 гг.)».

В Кабардино-Балкарии – это целевая программа «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности в Кабардино-Балкарской Республике на 2011-2015 годы» (Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 7.06.2011 г. N 169-ПП). Актуальным для республики остается Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 21 апреля 2012 года N 89-ПП «О мерах по сохранению и развитию связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и репатриантами на 2012-2015г.». В соответствии с ним, одной из основных задач в сфере сохранения стабильности в межэтнической сфере является сохранение и развитие культурных, образовательных, экономических и других связей жителей республики с соотечественниками за рубежом, адаптация репатриантов. Документ актуализируется в связи с проблемой сирийских черкесов – мухаджиров, вынужденных в связи с войной в Сирии возвращаться в места компактного проживания адыгов.

В Республике Северная Осетия – Алания (РСО – А) на основе Стратегии государственной национальной политики была принята государственная программа «Развитие межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» на 2014-2018 годы» (Постановление Правительства РСО-Алания от 15 ноября 2013 г. N 416), включающая пять подпрограмм. Среди них: «Гармонизация межнациональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания»; «Профилактика экстремистских проявлений в Республике Северная Осетия-Алания»; «Взаимодействие с соотечественниками за рубежом и развитие гуманитарных связей Республики Северная Осетия-Алания». В качестве основных целей программы определены: профилактика экстремистских проявлений; содействие этнокультурному развитию народов республики; создание эффективной системы сотрудничества с соотечественниками за рубежом, имеющими исторические и культурные связи с Республикой Северная Осетия-Алания, и представителями осетинских землячеств, действующих на территории Российской Федерации, развитие гуманитарных (общественно-политических, социокультурных) связей Республики Северная Осетия-Алания.

В Республике Дагестан (РД) была принята государственная программа РД «Реализация Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025года» (Постановление Правительства РД от 30.04.2015 N 129). Среди основных задач Программы: совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Республики Дагестан; совершенствование системы обеспечения равноправия граждан по национальному признаку в Республике Дагестан для реализации их конституционных прав; создание оптимальных условий для сохранения и развития языков народов Дагестана при главенствующей роли русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения.

В Республике Ингушетия была принята государственная программа РИ «Укрепление межнациональных отношений и развитие

национальной политики» (Распоряжение Правительства РФ от 10.12.2013 N 874-р). Основной акцент в сфере этнополитики делается на взаимодействии с соседними регионами, прежде всего с Чеченской Республикой, Республикой Северная Осетия – Алания, Республикой Дагестан.[4]

В Чеченской Республике в этнополитике ориентированы на реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ с учетом таких местных особенностей как мононациональность республики, центральное место религии во всех сферах жизни общества, авторитаризм власти.

В настоящее время в России все активнее заявляет о себе молодежь как новый субъект политических процессов. Активность молодежи проявляется в участии в партийных движениях, общественных организациях, органах власти, в протестных движениях и бытовых конфликтах, интерпретируемых в этнических категориях. Тема молодежи постоянно звучит в выступлениях первых лиц государства, акцентирование её проблем становится новым трендом в политологических исследованиях. На государственном уровне внимание к молодежной проблематике выразилось в разработке и принятии Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №1760-р (с изменениями на 16 июля 2009). В качестве приоритетных направлений реализации молодежной политики рассматриваются: формирование гражданской ответственности и патриотизма, толерантность и уважение к представителям другой культуры, гармоничное и духовное развитие, высококонкретное поведение. Основными видами работы по реализации указанного направления являются разработка и реализация программ и проектов, направленных на приобщение молодежи к отечественной культуре, историческому наследию народов России, формирование прочных духовных и нравственных начал личности, а также межличностных отношений, развитие системы гражданского и патриотического воспитания молодых людей [4].

В качестве регионального компонента Стратегии государственной молодежной политики выступили Стратегии или Концепции, принятые в федеральных округах и субъектах, входящих в их состав. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе была разработана и принята «Концепция государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ до 2025 года» от 17 апреля 2012 г. № 506-р. В ней отмечено: «По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Северо-Кавказском федеральном округе проживало 2,8 млн. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 30,5 процента общего числа жителей и является одним из самых высоких показателей в Российской Федерации. К числу наиболее актуальных проблем молодые люди относят безработицу, коррупцию, рост преступности, распространение наркомании, алкоголизма, необеспеченность жильем, рост цен и инфляцию, межэтнические противоречия, уровень культуры и нравственности людей» [10]. В Концепции обозначено, что государственная молодежная политика в северокавказском регионе превращается в один из определяющих факторов повышения стабильности политической и социально-экономической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе.

Для народов Северного Кавказа в современных условиях чрезвычайно важным представляется утверждение Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий (утверждена Правительством РФ от 18 августа 2015 года), которая призвана развивать взаимодействие государства и гражданского общества, способствовать укреплению межпоколенческих связей, преемственности культурного опыта и патриотическому воспитанию молодежи. В документе отмечается, что процесс реабилитации пострадавших не был завершен, неизвестно точное число репрессированных, не установлен общенациональный памятник жертвам политических репрессий, не обозначены все места их захоронения.

Таким образом, для всех субъектов РФ в СКФО характерна развитая нормативно – правовая база реализации государственной нацио-

нальной политики. В субъектах РФ в СКФО реализуются основные целевые программы в сфере межэтнических отношений, результатом которых является стабильность в межэтнической сфере, активное взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества по предотвращению и профилактике межэтнических конфликтов.

Литература

1. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

2. Вартумян А.А. Региональный уровень государственной этнополитики.// Региональные политические исследования. Интернет – ресурсы. Дата публикации: 17.02.2015.

3. Инфографика. Статистика жертв на Северном Кавказе за 2015 год по данным Кавказского узла// <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/277271/>.

4. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад / под общ. Ред В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013.

5. Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (по состоянию на первое полугодие 2015 г.). Введение: экспертный доклад/под ред. В.А. Тишков. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015.

6. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года. Раздел «Общие положения»// <http://base.garant.ru/70284810/>.

7. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Москва: ИЭА РАН, 2014. С.50–85.

8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия». Электрон. ресурс: <http://www.referent.ru/1/198116>. Дата обращения 13.05.2013.

9. Указ президента РФ от от 5 июня 2012 года №776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям». Электрон. ресурс: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52320. Дата обращения 13.05. 2013.

10. Электронный ресурс: <http://www.skfo.gov.ru/obshestvo/molodezh/koncersiya-molodezhnoj-politiki/>

Для заметок

Научное издание

НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО И МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИИ

*Материалы всероссийской конференции
(г. Ростов-на-Дону 14 апреля 2016 г.)*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 12.10.2016. Подписано в печать 14.10.2016.

Печать цифровая, гарнитура Times New Roman.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 8,65.

Тираж 550 экз. Заказ № 447.

Отпечатано в типографии

ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111

тел. 8-918-570-30-30.